

ISSN 2072-7607

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 2 (29)

Рязань 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731

Редакционная коллегия

Главный редактор

Я.М. Колкер, канд. пед. наук, проф. (Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина)

Заместитель главного редактора

Е.С. Устинова, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина)

Члены редакционной коллегии

В.Н. Бабаян, д-р филол. наук (Ярославль, филиал ВКА им. А.Ф. Можайского)

А.Г. Голодов, д-р филол. наук, проф. (Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина)

В.И. Жельвис, д-р филол. наук, проф. (Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского)

Е.В. Игнатова, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина)

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т)

С.С. Куклина, д-р пед. наук, проф. (Вятский гос. гуманитар. ун-т)

А.М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т)

С.Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (Ярославль, МУБиНТ)

Т.С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский гос. техн. ун-т)

Е.Н. Соловова, д-р пед. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва)

В.Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Ярославль, МУБиНТ)

Редакторы иностранного текста

Е.С. Устинова (английский язык)

Е.В. Игнатова (немецкий язык)

Ван Цзиньлин (китайский язык)

По вопросам публикации обращаться по адресу:
e.ustinova@rsu.edu.ru

Журнал выходит 4 раза в год.

Адрес и телефон редакции:

390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел.: (4912) 21-57-23

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Концептологические исследования языка и дискурса

Степанов В.Н.

Интерпретация понятия “Kraft” («сила») в трудах Вильгельма фон Гумбольдта 5

Шейна И.М.

Русские заимствования в языке эскимосов Аляски..... 14

Раздел II

Лингвистические предпосылки адекватности перевода

Дрессигер Ганс-Гарри

О некоторых теоретических предпосылках перевода: онтология, эквивалентность, метонимия (на немецком языке) *Zu ausgewählten theoretischen Grundlagen des Übersetzens: Ontologie, Äquivalenz, Metonymie* 18

Марьяновская Е.Л.

Перевод как инструмент обучения чтению художественной литературы 28

Наумова О.А.

«Свои», «чужие», «другие» в мультикультурном диалоге М. Левицкой и проблема перевода суржика в англоязычном тексте 34

Раздел III

Дискурсивный характер письменного текста

Бойко Г.И.

Лингвистическая репрезентация ценностного потенциала в произведениях В. Борхерта 40

Логинова Е.Г.

Упорядочение через уподобление как универсальная функция знака 44

Рогатин В.А.

Английское Просвещение и наследие Шекспира 53

Хроменков П.Н.

«Язык вражды» как направление научного дискурса 60

Раздел IV
Современные парадигмы обучения иностранным языкам

Владимирова Л.П. Дистанционное обучение иностранным языкам: специфика и перспективы	68
Кэмерон-Фолкнер Т. (Cameron-Faulkner, Thea) Функциональный подход к языку: что он дает методике преподавания? (на английском языке) Pedagogical Insights from the Usage-Based Approach to Language	72
Колесников А.А. Обучающая профорентация в рамках профильного курса немецкого языка (10–11 классы профильной школы)	76
Шань Нина Место перевода в системе упражнений, обучающих логике связного высказывания	83

Раздел V
Институт Конфуция: Чем живет современная синология

Хань Биншуан Замечания относительно сложностей преподавания фонетического аспекта китайского языка иностранцам	89
Чжан Цюаньфэн Языковые и жанрово-композиционные характеристики китайских интернет-произведений	92
Чжао Чуньгуан Краткий анализ культуры иероглифических знаков китайского и японского языков	99

Раздел VI
Художественный перевод с комментариями переводчика
(к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова)

Колкер Я.М. Великие стихи, великий романс	105
Table of Contents and Abstracts (Аннотированное содержание на английском языке)	111
Сведения об авторах	116
List of authors	117
Требования к публикациям	118

Раздел I

Концептологические исследования языка и дискурса

(Материалы международной конференции «Основные направления лингвистической и лингводидактической мысли в 21 веке». г. Рязань, РГУ имени С.А. Есенина, 24–26 апреля 2014 года)

УДК 811.112.2

В.Н. Степанов, д-р филол. наук
МУБиНТ, Ярославль)

Интерпретация понятия „Kraft“ («сила») в трудах Вильгельма фон Гумбольдта

Автор данной статьи рассматривает концепт “Kraft”, который в немецкоязычной гуманитарной научной традиции широко используется в разных областях научного знания, часто в широком, нетерминологическом, значении, и, по мнению автора, давно нуждается в более точном понятийном определении в качестве эпистемологического концепта и единицы современного гуманитарного знания. В данной работе анализируется употребление слова “Kraft” в работах Вильгельма фон Гумбольдта, с отдельными примерами из трудов его современников – И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Д. Йениша и Х. Штейнтала, чтобы реконструировать и описать структуру “Kraft” концепта как единицы эпистемологической системы.

Вильгельм фон Гумбольдт, концепт, сила, Kraft, дух, Geist, «история понятий», Begriffsgeschichte.

В центр внимания в данной статье помещен концепт “Kraft”, который в немецкоязычной гуманитарной научной традиции широко используется в разных областях научного знания, часто в широком, нетерминологическом, значении, и, на наш взгляд, давно нуждается в более точном понятийном определении в качестве эпистемологического концепта и единицы современного гуманитарного знания.

Известный немецкий лингвист, автор фундаментальных трудов о научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта¹ Юрген Трабант однажды заметил, что понятие “Geist «перекочевало» с центральных позиций гуманитарного знания XX столетия на вспомогательные роли в психологии и даже приобрело нетерминологический эзотерический смысл: “nämlich aus den Kulturwissenschaften ausgewandert und damit von einer zentralen Geist-Wissenschaft des zwanzigsten Jahrhundert zu einer Hilfswissenschaft der Psychologie geworden und in die esoterische Bedeutungslosigkeit abgedriftet”².

В данной работе мы анализируем употребление слова “Kraft” в работах Вильгельма фон Гумбольдта, с отдельными примерами из трудов его современников – И. Канта³, Г.В.Ф. Гегеля⁴, Д. Йениша⁵

© Степанов В.Н., 2014

¹ Например: Trabant J. *Apeliotes oder Der Sinn der Sprache* : Wilhelm von Humboldts Sprach-Bild. München : Fink, 1986. 226 S. ; Idem. *Weltansichten: Wilhelm von Humboldts Sprachprojekt*. München : Beck, 2012. 352 S.

² Trabant J. *Weltansichten*. ... S. 245

³ Kant I. *Kritik der Urteilskraft* / Hrsg. W. von Weischedel. Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. 468 S.

⁴ Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes // Werke* / [Red. E. Moldenhauer ...] : Bd. 3. Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft : Stw. ; Berlin : Suhrkamp, 1970. 603 S. ; Idem. *Über die unter dem Namen Bhagavad-Gita bekannte Episode des Mahabharata von Wilhelm von Humboldt // Berliner Schriften : 1818–1831. // Werke* / [Red. E. Moldenhauer ...] ; Bd. 11. Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft : Stw. – Berlin ; Suhrkamp. S. 131–204.

⁵ Jenisch D. *Philosophisch-kritische Vergleichung und Würdigung von vierzehn ältern und neuern Sprachen Europens, namentlich: Der griechischen, lateinischen, italienischen, spanischen, portugiesischen, französischen, englischen, deutschen, holländischen, dänischen, schwedischen, polnischen, russischen, lithauischen* / Preisschrift des D. Jenisch. Berlin : Maurer, 1796. 503 S.

и Х. Штейнталя⁶, чтобы реконструировать и описать структуру данного концепта как единицы эпистемологической системы.

Гипотеза нашего исследования заключается в следующем:

- слово “Kraft” Гумбольдтом и его современниками используется как многозначное и многофункциональное понятие;
- слова “Geist” и “Kraft” используются в одних и тех же контекстах и образуют единую семантическую сеть взаимосвязанных понятий, в сравнительном изучении которых возможно более точно определить значение каждого понятия.

Исследование концепта “Kraft” преследует следующие задачи:

- описать использование слова “Kraft” (“Kräfte”) в работах Гумбольдта и его современников;
- выявить контексты употребления данных слов;
- на основании анализа контекстов реконструировать объем понятия концепта “Kraft”.

В основу анализа, таким образом, положены сопоставительный, грамматический и семантический критерии, позволяющие описать многообразие грамматических, лексических и семантических отношений данного концепта в гумбольдтовском дискурсе и трудах его современников.

Комплексное сопоставительное изучение позволяет реконструировать структуру концепта “Kraft”, его смысловые отношения с близкими и в первую очередь с концептом “Geist”, впоследствии с другими – “Genie”, “Macht”, “Gewalt” и в результате описать концепт “Kraft” как самостоятельный концепт и единицу эпистемологической системы Гумбольдта.

Данное исследование представляет модель интерпретации концепта “Kraft” в контексте его собственного эпистемологического потенциала и семантических связей со смежными концептами.

Концепт “Kraft” рассматривается нами как ключевой для описания концепта “Geist”, относящегося к базовым понятиям гумбольдтовского научного наследия.

Методологически данное исследование близко к так называемой исторической семантике⁷ и ее отдельным, национальным ветвям: англо-американской «интеллектуальной истории» (intellectual history), немецкой «истории понятий» (Begriffsgeschichte), французской «лексикометрии» (lexicometrie).

Эмпирической базой исследования стали в первую очередь труды Вильгельма фон Гумбольдта, 17-томное собрание его сочинений (1903–1936), в которых последний использует в своих размышлениях слово “Kraft”, их хронологическая организация позволяет выявить динамику и различия в использовании данного слова и эволюцию собственно концепта “Kraft”; дневники Гумбольдта 1788, 1789, 1799, 1800 годов, которые он вел во время путешествий по Германии, Франции и Швейцарии, Испании»; фрагменты:

- Über die Gesetze der Entwicklung der menschlichen Kräfte. Bruchstück (1791);
- Über Denken und Sprechen (1795/96);
- Über den Geist der Menschheit (1797);
- Tagebuch der Reisenach dem Reich (1788);
- Tagebuch der Reise nach Paris und der Schweiz (1789);
- Materialien (1797, 1798);
- Tagebuch der Reise nach Spanien (1799–1800);
- Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung (1820);
- Über die Aufgabe des Geschichtschreibers (1821);

⁶ Steinthal H. Die Sprachwissenschaft Wilhelm v. Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie. 2. Nachdruckaufl. d. Ausg. Berlin, 1848. Hildesheim [u.a.] : Olms, 1985 = 1848. 170 S.

⁷ Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии: пер. с нем. // История понятий, история дискурса, история менталитета : сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : Новое лит. обозрение, 2010. – С. 5–17 ; Гийому Ж. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий // Ibid. С. 86–111; Ferron I. “Die Sprache ist das bildende Organ des Gedankens” Ein Nachdenken über die Sprachreflexion Wilhelm von Humboldts und ihren Einfluss auf die Entstehung der modernen Sprachwissenschaft und Sprachphilosophie // Annali di Ca'Foscari. Rivista della Facoltà di Lingue e Letterature straniere dell'Università Ca'Foscari di Venezia. XLVI. I/ 2007. P. 167–200 ; Gardt A. Das rationalistische Konzept der Fachsprache: Gottfried Wilhelm Leibnitz // Recht und Sprache in der deutschen Aufklärung / hrsg. von U. Kronauer, J. Garber // Recht und Sprache in der Deutschen Aufklärung ; (Heidelberg) : 1998. 01. 28–30. Tübingen : Niemeyer, 2001. S. 37–52 ; Koselleck R. Begriffliche Innovation der Ausklärungssprache // Recht und Sprache in der deutschen Aufklärung / hrsg. von U. Kronauer, J. Garber // Recht und Sprache in der Deutschen Aufklärung ; (Heidelberg) : 1998. 01. 28–30. Tübingen : Niemeyer, 2001. S. 4–26.

- Über das Entstehen der grammatischen Formen, und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung (1821);
- Über die Bhagavad-Gita (1825);
- Über die unter dem Namen Bhagavad-Gita bekannte Episode des Mahabharata I (1825), II (1826);
- Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus (1824–1826);
- Über den Dualis (1827).

Особое внимание было уделено речам Гумбольдта в Бранденбургской академии наук⁸:

- “Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung” (1820);
- “Über die Aufgabe des Geschichtschreibers” (1821);
- “Über das Entstehen der grammatischen Formen, und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung” (1822).

Мы опирались также на ключевую для понимания научной системы Гумбольдта работу – “Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts” (1830–1835)⁹.

Первичные наблюдения и исследовательские гипотезы мы проверяли и сравнивали с данными справочных и энциклопедических изданий, комментариями издателей научного наследия Гумбольдта, отражающими точку зрения современных исследователей¹⁰.

В лексическом описании слова “Kraft” мы опирались в первую очередь на лексикографическое описание современного Гумбольдту немецкого языка и использовали словарь Иоганна Кристофа Аделунга¹¹.

Одну (и единственную) из своих первых работ молодой Гумбольдт посвятил исключительно “Kraft” – “Über die Gesetze der Entwicklung der menschlichen Kräfte. Bruchstück” (1791). В своих размышлениях 1791 года, как отмечают комментаторы Андреас Флитнер и Клаус Гиль, Гумбольдт предпринимает сравнительно-антропологическое и историко-философское исследование законов развития человеческих способностей¹².

Фрагмент “Über die Gesetze der Entwicklung der menschlichen Kräfte. Bruchstück” (1791) впервые опубликован в полном собрании сочинений Гумбольдта в 1903 году, его название и датирование предложено издателем Лейцманом¹³.

Юрген Трабант (2002) в послесловии к академическим речам Гумбольдта отметил, что основная проблема исследований была заявлена Гумбольдтом с самого начала, уже в его раннем произведении 1787 года, сохраняла значимость для исследователя в поздних работах, определила направление размышлений и касается исключительно его отношений с философией¹⁴.

В данном фрагменте Гумбольдт исследует происхождение человеческих сил (der menschlichen Kräfte), которые делают человека и его окружение великим и успешным, откуда они получают силу и питание, что их ослабляет и уничтожает: “welche den Menschen gross und glücklich machen, so wie alles in und ausser ihm, wodurch diese Kräfte Nahrung und Stärkung erhalten, und was sie schwächt und vernichtet”¹⁵.

В своей работе 1791 года Гумбольдт формулирует задачи исследования и вместе с ними – основные положения теории, в соответствии с которой, под действием «вечных» законов, человек, подчиняясь естественному движению своих внутренних сил, получает связь с изменяющейся, вечно новой и одновременно в своей сущности неизменной и постоянной природой, вечно новой и циклично развивающейся реальностью: “nach welchen der Mensch durch den natürlichen Fortschritt seiner inneren Kraft, verbunden mit den, bei einer ewig wechselnden, und noch im Ganzen immer sich selbst gleichen Natur, ewig

⁸ Wilhelm von Humboldt. Über die Sprache : Reden vor der Akademie / Hrsg., kommentiert und mit einem Nachw. vers. von J. Trabant, Tübingen [u.a.] : Francke, 1994. 277 S.

⁹ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 7. Hälfte 1: Einleitung zum Kawiwerk. Berlin : Behr, 1907. S. 1–334.

¹⁰ Hegel-Lexikon / Hrsg. P. von Cobben, P. Cruysberghs, P. Jonkers, Du De Vos. Darmstadt : Wiss. Buchges. 2006. 552 S ; Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts / G. Haßler, C. Neis. Bd. 1. Berlin [u.a.] : de Gruyter, 2009. 963 S.

¹¹ Adelung J.Ch. Das Grammatisch-kritische Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. URL: http://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009132_2_0_949

¹² Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden / Hrsg. A. Flitner, K. Giel. Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1960. Bd. 1. S. 298.

¹³ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1: 1785–1795. Berlin : Behr, 1903. 438 S.

¹⁴ Wilhelm von Humboldt. Über die Sprache : Reden vor der Akademie / Hrsg., kommentiert und mit einem Nachw. vers. von J. Trabant, Tübingen [u.a.] : Francke, 1994. S. 202.

¹⁵ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 1: 1785–1795. S. 88.

neuen und doch immer wiederkehrenden Begebenheiten, bald von dieser, bald von jener Seite entwickelt, bald von dieser, bald von jener beglückt wird”¹⁶.

В то же время отсутствие единства (“immer nur uneigentlich”) в употреблении прилагательных “geistreich” и “geistvoll” отметил сам Гумбольдт, в частности, заметив, что эти слова употребляются для характеристики «чистого» (rein) взаимодействия интеллектуальных сил с живостью воображения: “geistreich und geistvoll immer nur da gebraucht werden, wo Tiefe der rein intellektuellen Kräfte mit Lebendigkeit der sinnlichen Einbildungskraft zusammenkommt”¹⁷.

На той же странице Гумбольдт использует в работе метафорическое объяснение “Kraft” через образы дыхания (der Hauch) и ветра (der Wind), данную метафору иногда относят к духу в целом (Geist): “Im Deutschen allein ist der Begriff der Kraft, des ächten Wesens herrschend geblieben. Ganz ursprünglich nemlich rühren alle diese Wörter von dem Begriff des Hauchs, des Windes her. Erst davon, und erst als Metapher für etwas Unsinnliches sind sie auf das Verfahren der Distillation (als nemlich das Ausziehen des Weniger-Materiellen) übertragen”¹⁸. Свои размышления Гумбольдт завершает расшифровкой метафоры и собственным пониманием предназначения силы – «вытягивать» дух предмета: “Im Deutschen ist die uranfängliche Bedeutung sehr herrschend geblieben, und die zweite Metapher zeigt sich nur in einigen Redensarten, wie: den Geist aus einer Sache ziehen u.s.f.”¹⁹.

В своем самом известном позднем труде – “Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts” (1830–1835) – Гумбольдт вновь обращается к метафоре ветра, чтобы с ее помощью охарактеризовать способность языка влиять на мир и изменять его: “Er liegt vorzüglich, und wir betrachten ihn hier allein von dieser Seite, in dem begeisternden Hauche, den die sprachbildende Kraft der Sprache in dem Acte der Verwandlung der Welt in Gedanken dergestalt einflösst, dass er sich durch alle Theile ihres Gebietes harmonisch verbreitet”²⁰.

В трудах Вильгельма фон Гумбольдта слово “Kraft” (сила) встречается в семи вариантах лексического и грамматического употребления (контекста), что позволяет нам обнаружить вполне определенные семантические характеристики концепта “Kraft”.

I. Гумбольдт использует слово “Kraft” в единственном и множественном числе – Kraft/Kräfte. Масса (множество) сил (“Maß von Kräften”), с одной стороны, и самодостаточность каждой из них (“Selbstthätigkeit der einzelnen Kräfte”), с другой, определяют свойства, характеристики и деятельность отдельной силы.

В данном фрагменте примечательно то, что Гумбольдт обращается к философскому понятию Единого (“die Einzige”) для объяснения природы сил, их происхождения и законов их (воз)действия.

Для Гумбольдта каждая отдельная сила является одним из проявлений (сторон) Единого, с которыми они постоянно взаимодействуют: “diese einzelnen Kräfte auf die Einzige zurückzuführen, von der sie eigentlich nur verschiedene Seiten sind”²¹.

Гумбольдт многократно подчеркивает активное, деятельностное начало в силе – в силах и использует для этого глаголы и отглагольные имена: die Kräfte im Fortschritt begriffen sein; sich auseinandersetzen; Nahrung und Stärkung erhalten; Wirkung und Rückwirkung ausüben; auf die Masse zurückgehen; auf die Einzige zurückführen; einander beeinflussen; widerstreben; sich entwickeln; voneinander getrennt werden können; “immer einen ihnen eigenthümlichen Gang” halten; miteinander Generationen verbinden.

Гумбольдт делает важное наблюдение и с убежденностью пишет о том, что силы развиваются только в обществе, которое и обеспечивает их всестороннее развитие, именно они обуславливают единство человеческого рода: “dass alle menschlichen Kräfte sich nur gesellschaftlich vollkommen entwickeln, dass es etwas Gemeinsames in dem ganzen menschlichen Geschlechte gibt”²².

В его трудах встречается и слово, указывающее на единство сил (“die Gesamtkräfte der Seele“), их «сборность», в частности, когда он говорит о «сборных» силах души, которые выражаются и воплощаются в словах и с их помощью постигаются (“zum Hervorbringen oder Verstehen desselben zusammenfasst”).

Совместное действие сил, их со-деятельность Гумбольдт называет бесконечным и беззвучным, незаметным: “Denn das Zusammenwirken aller Kräfte ist ja unendlich und unaufhörlich”²³.

¹⁶ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 1: 1785–1795. S. 88.

¹⁷ Ibid. Bd. 2: 1796–1799. Berlin : Behr, 1904. S. 333.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. S. 334.

²⁰ Ibid. Bd. 7. Hälfte 1: Einleitung zum Kawiwerk. Berlin : Behr, 1907. S. 41.

²¹ Ibid. Bd. 2: 1796–1799. Berlin : Behr, 1904. S. 90.

²² Ibid. Bd. 5: 1823–1826. Berlin : Behr, 1906. S. 380.

²³ Ibid. Bd. 2: 1796–1799. Berlin : Behr, 1904. S. 95.

Силы воздействуют на события совместно и вместе добиваются результата, но при этом каждая из них отличается от другой, что позволяет исследователю изучать их особенности и индивидуальные характеристики в отдельности: “Wenn wir nun auf diesem Wege die Wirklichkeit gleichförmiger Geseze in den menschlichen Begebenheiten entdekt zu haben glauben; so müssen wir jetzt, um auch die Möglichkeit zu untersuchen, die Natur dieser Gesetze zu entwickeln, die einzelnen Kräfte, deren zusammengesetzte Resultate die Begebenheiten sind, von einander zu trennen, und sehen, wie weit wir die Eigenthümlichkeiten einer jeden zu erforschen vermögen”²⁴.

В свете всего вышесказанного мы склонны предположить, что именно форма множественного числа слова “Kraft” – “Kräfte” – является ядром концепта “Kraft”, единственное число данного слова лишь указывает на дифференциальный признак и потенциальное состояние «сил», а именно: возможность их обособленного проявления и действия.

II. Для характеристики существительного “Kraft” Гумбольдт использует прилагательные и причастия:

Прилагательные	Причастия
Ohnmächtige	(wahrhaft)wirkende
innere/innerliche	sich entwickelnde
einzelne	durchgehende
menschliche	beflügelnde
individuelle	schaffende
“todte”	auf tretende
lebendige	hervorbringende
eigentümliche	flissende
pragmatische	inwohnende
sinnliche	bestimmende
deutsche	modificierte
grosse	hervorstehende
irdische	begeisternde
geistige	erhöhet
ähnliche	
subjektive	
übrige	
unabhängige	
mechanische	
moralische	

Прилагательные и причастия указывают на воздействующую силу «сил», их сущностные качественные характеристики: “lebendige”, “wahrhaftwirkende”, “beflügelnde”, “wirkende und schaffende”, “gesunde”, “innerliche”, “innere”, “subjective”, “modificirte”, “geistige”.

Объектами воздействия сил, как показывает анализ текстов, могут выступать природа, деятельность и поведение людей, другие силы.

Именно силы обуславливают поведение людей и выступают при этом консолидированно, чему в истории, по мнению Гумбольдта, существует множество примеров: “Nun aber ist jeder menschliche Handlung ein Resultat der ganzen Beschaffenheit der Kräfte des Handlenden, in ihrer durchaus bestimmten Individualität, und welche Revolutionen eine einzelne That eines einzelnen Menschen hervorzubringen vermag, davon ist die ganze Geschichte ein lebendiges Zeugniß”²⁵.

В качестве инструмента познания сил выступают чувства: “Die Kräfte des Menschen kennen wir aus unsrem eignen Gefühle, und über das Maas derselben sowohl, als über ihren wechselseitigen Einfluss auf einander, und auf die Natur, die sie umgiebt, haben die Weltweisen aller Zeiten eine grosse Menge von Beobachtungen gesammelt”²⁶.

III. Существительное в родительном падеже при слове “Kraft” указывает на субъект силы: *des Menschen, der (einzelnen) Generation, der Tiere, des Praeposition, des Geistes, des Genie, (Thatkraft) des Yôga, der Seele, des Einzelne, der Tone, der Rede, der Dichtung, der Trägheit*.

²⁴ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 1: 1785–1795. Berlin : Behr, 1903. S. 90.

²⁵ Ibid. Bd. 1: 1785–1795. S. 92.

²⁶ Ibid. S. 90.

К субъектам сил, как показывает анализ текстов, следует отнести одушевленные предметы, их классы (человек, животные), саму природу: “Kräfte des Menschen”, “Kräfte der Thiere”, “Kräfte der Natur”.

Субъектами отдельной силы выступают надиндивидуальные образования и философские категории – гений, дух, Единичное; социальные структуры, например, поколение: “Kraft des Genies”, “Kraft des Einzelnen”, “Kraft des Geistes”, “Kraft der einzelnen Generation”.

Даже неодушевленные предметы, в том числе отдельные когнитивные способности человека, части речи, виды деятельности и искусства, физические величины, по словам Гумбольдта, способны обладать силой, стать ее проводниками – речь, предлоги, йога, стихотворения, инерция: Rede, Präposition, Yôga, Tone, Dichtung, Trägheit.

Собственно человечество Гумбольдт определяет через понятие силы – как живую, живительную силу духа, одушевленную духом, через которую дух «говорит», в ней проявляется и через нее действует: “Der Begriff der Menschheit aber ist nichts anders, als die lebendige Kraft des Geistes, der sie beseelt, aus ihr spricht, sich in ihr thätig und wirksam erweist”²⁷.

Немецкий исследователь языка XVIII века Даниэль Йениш в своей работе 1796 года представлял силу аналогично – как «след» духа, одно из множества его проявлений, а речь, соответственно, как проявление силы духа, собственно дух для Йениша не что иное, как определенная, размеренная интеллектуальная по своей природе деятельность: “Der bestimmte Hang unsers Geistes bei allen seinen Kraftäusserungen, und also auch bei, der Sprache, ist eine gewisse gemächliche Thätigkeit, wodurch der intellektuelle sowohl, als der sinnliche Theil seiner Natur, auf eine ihm angenehme Weise ins Spiel gesetzt wird”²⁸.

Одушевленные предметы (люди и животные), природа, надиндивидуальные и философские категории (гений, дух, Единичное), социальные структуры (нация, поколение), как уже было сказано, являются субъектами и носителями сил, при этом каждое последующее поколение, по мнению Гумбольдта, осваивает то, что подготовили предшествующие: “also keine nachfolgende Generation etwas andres erfährt, als was die immer vorhergehende vorbereitete”²⁹.

Физические, интеллектуальные и моральные силы (“die physischen, intellektuellen, und moralischen Kräfte”) связывают поколения друг с другом: “also keine nachfolgende Generation etwas andres erfährt, als was die immer vorhergehende vorbereitete”³⁰.

В отношении животных, воздействия их сил на людей и в обратном направлении, как отмечает Гумбольдт в 1791 году, известно мало: “Die Gattungen der Thiere, das Maas ihrer Kräfte, den möglichen Einfluss derselben auf die Menschen, und der Menschen auf sie kennen wir gleichfalls wenigstens im Ganzen, und so mangelhaft und dunkel unsre Kenntniss auch ist; so ist dennoch hier noch einiges Licht”³¹.

Современник Гумбольдта Иммануил Кант в «Критике суждения» в 1790 году писал более определенно, что животные могут размышлять, но делают это инстинктивно, без понятий: “selbst bei Tieren, obzwar nur instinktmäßig, nämlich nicht in Beziehung auf einen dadurch zu erlangenden Begriff, sondern eine etwa dadurch zu bestimmende Neigung vorgeht”³².

IV. Само слово “Kraft” употребляется в подчинительном словосочетании в родительном падеже: “die Gleichförmigkeit der Kräfte”, “das Maass ihrer Kräfte”, “Beschaffenheit der Kräfte”, “Anstrengung seiner Kräfte”, “die Erhöhung der Kraft”, “ein Ausdruck der Kraft”, “die Definitionen und Bezeichnungen der Seelenkräfte”, “die Verbindung der Kraft (und ihrer Anschauung)”.

В данном случае, по-видимому, следует рассматривать силы, выступающие в качестве субъектов, автономных сущностей и обладающие самостоятельным бытием, локализованностью (по сферам), качественными характеристиками, множественностью репрезентаций, динамикой и выразительностью.

V. Слово “Kraft” употребляется как детерминат в эндоцентрических гипотактических композитах, в которых конституэнты связаны подчинительными (неравноправными, гипотактическими) отношениями, в данном случае отношениями соподчинения, когда детерминат (Determinatum) определяется через детерминант (Determinans) по семантической модели причинной связи Nomina causalia – «В ради А».

²⁷ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 2: 1796–1799. S. 332.

²⁸ Jenisch D. Philosophisch-kritische Vergleichung und Würdigung von vierzehn ältern und neuern Sprachen Europens, namentlich: Der griechischen, lateinischen, italienischen, spanischen, portugiesischen, französischen, englischen, deutschen, holländischen, dänischen, schwedischen, polnischen, russischen, lithauischen / Preisschrift des D. Jenisch. Berlin : Maurer, 1796. S. 4–5.

²⁹ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 1: 1785–1795. S. 93.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. S. 91.

³² Kant I. Kritik der Urteilskraft / Hrsg. W. von Weischedel. Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. S. 24.

В данном случае сила/силы выступают в семантической роли бенефициара и субъектами, владеющими определенной сущностной характеристикой.

Гумбольдт в используемых композитах а priori принимает многообразие сил – душевных, древних или изначальных, базовых, центральных и плотских, воли, мыслительных; дает сущностные характеристики отдельных сил – мышления, языка, воображения, духа, деятельности, природы: “Seelenkräfte”, “Urkräfte”, “Grundkräfte”, “Central- und Flächenkräfte”, “Willenskräfte”, “Denkkraft”, “Seelenkraft”, “Urkraft”, “Sprachkraft” oder “Einbildungskraft”, “Geisteskraft”, “Thatkraft (des Yôga)”, “Naturkraft”. У Канта в «Критике суждения» мы находим упоминание и других видов сил – суждения, представления, чувств: die Urteilkraft, die Vorstellungskraft, die Gemütskräfte.

Гумбольдт делает наблюдения над семиозисом сил и отмечает, что последние выражают себя в знаках, позволяя тем самым постигать и изучать свой смысл через его чувственное восприятие: “Die mechanischen Kräfte können durch den äussern Sinn erforscht werden, nicht so die nicht mechanischen, die bloss durch das Gefühl und den innern Sinn wahrgenommen werden”³³.

VI. В текстах Гумбольдта встречается использование слова “Kraft” как детерминанта в эндоцентрической гипотактической композите для характеристики детермината по семантической модели *Nomina patientis* – «В ради А»: “Kraftäusserung”, “Krafterzeugungen”. Речь идет в первую очередь о выражении и «сотворении» сил, при этом последние выступают в семантической роли пациенса и сами становятся объектами действия, в частности выражения или создания.

Гумбольдт уделяет особое внимание способам и механизмам выражения сил и отмечает, что все виды силы означиваются и выражаются через идеи, чувства, эмоции, сохраняют в себе следы изначального единства, в данном случае Гумбольдт обращается к философским категориям Единого (Einzige), частями которого являются, и Сущего (Wesen), развитию которого способствуют: “Freilich aber hat man noch, diese einzelnen Kräfte auf die Einzige zurückzuführen, von der sie eigentlich nur verschiedene Seiten sind, zu sehr versäumt, die Entwicklung einzelner hervorstechender oft der Entwicklung des ganzen Wesens, in allen Theilen, vorgezogen, und die Wichtigkeit des Einflusses mancher Ideen, Sensationen, und Gefühle, gegen den Einfluss anderer, den man über die Gebühr erhöhte, zu sehr verkannt”³⁴. Комментаторы научного наследия Гумбольдта Андреас Флитнер и Клаус Гиль к инструментам выражения сил добавляют чувственное познание (Sinneserfahrung) и ощущение (Empfindung)³⁵.

VII. Слово “Kraft” один раз встречается в составе копулятивной композиты, части которой однородны и семантически равнозначны, – «Пуруша-сила» (“die Purusha-Kraft”), которую Гумбольдт определяет собственно дух, вечный, божественный, единственный и абсолютный, первобытный и изначальный – “die Purusha-Kraft”: “In dieser Bedeutung kommt *purusha* gewöhnlich mit Beiwörtern vor, der höchste, der ewige, göttliche, der uralte, der ursprüngliche, allein auch absolut, als der Geist”³⁶.

Философский потенциал категории “Kraft” в теоретической системе Гумбольдта в полной мере раскрыл Хайман Штейнталь в результате сопоставительного изучения философских систем Гумбольдта и Гегеля в 1848 году. По мнению Штейнталья, сила – конечная категория (“nur eine endliche Kategorie”³⁷), вслед за Гумбольдтом он называет ее внутренним, саморазвивающимся принципом жизни (“das innere, sich in seiner Fülle frei entwickelnde Lebensprincip”³⁸).

Сравнительное изучение философских систем Гумбольдта и Гегеля позволило Штейнталью предложить в 1848 году собственное толкование силы как философской категории в научной системе Гумбольдта. По словам Штейнталья, природа силы – это ее собственное созидание, когда она выражает себя, и то, что она выражает, – она сама (Steinthal (1848) betrachtet die Kraft aus der Sicht von ihrer Natur: “ihre Natur ist ihre Selbsterzeugung; sie muss sich hervorbringen, und was sie hervorbringt, ist nur sie”³⁹).

Другая философская категория – Сущее (Wesen) – под воздействием сил получает развитие во всех своих частях (“des ganzen Wesens, in allen Theilen”), что способствует взаимосвязи отдельных сообществ ради блага всего общества.

Исследователь научного наследия Гегеля Ренате Васнер описывает силу (Kraft) как философскую категорию в теории Гегеля и определяет последнюю вполне созвучно размышлениям Гумбольдта – как

³³ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 14 = 1: 1788–1798. Berlin : Behr & Feddersen, 1918. S. 343.

³⁴ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 1: 1785–1795. S. 91.

³⁵ Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden /Hrsg. A. Flitner, K. Giel. Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1960. Bd. 1. S. 298.

³⁶ Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 5: 1823–1826. Berlin : Behr, 1906. S. 214.

³⁷ Steinthal H. Die Sprachwissenschaft Wilhelm ... S. 39.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid. S. 38.

соединение проявлений или множество Единичного, в частности как выражение того, что представляет собой вещь исключительно в ее собственном проявлении: “sie ist der Ausdruck dafür das Ding das, was es ist, gar nicht anders offenbaren kann als darin, wie es sich verhält”⁴⁰.

Сходство представлений Гумбольдта и Гегеля о “Kraft” особенно заметно в толковании данной категории в механике Гегеля – как способности действия и собственно деятельности материи⁴¹.

Психологический потенциал сил понимал и неоднократно подчеркивал сам Гумбольдт, который считал силы действующими причинами (мотивами) или действиями (“Ursache oder Wirkung”), влияющими на окружающие их предметы: “das Fortschreiten unsrer eignen, sich entwickelnden Kräfte, und ihre Verhältnisse zu den Dingen um sie her”⁴². Из этого следует, что общественные изменения определяются человеческими силами и вытекают из них, а постигать сущность сил, как мы уже говорили, нам помогают собственные чувства (“aus unsrem eignen Gefühle” erkennen lassen).

Гумбольдт неоднократно отмечал, что человеческие силы и природа в их влиянии на человеческие потребности и способы такого влияния тождественны, они способствуют удовлетворению потребностей человека: “Eben so hat auch die übrige Natur immer und überall im Ganzen einen gleichen Vorrath von Mittlen, den Bedürfnissen des Menschen zu genügen. Wie ihre Natur, so bleibt auch der gegenseitige Einfluss dieser Eigenschaften sich gleich”⁴³.

Человеческие потребности и чувства определяются действием и взаимодействием сил, обусловлены и вызываются ими Humboldt beschreibt einem bestimmten Aspekt dieser Kräfte, deren Wirkungen und Rückwirkungen bestimmte menschliche Bedürfnisse und Gefühle hervorbringen: “Nun sind die Kräfte des Menschen im Ganzen genommen dieselben, die Nothwendigkeit ihrer Erhaltung bringt dieselben Bedürfnisse hervor, und aus diesen, wie aus dem angenehmen Gefühl ihrer Befriedigung entspringen ohngefehr dieselben Neigungen, Begierden und Leidenschaften”⁴⁴.

Сходство и подобие сил как причин и собственно действий определяет сходство и подобие событийной истории человеческого рода: “die Gleichförmigkeit der Kräfte, als der Ursachen, auf eine Gleichförmigkeit der Wirkungen, der Ereignisse des Menschengeschlechts”⁴⁵.

Важным, на наш взгляд, является наблюдение Гумбольдта над тем, что у человеческих сил имеется свой собственный путь (“immer einen ihnen eigenthümlichen Gang”), свое направление, которому они следуют, и даже такие крупные общественные потрясения, как революции, не могут это направление изменить: “Auf einen bestimmten Grad und eine bestimmte Richtung derselben kann wieder nun ein andrer gleich bestimmter Grad, und eine andre gleich bestimmte Richtung folgen; und nichts, auch die mächtigste physische Revolution, vermag diesen Gang zu verändern, sie kann nur ihn beschleunigen oder zurückhalten”⁴⁶.

Таким образом, в результате исследования контекстов использования слова “Kraft” в трудах Гумбольдта в сопоставительном изучении с наблюдениями его современников мы можем предварительно описать понятийную структуру концепта “Kraft”.

В узком значении Гумбольдт понимает “Kraft” (силу) как собственно дух, вечный, божественный, единственный и абсолютный, первобытный и изначальный (Puguscha-Kraft), который ее одушевляет, «говорит» через нее, в ней проявляется и через нее действует.

В специальном значении “Kraft” (сила) представляет собой философскую категорию, внутренний, саморазвивающийся принцип жизни (Lebensprinzip), по мнению Штейнталя, сам себя выражающий, сам собой являющийся; сохраняющий постоянную связь с Единым (Einziges), с одной стороны, и с Сущим (Wesen) – с другой. Как философская категория “Kraft” предстает и в теории Гегеля, для которого сила – это соединение и объединение выражений Частного (Einzelnen), отображение которого самодостаточно.

В более широком значении “Kraft” (сила) – это когнитивная способность (возможность или мотив), которой обладают природа, одушевленные и неодушевленные предметы и их классы (человек, животные), наиндивидуальные образования и философские категории (гений, дух, Единичное) и социальные структуры (поколение, нация, человеческий род), отдельные когнитивные способности человека и части речи, виды деятельности и искусства, физические величины; способами выражения ко-

⁴⁰ Hegel-Lexikon. S. 287–288.

⁴¹ Ibid. S. 288.

⁴² Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd. 1: 1785–1795. S. 96.

⁴³ Ibid. S. 89–90.

⁴⁴ Ibid. S. 89.

⁴⁵ Ibid. S. 90.

⁴⁶ Ibid. S. 93.

торой являются душа, воля, дух, гений, мышление, язык, а инструментами – идеи, чувства, ощущения, опыт, суждения, воображение, предположения.

Форма множественного числа слова “Kraft” – “Kräfte” – является ядром концепта “Kraft”, единственное число данного слова лишь указывает на дифференциальный признак и потенциальное состояние «сил», а именно: возможность их обособленного проявления и действия.

Существительное «силы» (Kräfte) могут использоваться для синекдохального наименования человека, растения, нации, поколения, народа⁴⁷.

Очевидное многообразие субъектов сил позволяет утверждать, что отличительным признаком философской системы Гумбольдта является пананимизм, объединение всех проявлений сущего и наделение их однородными когнитивными способностями, своеобразной «интеллектуальной личностью». Именно это толкование предполагает, что силы определяет потребности и мотивы действий человека и всего человеческого рода, влияют друг на друга и на природу, обуславливают тем самым общественные изменения.

В широком понимании силы Гумбольдтом мы видим неразличение узкого и широкого толкования данного слова в словаре немецкого языка той эпохи. С одной стороны, слово “Kraft” обозначает основу (причину) движения, то, что это движение вызывает или то, что ему мешает: “der Grund der Bewegung, was eine Bewegung hervor bringen oder hindern kann, und selbige wirklich hervor zu bringen oder zu hindern bemühet ist”⁴⁸. С другой стороны, в словаре Аделунга сила рассматривается как основа изменения в вещи, чему способствуют не только способности и возможности, но и чувства/мотивы: “der Grund gewisser Veränderungen in einem Dinge; wozu also nicht nur das Vermögen und die Fähigkeit gehöret, solche Veränderungen zu verursachen, sondern auch das Bestreben darnach”⁴⁹.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Бёдекер, Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии [Текст] : пер. с нем. // История понятий, история дискурса, история менталитета : сб. ст. / под ред. Х.Э. Бёдекера; – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – С. 5–17.

2. Гийому, Ж. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий [Текст] : пер. с нем. // История понятий, история дискурса, история менталитета : сб. ст. / под ред. Х.Э. Бёдекера; – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – С. 86–111.

3. Adelong, J.Ch. Das Grammatisch-kritische Wörterbuch der hochdeutschen Mundart [Electronic recourse]. – Mode of access: http://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009132_2_0_949

4. Ferron, I. “Die Sprache ist das bildende Organ des Gedankens” Ein Nachdenken über die Sprachreflexion Wilhelm von Humboldts und ihren Einfluss auf die Entstehung der modernen Sprachwissenschaft und Sprachphilosophie [Text] // Annali di Ca’Foscari. Rivista della Facoltà di Lingue e Letterature straniere dell’Università Ca’Foscari di Venezia. – XLVI. – I. – 2007. P. 167–200.

5. Gardt, A. Das rationalistische Konzept der Fachsprache: Gottfried Wilhelm Leibnitz [Text] // Recht und Sprache in der deutschen Aufklärung / hrsg. von U. Kronauer, J. Garber. // Recht und Sprache in der Deutschen Aufklärung ; (Heidelberg). 1998. – 01. – 28–30. Tübingen : Niemeyer, 2001. – S. 37–52.

6. Jenisch, D. Philosophisch-kritische Vergleichung und Würdigung von vierzehn ältern und neuern Sprachen Europens, namentlich: Der griechischen, lateinischen, italienischen, spanischen, portugiesischen, französischen, englischen, deutschen, holländischen, dänischen, schwedischen, polnischen, russischen, litthauischen [Text] / Preisschrift des D. Jenisch. – Berlin : Maurer, 1796. – 503 S.

7. Hegel, G.W.F. Phänomenologie des Geistes [Text] // Werke / G. Wilhelm, F. Hegel; [Red. E. Moldenhauer ...]. – Bd. 3. – Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft : Stw. – Berlin : Suhrkamp, 1970. – S. 603.

8. Hegel, G.W.F. Über die unter dem Namen Bhagavad-Gita bekannte Episode des Mahabharata von Wilhelm von Humboldt [Text] // Berliner Schriften : 1818–1831. – Werke / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. [Red. E. Moldenhauer ...] ; Bd. 11. Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft : Stw. ; Berlin : Suhrkamp. – S. 131–204.

9. Hegel-Lexikon [Text] / Hrsg. von P. Cobben, P. Cruysberghs, P. Jonkers, Du De Vos. – Darmstadt : Wiss. Buchges., 2006; 552 S.

10. Kant, I. Kritik der Urteilskraft [Text] / Hrsg. von W. Weischedel. – Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. – 468 S.

⁴⁷ Wilhelm von Humboldt. Über die Sprache... S. 44.

⁴⁸ Adelong J.Ch. Das Grammatisch-kritische Wörterbuch der hochdeutschen Mundart...

⁴⁹ Ibid.

11. Koselleck, R. Begriffliche Innovation der Ausklärungssprache [Text] // Recht und Sprache in der deutschen Aufklärung / hrsg. von U. Kronauer, J. Garber. // Recht und Sprache in der Deutschen Aufklärung. – Heidelberg : 1998. – 01. – S. 28–30. Tübingen : Niemeyer, 2001. – S.4–26.
12. Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts [Text] / G. Haßler, C. Neis. – Bd. 1. – Berlin [u.a.] : de Gruyter, 2009. – 963 S.
13. Steintal, H. Die Sprachwissenschaft Wilhelm v. Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie [Text] – 2. Nachdruckaufl. d. Ausg. Berlin, 1848. Hildesheim [u.a.] : Olms, 1985 = 1848. – 170 S.
14. Trabant, J. Apeliotes oder Der Sinn der Sprache: Wilhelm von Humboldts Sprach-Bild [Text]. – München : Fink, 1986. – 226 S.
15. Trabant, J. Weltansichten: Wilhelm von Humboldts Sprachprojekt [Text]. – München : Beck, 2012. – 352 S.
16. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 1: 1785–1795 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1903. – 438 S.
17. Wilhelm von Humboldts gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 2: 1796–1799 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1904. – 407 S.
18. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 4: 1820–1822 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1905. – 441 S.
19. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 5: 1823–1826 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1906. – 481 S.
20. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 6, Hälfte 1: 1827–1835 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1907. – 334 S.
21. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 6, Hälfte 2: 1827–1835 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1907. – S. 338–613.
22. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 7. Hälfte 1: Einleitung zum Kawiwerk / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1907. – 351 S.
23. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 7. Hälfte 2: Paralipomena / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr, 1908. – S. [352]–678.
24. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Bd. 14 = 1: 1788–1798 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr & Feddersen, 1918. – 644 S.
25. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften [Text] / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. – Teil: 2: 1799–1835 / Wilhelm von Humboldt. – Berlin : Behr & Feddersen, 1918. – 621 S.
26. Wilhelm von Humboldt. Kleine Schriften, Autobiographisches, Dichtungen, Briefe. Kommentare und Anmerkungen zu [Text]. – Bd. 1–5. Anhang ; Stuttgart : Cotta, 1981. – 768 S. // In: Werke in fünf Bänden / Hrsg. A. Flitner, K. Giel. – Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1960. – S. 81.
27. Wilhelm von Humboldt. Über die Sprache : Reden vor der Akademie [Text] / Hrsg., kommentiert und mit einem Nachw. vers. von J. Trabant, Tübingen [u.a.] Francke, 1994. – 277 S. (Unveränderter Nachdruck 2002).

УДК 81'373.613 + 811.56

И.М. Шеина, канд. филол. наук
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Русские заимствования в языке эскимосов Аляски

Статья посвящена анализу семантики русских заимствований в языке эскимосов Аляски (юпик) под углом зрения взаимодействия концептуальной и языковой картин мира двух народов в ходе межкультурных контактов. В результате анализа был сделан вывод об особой роли семантических заимствований в отражении глубоких изменений в мировоззренческих ценностях эскимосов под влиянием православной картины мира.

концептуальная картина мира, языковая картина мира, концепт, заимствование, семантическая структура слова.

© Шеина И.М., 2014

Данная статья посвящена проблемам взаимодействия концептуальной и языковой картин мира разных народов в процессе межкультурных контактов.

Как известно, *концептуальная картина мира* является собой интегральную совокупность представлений о мире, сложившуюся в результате переработки и упорядочения опыта (коллективного и/или личного) познания окружающего мира¹. Картина мира включает как объективно-научное знание, так и наши отношения, ценности, верования, ошибки и заблуждения.

Результаты осмысления и упорядочения духовного и практического опыта получают объективацию с помощью *языковой картины мира*, которая, с одной стороны, неотделима от концептуальной, а с другой – обладает своими средствами членения действительности и формирования структур, отражающих видение мира носителями языка и культуры.

В. Гумбольдт, как известно, полагал, что образ мысли и мироощущение народа придают окраску и характер его языку и воздействуют на последний. Можно не соглашаться с тем, что язык оказывает обратное воздействие на народную жизнь, но влияние «духовного своеобразия нации» на язык очевидно. «Воспринимая общие значения слов всегда одним и тем же индивидуально-неповторимым образом, сопровождая их одинаковыми ощущениями и обертонами смысла, следуя одной и той же направленности при связи идей, пользуясь именно той степенью свободы при построении речи, какую допускает интеллектуальная смелость народного ума, соразмеренная с его способностью понимания, нация постепенно придает языку своеобразную окраску, особенный оттенок...»².

Э. Сэпир утверждал, что объекты и явления окружающего мира получают означивание средствами языка, только если они важны для данной культуры, «обращают на себя внимание представителей данной культуры». И когда язык находит слово для некоего объекта или явления, он (оно) становится культурно значимым. Носители языка дают имя явлению или событию, и данное явление или событие становится частью данной культуры. Так создаются и укрепляются уникальные культурные модели. По мнению Э. Сэпира, миры, в которых существуют разные сообщества, – это различные миры, а не один и тот же мир с разными названиями³.

В.А. Звегинцев полагал, что индивидуальный опыт наслаивается на тот, который дает человеку язык, концентрирующий и синтезирующий коллективный опыт носителей языка. Человек осмысливает свой опыт в терминах того языка, через посредство которого человек приобщился к общечеловеческому опыту. Таким образом, для человека «делается привычной (и в силу общения с другими людьми обязательной) определенная лингвистическая мерка, которой он меряет и свой внутренний мир, и внешний мир»⁴.

Концептуальная и языковая картины мира формируются с помощью языковой концептуализации, которую можно определить как процесс использования ментальных структур и средств языка для структурирования информации, поступающей через вербальный и невербальный каналы, а также как результат объективации и упорядочения опыта в языковой картине мира.

Основной единицей языковой концептуализации является концепт – выраженная знаком динамическая единица познания, представляющая собой ментальную структуру, зафиксированную коллективным опытом, в которую входят: сумма основных характеристик референта, оценка этих характеристик (признаков), а также сумма отношений к референту со стороны познающего субъекта.

Анализ подходов к определению содержания и структуры концепта позволяет сделать вывод о его многослойности, обусловленности коллективной картиной мира, способности взаимодействовать с другими концептами на основании логических и ассоциативных связей.

При формировании концепта основная цель заключается в объединении всех существенных признаков в целостную единицу, упорядочивающую определенный фрагмент действительности. Целостность концепта обеспечивается связями между признаками, и концепт в этом смысле является собирательной единицей, объективно отражающей коллективный опыт.

Корреляция единиц языковой и концептуальной картин мира определяется всем процессом языковой концептуализации. Если в содержание концепта входят зафиксированные опытом свойства

¹ Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 141–172.

² Гумбольдт В. Характер языков // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 164.

³ Sapir E. Language. An introduction to the study of speech. N. Y.: Harcourt : Brace and Company, 1949. 241 p.

⁴ Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М. : Моск. ун-т, 1973. С. 159.

объекта или явления и отношение к этому объекту или явлению, то в значении языковой единицы эти свойства и отношения представлены в виде семантических признаков, составляющих денотативное и коннотативное значения.

Концепт соотносится со значением, но, в отличие от последнего, которое также является ментальным образованием, он содержит потенциал изменений, так как значение единично и ситуативно и относится к концепту как единичное к общему.

Изменения в опыте приводят к изменениям в структуре концепта, которые отражаются в появлении новых значений, оценок и отношений. В ходе межкультурных контактов в картине мира народа, подвергающегося воздействию иной культуры, возникают новые концепты, а содержание ранее существовавших может меняться за счет появляющихся заимствований.

Язык юпик, на котором говорят эскимосы Аляски, населяющие юго-западную часть полуострова, испытал за время своей истории наиболее значительное влияние двух языков: русского и английского в его американском варианте.

Колонизация Аляски русскими поселенцами (XVIII – начало XX века) создала предпосылки для взаимодействия языков и культур, в результате чего в юпикском языке появилось большое число русских заимствований (свыше двухсот), среди которых присутствуют как собственно заимствования, так и кальки (переводные заимствования), и семантические заимствования.

Анализ русских заимствований, извлеченных из словаря С. Джейкобсона⁵ методом сплошной выборки, позволяет проследить основные сферы опыта, в которых осуществлялись культурные и языковые контакты, а также механизмы взаимодействия концептуальной и языковой картин мира, обуславливающие реструктуризацию существующих концептов.

Следует отметить, что по количественному параметру слова, заимствованные в язык эскимосов в связи с появлением новых предметов быта, одежды, продуктов, находятся на втором месте.

Наибольшее число составляют религиозные заимствования, что, с одной стороны, легко объяснить миссионерской направленностью деятельности русских колонистов. С другой стороны, миссионерская деятельность американских протестантских проповедников, появившихся на Аляске после ее продажи США, не привели к подобному результату. Более того, как отмечают исследователи⁶, только в последние десятилетия поток английских заимствований в язык юпик стал достаточно заметным. Еще в 80-е годы прошлого столетия их количество не превышало шести десятков. При этом ученые признают, что в ряде случаев, по-видимому, заимствование все же состоялось из русского языка, а потом было подкреплено заимствованием схожего слова из английского языка. Речь идет о таких словах, как «машина», «суп», «молоко» и др.

Приверженность эскимосов Аляски православию объясняется принципиальными отличиями в поведении русских священников и протестантских пасторов. Русские колонисты не пытались вытеснить родной язык коренного населения, а вели на нем просветительскую и образовательную деятельность, дав эскимосам письменность и построив школы.

Среди религиозных заимствований встречаются как собственно заимствования: *aankilaq* – ангел, *Siississaaq Kelistussaaq* – Иисус Христос, так и кальки: *Anerneq Tanqilria* – Дух Святой. Особый интерес представляют семантические заимствования, то есть исконные слова, получившие новые значения под влиянием межкультурных контактов.

Так, «Бог-Отец» в языке юпик обозначается исконным словом “*Agayuṅ*” от глагольной основы “*agaayu-*”, которая имеет ряд значений: «молиться, поклоняться, участвовать в религиозной церемонии, осенять себя крестом». Другие слова, образованные от той же основы, имеют значения: «священник», «быть христианином», «воскресенье (день недели)», «гимн», «церковь», «ходить в церковь». Первичным же значением исконного слова “*Agayuṅ*” было значение «идол», а в буквальном переводе – «сделанный бог».

Для обозначения божества в языке юпик использовалась еще одна лексическая единица: “*Ellam Yua*”, которая согласно словарю С. Джейкобсона означает “*the owner or spirit of the universe*”, то есть эта сверхъестественная сущность в дохристианской картине мира эскимосов не представлена изображением в виде идола в отличие от «сделанного бога» “*Agayuṅ*”. Слово “*Ellam Yua*” не было использовано для объективации христианского концепта «Бог», следовательно, соответствующий этому слову исконный

⁵ Jacobson S.A. *Yupik Eskimo Dictionary*. Alaska Native Language Center : University of Alaska, 1984. 757 p.

⁶ Morgounova D. *Language Contact on Both Sides of the Bering Strait*. Copenhagen : Copenhagen University, 2004. 82 p.

концепт «владелец мира» в картине мира эскимосов оказался несопоставимым с Православной картиной мира.

Именно семантические заимствования использовались для адаптации понятий «дух» и «душа» в христианском понимании. Интересно, что два новых значения появляются именно у лексической единицы “anerneq”, о чем свидетельствуют переводы православных молитв на язык юпик. При этом данная лексема используется как для обозначения Святого Духа (“Anerneq Tanqilria”, в переводах молитв на кириллице – «Аныгнак Танкильгеа»), так и для обозначения души человека, например, в молитве Святому Духу в контексте «души наша»: “anerneqput wangkuta” (на кириллице – «Аныгнахпут хуаккута»).

В силу языческих верований в языке юпик существовало несколько слов, обозначающих разного рода духов, но концепты, лежащие в основе семантики этих слов, не могли быть соотнесены с христианским пониманием Святого Духа. Так, слово “iinraq” означало «злой дух» (“evil spirit”), слово “angarvak” имело значение «призрак» (“ghost”), а слово “tuunraq” – «дух шамана» (“shaman’s familiar spirit”). Только слово «anerneq», в семантическую структуру которого входят признаки «дух, душа, дыхание» (“spirit, soul, breath”), оказалось пригодным для включения в христианскую картину мира.

Лексическая единица “tareq”, в семантической структуре которой исконно присутствовал признак «душа», получила иное семантическое развитие. От ее корня был образован ряд слов, связанных с отображением человека, фотографией и рентгеном, например, “tarenraq – image, picture, reflection, photograph” или: “tarenrair – to take a photograph or X-ray” (Jacobson 1984). Такое развитие семантической структуры исконного слова “tareq” произошло в более позднее время и обусловлено межкультурными и межъязыковыми контактами с англоязычным населением Америки.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что первоначально концепт “anerneq” в большей степени ассоциировался с внутренним образом человека, а концепт “tareq” – с внешним.

Анализ семантических заимствований позволяет выявить особенности восприятия коренным народом Аляски новой для его Православной веры. Так, для вербального воплощения понятия «каяться» использован исконный корень “anu-”, которым пользуются в словах «получить урок» (anucinge), «избегать повторения того, что было сделано» (anucimirqe). Для вербализации понятия «исповедываться» (assiilnguir) использован корень «ненавидеть» (assiilke-), от которого в языке юпик образовано слово “assiilnguq» (плохое). Принятие Святого Причастия обозначается словом “augtur”, образованным от исконного “auk” – кровь.

Эти примеры показывают, что в результате миссионерской деятельности русских проповедников ключевые концепты православной картины мира были глубоко осмыслены эскимосами Аляски, говорящими на языке юпик, и стали частью их концептуальной и языковой картин мира. Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что эскимосы-юпики до сих пор твердо держатся православия.

Таким образом, исследование русских заимствований в языке юпик представило возможность установить, что межкультурные и межъязыковые контакты коренного населения Аляски с русскими колонистами принесли значительные изменения в языковую картину мира эскимосов. При этом отбор и использование исконных единиц языка для обозначения новых концептов сопровождалось серьезным переосмыслением прежних духовных ценностей.

Список использованной литературы

1. Гумбольдт, В. Характер языков [Текст] // Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 162–182.
2. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория [Текст]. – М. : Моск. ун-т, 1973. – 247 с.
3. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141–172.
4. Jacobson, S.A. Yupik Eskimo Dictionary [Text]. – Alaska Native Language Center : University of Alaska, 1984. – 757 p.
5. Morgounova, D. Language Contact on Both Sides of the Bering Strait [Text]. – Copenhagen : Copenhagen University, 2004. – 82 p.
6. Sapir, E. Language. An introduction to the study of speech [Text]. – N. Y.: Harcourt : Brace and Company, 1949. – 241 p.

Раздел II

Лингвистические предпосылки адекватности перевода

(Материалы международной конференции «Основные направления лингвистической и лингводидактической мысли в 21 веке». г. Рязань, РГУ имени С.А. Есенина, 24–26 апреля 2014 года)

УДК 81'25

Ганс-Гарри Дрёссигер, д-р филол. наук
Hans-Harry Dröbiger, Ph. D.
(Вильнюсский ун-т, Вильнюс, Литва)

О некоторых теоретических предпосылках перевода: ОНТОЛОГИЯ, ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ, МЕТОНИМИЯ

Zu ausgewählten theoretischen Grundlagen des Übersetzens: Ontologie, Äquivalenz, Metonymie

Обозначения реалий обращаются к культурным знаниям, которые через перевод должны стать доступными реципиенту, принадлежащему к другой языковой и культурной общности. Эти культурные структуры знания находят свое теоретическое выражение в таких понятиях, как онтология, эквивалентность и концептуальная метонимия. При этом обрабатываются и анализируются теории и модели информатики, теории перевода и когнитивной лингвистики. Данная статья является, таким образом, представлением основополагающих проблем; причем речь идет о разработке теоретических положений перевода в общем и перевода реалий в частности.

онтология, эквивалентность, концептуальная метонимия, перевод, обозначения реалий

1. Einleitung

Realienbezeichnungen referieren auf kulturelles Wissen, das im Zuge des Übersetzens Rezipienten anderer Sprach- und Kulturgemeinschaften verfügbar gemacht werden soll. Die Strukturen kulturellen Wissens lassen sich durch solche Begriffe wie Ontologie, Äquivalenz und konzeptuelle Metonymie theoretisch abbilden, wobei Theorien und Modelle der Informationswissenschaft, der Übersetzungswissenschaft und der kognitiven Linguistik besprochen und ausgewertet werden können. Der nachfolgende Beitrag ist eine Darstellung von theoretischen Grundproblemen, denn es geht darum, theoretische Aussagen zum Übersetzen im Allgemeinen und speziell zur Handhabung von Realienbezeichnungen beim Übersetzen herauszuarbeiten.

2. Ontologie und informationswissenschaftliche Äquivalenz

Laut den Informationswissenschaftlern Stock/Stock gibt es verschiedene Ebenen oder Komplexitätsgrade der Wissensordnung, die von ihnen Schlagwortsammlungen (Nomenklaturen), Klassifikationen, Thesauri und Ontologien¹ genannt werden. Es muss dazu angemerkt werden, dass Stock/Stock als Vertreter der Informationswissenschaft ein Verständnis von Ontologie zugrunde legen, das sich vom philosophisch-erkenntnistheo-

© Дрёссигер Ганс-Гарри, 2014

¹ Stock Wolfgang G.; Stock, Mechtild : Wissensrepräsentation. Informationen auswerten und bereitstellen. München : Oldenbourg, 2008. – С. 39–42. В связи с частым упоминанием источника далее в тексте – [Stock/Stock 2008] с указанием страниц.

retischen Standpunkt deutlich unterscheidet. Varela hebt vor dem philosophischen Hintergrund vor allem die Genese der Ontologie hervor:

“Wenn wir <...> akzeptieren <...>, daß Kognition ohne Berücksichtigung des Alltagswissens nicht angemessen verstanden werden kann, und dieses Alltagswissen in nichts anderem besteht als in unserer körperlichen und sozialen Geschichte, dann ist die unausweichliche Schlußfolgerung, daß der Erkennende und das Erkannte, Subjekt und Objekt, einander bedingen und bestimmen, daß sie gemeinsam entstehen. Philosophisch gesprochen: Wissen ist Ontologie”².

Somit lässt sich Ontologie in erster Linie als ein strukturiertes Phänomen darstellen. Beide Sichtweisen bilden m. E. Komplemente, um ein möglichst umfassendes Verständnis von Ontologie erarbeiten zu können. Die Ontologie

“ist eine Klassifikation jeder Art von Existierenden. Sie unterscheidet alles, was es gibt, in zwei große Gruppen von Existierenden, nämlich in individuelle Dinge einerseits und deren Eigenschaften andererseits”³.

Diese Einteilung der Welt in Kategorien und ihre Beziehungen untereinander, wodurch eine Strukturierung der Welt angenommen werden kann, die gewissermaßen Vorbild für die Strukturierung unseres Wissens von der Welt ist, geht mindestens auf Aristoteles zurück⁴. Informationswissenschaftler wie Stock/Stock nennen das, was Philosophen als Ontologie bezeichnen, Thesaurus. Dazu führen sie, unter Bezugnahme auf DIN 1463/1⁵ Folgendes aus:

“In der Wissensrepräsentation stellt der Thesaurus eine Begriffsordnung dar, dessen Funktion und Merkmale durch Regeln determiniert werden. Gemäß DIN 1463/1 <...> wird “Thesaurus” definiert und sein Geltungsbereich festgelegt”. [Stock/Stock 2008, 228].

Wesentliche Merkmale eines Thesaurus seien demzufolge **a)** eindeutiger Bezug der Begriffe und Bezeichnungen aufeinander, wobei Synonyme möglichst vollständig erfasst, Homonyme und Polyseme besonders gekennzeichnet werden und für jeden Begriff eine Bezeichnung festgelegt wird, die den Begriff eindeutig vertritt, und **b)** Darstellung der Beziehungen zwischen Begriffen, die durch Bezeichnungen repräsentiert sind [vgl. Stock/Stock 2008, 228]. Diesem Prinzip folgen onomasiologische Wörterbücher, wie Haß-Zumkehr beschreibt:

“Onomasiologisch nennt man die Vorgehensweise, bei der man von einem außersprachlich gedachten Begriff oder Begriffsfeld ausgeht, etwa von dem der Werkzeuge, und dann alle diejenigen Wörter sucht bzw. benennt, die diesen Begriff oder einen bestimmten Teil oder Aspekt des Begriffsfeldes bezeichnen und somit bedeutungsverwand sind <...>. Begriffswörterbücher ordnen mithin Bezeichnungen, die unter irgend einem bestimmten Aspekt in gemeinsame und daneben meist auch in komplementär-gegensätzliche Klassen geordnet werden”⁶.

Somit lässt sich ableiten, dass die Einteilung, Klassifizierung und Kategorisierung des Seienden (Ontologie) in lexikografischen Werken als materieller Träger des Wissens um die Ontologie der Welt umgesetzt erscheint. Die konkreten Formen können Thesauri oder onomasiologische Wörterbücher wie das von Dornseiff für das Deutsche sein. Der besondere Charakter solcherart Wörterbücher besteht laut Haß-Zumkehr darin, dass Autoren wie Dornseiff “den Wortschatz einer Einzelsprache einer nicht-alphabetischen Ordnung unterzogen, damit auf der sprachlichen Ebene blieben und ein speziell der jeweiligen (nationalen) Sprachgemeinschaft korrespondierendes “Weltbild” repräsentierten (...).”⁷.

² Varela Francisco J. Kognitionswissenschaft – Kognitionstechnik. Eine Skizze aktueller Perspektiven. Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1990. Auflage [Original 1988]. S. 97.

³ Grossmann Reinhardt: Die Existenz der Welt. Eine Einführung in die Ontologie. Frankfurt; Lancaster : Ontos, zweite überarbeitete und verbesserte Auflage, 2004. S.12

⁴ Vgl Grossmann, Reinhardt: Die Existenz der Welt. Eine Einführung in die Ontologie. Frankfurt; Lancaster : Ontos, zweite überarbeitete und verbesserte Auflage, 2004. S.29.

⁵ Erläuterungen zur DIN 1463 s. URL: <http://wiki.infowiss.net/Thesaurus>

⁶ Haß-Zumkehr Ulrike: Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. Berlin; N. Y.: de Gruyter, 2001, S. 264 f.

⁷ Ibid. S. 285.

Daraus ergibt sich, dass onomasiologische Wörterbücher nicht nur eine einzelsprachliche Verarbeitung und somit Kodifizierung einer allgemeinen Ontologie, sondern auch Kodifizierung des speziellen Kulturwissens einer Sprach- und Kulturgemeinschaft darstellen. Es lässt sich deshalb auch von einer “kulturellen Ontologie” sprechen, deren Zweck (oder Funktion) es sei, ein kulturhistorisch begründetes “Vorverstehen” in der sprachlichen Kommunikation zu gewährleisten⁸, also auf das implizite (kulturelle) Wissen einer Sprach- und Kulturgemeinschaft zu referieren.

Da das Wissen unter dem Blickwinkel der Ontologie (im philosophisch-erkenntnistheoretischen Sinn) strukturiert ist, was sich letztlich in der Kodifizierung des Wissens niederschlägt (in Form von Enzyklopädien, onomasiologischen Wörterbüchern, Thesauri und fachsprachlichen Glossaren), kommt es darauf an zu erörtern, wie diese Struktur des Wissens gestaltet ist. Angenommen werden Bedeutungsbeziehungen, wie sie in den verschiedenen Richtungen der linguistischen Semantikforschung beschrieben wurden und mittlerweile zum linguistischen Grundwissen gehören.

Stock/Stock nutzen diese Kategorien der Bedeutungsbeziehungen dann auch für ihre informationswissenschaftlichen Darstellungen aus, nennen dies “Relationen im Thesaurus” und gehen dabei zuerst auf Äquivalenzrelationen ein, um sich daran anschließend den Relationen im Thesaurus i. e. S. – Hierarchierelationen und Assoziationsrelationen – zuzuwenden [vgl. Stock/Stock 2008, 236–239].

Der hierbei verwendete Begriff der Äquivalenz “bezieht sich auf bedeutungsgleiche oder bedeutungsähnliche Bezeichnungen, die in einer Äquivalenzklasse vereint sind und als Synonyme oder Quasi-Synonyme gelten”. [Stock/Stock 2008, 236] – Es ist also eher ein Modell der klassischen lexikalischen Semantik zugrunde gelegt als ein translationswissenschaftlicher Zugriff auf das Problem der Äquivalenz, was allerdings in stringenter Weise zum gesamten Darstellungsmodell in Stock/Stock passt, denn es geht um Wissen, seine Organisation, Strukturierung und sprachliche Objektivierung vor allem in **einer** Sprach- und Kulturgemeinschaft. Interessanterweise fällt in den Ausführungen in Stock/Stock der Ausdruck “Äquivalenztypen”, der Variationen zwischen Bedeutungsgleichheit und Bedeutungsähnlichkeit [vgl. Stock/Stock 2008, 236] umfasst. Aufgrund der Ausführlichkeit dieser Übersicht sei sie hier vollständig wiedergegeben:

- populäre – wissenschaftliche Namen: *Sterbehilfe* – *Euthanasie*,
- Gattungsbegriff – Markennamen: *Heftpflaster* – *Hansaplast*,
- Standardname – Umgangssprache: *Mobiltelefon* – *Handy*,
- Terme unterschiedlichen Ursprungs: *Pferd* – *Gaul*,
- Terme unterschiedlicher Kulturen: *Tomate* – *Paradeiser*,
- Konkurrenznamen für technische Begriffe: *MP3-Player* – *iPod*,
- neue – veraltete Begriffe: *Tornister* – *Schulranzen*,
- Schreibvarianten: *Fairneß* – *Fairness*,
- Kurzformen: *UN* – *UNO* – *Vereinte Nationen*,
- geringer Bedeutungsunterschied: *Recherche* – *Retrieval*,
- unterschiedliche Spezifität: *Sprachwissenschaft* – *Linguistik*,
- Antonyme: *Gleichheit* – *Ungleichheit* [vgl. Stock/Stock 2008, 236 f.]

Kritisch muss zu dieser Liste angemerkt werden, dass die Differenzierungen zwischen den einzelnen Typen nicht immer klar sind, was wohl auf der Wahl der kategorisierenden Ausdrücke beruhen mag. So ist kein Unterschied zwischen “Gattungsbegriff – Markenname” und “Konkurrenznamen für technische Begriffe” bei den hier gegebenen Beispielen erkennbar, da längst durch lexikologische Forschung festgestellt wurde, dass Markenbezeichnungen, zu denen auch *iPod* gehört, aufgrund hohen Verbreitungsgrades und hoher Typikalität (bis hin zur Prototypikalität) zu Gattungsnamen werden können⁹. Einheiten wie das hier genannte *Hansaplast* sowie *Tempo*, *Kleenex* haben diese Entwicklung aufgrund ihrer Kodifizierung im DUW abgeschlossen. Weiterhin zu beachten ist die Tatsache, dass Kurzbezeichnungen und ihre Langformen längst nicht immer Äquivalente sind, sondern auch in einem metonymischen Verhältnis stehen können wie bei *BAFöG* (s. DUW)¹⁰.

⁸ Vgl. Kolschanski G.W. : Kommunikative Funktion und Struktur der Sprache. Leipzig : Bibliographisches Institut. 1985. S. 127. [Original 1984]

⁹ Vgl. Schippan Thea : Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : Bibliographisches Institut. 1984. S. 59.

¹⁰ Abzuziehen von diesem Überblick über Äquivalenzrelationen wären dann die sog. “Schreibvarianten”, die nicht mit semantischer Variation in Verbindung gebracht werden können.

Die von Stock/Stock genannten Beispielpaare als Ausdruck bestimmter Äquivalenzvariationen zeigen, dass sprachhistorische und soziolinguistische Aspekte bei der ontologischen Strukturierung des Wissen im Thesaurus eine Rolle spielen.

3. *Translatorische Äquivalenz und konzeptuelle Metonymie*

Stock/Stocks Betrachtungen zu Hierarchie- und Assoziationsrelationen ähneln in auffälliger Weise kognitionslinguistischen Ideen zur konzeptuellen Metonymie und zur Kontiguität als deren Grundlage, obwohl diese Termini nicht benutzt werden; man spricht von Relationen der Über- und Unterordnung, von Teil und Ganzem, und im Bereich der sog. "Assoziationsrelationen" tauchen dann bestimmte Relationstypen auf, die mühelos der konzeptuellen Metonymie und den Bewegungen im Kontiguitätsraum zugeordnet werden können¹¹.

Diese Relationstypen, die "untereinander weder äquivalent noch hierarchisch, aber doch irgendwie zueinander passen oder verwandt sind, stehen assoziativ zueinander". [Stock/Stock 2008, 238] – Aufgrund der Tatsache, dass die Liste der von Stock/Stock zitierten Relationstypen¹² sehr ausführlich ist und in der Tat sehr stark an Darstellungen zur konzeptuellen Metonymie erinnert, ohne deren Termini zu benutzen, sei diese Aufzählung vollständig wiedergegeben.

- Bedeutungsüberlappung: *Schiff – Boot*,
- Disziplin – Phänomene: *Seismologie – Erdbeben*,
- Prozess – Instrument: *Motorrennen – Rennwagen*,
- Beschäftigung – Beschäftigter: *Sozialarbeit – Sozialarbeiter*,
- Handlung – Handlungsergebnis: *Straßenbau – Straße*,
- Handlung – Bezugsperson: *Hochschullehre – Student*,
- Begriff – Eigenschaft: *Frau – Weiblichkeit*,
- Begriff – Ursprung: *Wasser – Wasserquelle*,
- Begriff – kausale Abhängigkeit: *Erosion – Erdbeben*,
- Gegenstand / Aktion – Gegenteil: *Geburt – Empfängnisverhütung*,
- Rohmaterial – Produkt: *Baum – Holz*,
- Handlung – assoziierte Eigenschaft: *Präzisionsmessung – Genauigkeit*,
- Begriff – Gegenteil: *Kälte – Hitze*,
- Nützlichkeit: *Arbeitsplatzbeschaffung – Wirtschaftsentwicklung*,
- Schädlichkeit: *Überdüngung – Artenvielfalt* [vgl. Stock/Stock 2008, 238 f.]

Doch ungeachtet dessen, welches Verständnis von Ontologie zugrunde gelegt wird, basiert doch das Wissen um jene ontologische Ordnung – wie auch Stock/Stock immer wieder betonen – auf Speicherung des Wissens im menschlichen Gedächtnis. Da durch einfache psychologische Tests¹³ festgestellt werden kann, dass nicht nur Begriffe, sondern auch relativ stabile Relationen zwischen ihnen im Gedächtnis gespeichert sind, kann geschlossen werden, dass Begriffe in unserem Gedächtnis so untereinander verbunden sind, "daß die Aktivierung des einen Begriffs zugleich auch den anderen bewußt macht. Diese Verbindungen entsprechen offensichtlich Beziehungen, die die zum Begriff gehörenden Objekte in der objektiven Realität untereinander eingehen"¹⁴.

Mit einer der Theorie der konzeptuellen Metonymie besser entsprechenden Systematik können die in Stock/Stock genannten Relationstypen in zwei Hauptarten unterschieden werden. "1. statisch dominierende Metonymien, z. B. *Ganzes und Teil* oder *das Gefäß und sein Inhalt*; 2. dynamisch dominierende Metonymien, z. B. *Erzeuger für erzeugtes Produkt* oder *ein Objekt für seinen Benutzer*"¹⁵. – Letztere Art umfasst all jene Relationen, die auf Wirkzusammenhängen und Prozessen in diesen basieren, also kausale, konditionale, resultative, agentive, passivische Relationen, während statische Metonymien auf sachlich-logischen Seinszusammenhängen beruhen.

¹¹ Diese Idee taucht auch bei Lurija [vgl. 1982, 101] und bei Roelcke [vgl. 2001, 59] auf, woraus abgeleitet werden kann, dass die Vorstellung, **wie** diese Assoziationsbeziehungen linguistisch erfasst werden können, wohl stets – ob bewusst oder unbewusst von den jeweiligen Autoren – auf konzeptuelle Metonymie und den sprachlich-kognitiven Raum der Kontiguität hinausläuft.

¹² Stock/Stock zitieren dabei D. Clarke, Aitchison/Gilchrist/Bawden, Schmitz-Esser und M. Stock; bibliografische Angaben s. Stock/Stock, 2008, 252–254.

¹³ Hoffmann Joachim. Das aktive Gedächtnis. Psychologische Experimente und Theorien zur menschlichen Gedächtnistätigkeit. Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982. S.84 f.

¹⁴ Ibid. S. 85.

¹⁵ Drößiger Hans-Harry: Bemerkungen zur kommunikativen und kognitiven Charakteristik der Metonymie im Deutschen. // *Kalbu studijos / Studies about Languages* 5, 2004. S. 33.

Diese statischen und dynamischen Relationen bilden mit solchen wie in Stock/Stock genannten Einzelrelationen die sprachlich-kognitive Struktur des Kontiguitätsraumes, innerhalb dessen sprachlich-kognitive Bewegungen, die als Verschiebungen oder Fokussierungen beschrieben werden können, ablaufen¹⁶.

Der Kontiguitätsraum erscheint somit kontextsensitiv und flexibel, denn es lassen sich – eine komplexe, vernetzte Speicherung von Wissen vorausgesetzt – immer wieder andere Aspekte dieser Vernetzung herausheben oder akzentuieren¹⁷. Die von Hoffmann vorgestellten Beispiele zeigen, “daß begriffliche Merkmalsmengen keine festen Ganzheiten sind. Es sind Grundstrukturen¹⁸, die anforderungsabhängig außerordentlich flexibel eingesetzt werden können”¹⁹.

Insgesamt gesehen, liefern die gegebenen Ausführungen gute Anhaltspunkte für die Erfassung und ontologische Strukturierung des Wissens einer Sprach- und Kulturgemeinschaft, wobei die Strukturierung dieses Wissens auf wenigen, deshalb aber überschaubaren und nachvollziehbaren Weisen, die insgesamt Kontiguitätsraum genannt werden können, beruht:

a) Speicherung und Strukturierung des Wissens in statischen/konstatierenden Relationen, die auch “faktische Speicherung”²⁰ genannt werden kann und

b) Strukturierung des Wissens durch “prozessuale Speicherung von Relationen”²¹, die dort im Wesentlichen als metonymische Relationen beschrieben werden und sich nach meiner Auffassung in den beiden Hauptarten der statischen und der dynamischen konzeptuellen Metonymie linguistisch beschreiben lassen²².

Doch erschöpft sich das Wesen des Wissens nicht allein in der Erkenntnis der komplexen, in Relationen verlaufenden und bestehenden Speicherung von Begriffen im Sinne von Kontiguität, sondern es fehlen essentielle Komponenten, die nur durch die Sprache in das Wissen gelangen. Panfilov, der sich diesbezüglich auf G.A. Brutjan bezieht und dessen Ideen in einem langen Zitat wiedergibt, liefert ein wichtiges Komplement, das es hinzuzufügen gilt, um ein hinreichendes Verständnis vom Wesen des Wissens zu erlangen.

“Im Prozess der Erkenntnis, im Zusammenhang mit der aktiven Rolle der Sprache und aufgrund ihrer spezifischen Besonderheiten entsteht das sprachliche Weltbild. Es fällt im großen und ganzen mit der logischen Widerspiegelung im Bewußtsein der Menschen zusammen. Dabei bleiben aber die peripheren Bereiche im sprachlichen Weltbild erhalten, die jenseits der Grenzen der logischen Widerspiegelung verbleiben und als verbale Abbilder der Dinge und als linguistische Modelle der Beziehungen zwischen den Dingen von Sprache zu Sprache in Abhängigkeit von ihren spezifischen Besonderheiten variieren. Über verbale Abbilder und sprachliche Modelle entsteht eine zusätzliche Weltsicht; diese Modelle treten als sekundäre Quelle der Erkenntnis, d. h. der Interpretation der Realität, auf und ergänzen unser allgemeines Wissensbild, korrigieren es”²³.

Ein weiteres Komplement bringt Hiebsch in die Diskussion ein, indem er einschätzt, dass das Hintergrundwissen, über das wir verfügen, nicht neutral sei.

“Dieser Hintergrund unseres geistigen und praktischen Lebens ist aber, wie wir wissen, kein neutrales Kompendium, also keine bloße Sammlung von Wissen, es enthält (...) auch *Bewertungen*, die wiederum auf ein subjektives *Wertesystem* zurückgeführt werden können”²⁴.

Werden all diese Ansichten im Sinne der Linguistik kombiniert, dann scheint es unausweichlich zu sein, mit der Wortfeldtheorie²⁵, gelegentlich auch Theorie semantischer Felder genannt, in Berührung zu kommen,

¹⁶ Vgl. Ibid. Fußnote 16

¹⁷ Hoffmann Joachim. Die Welt der Begriffe. Psychologische Untersuchungen zur Organisation des menschlichen Wissens. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1986. S. 32 f.

¹⁸ Es geht hier um Grundstrukturen eines Kontiguitätsraumes, die, wie Evans bezüglich der konzeptuellen Metonymie sagt, konventionalisiert sind [vgl. Evans, 2007. 142].

¹⁹ Hoffmann Joachim. Die Welt der Begriffe..., 1986. S.33.

²⁰ Hoffmann Joachim. Das aktive Gedächtnis. Psychologische Experimente und Theorien zur menschlichen Gedächtnistätigkeit. Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982. S. 87, 94–107.

²¹ Hoffmann Joachim. Das aktive Gedächtnis, 1982. S. 87–94.

²² Vgl. Drößiger Hans-Harry. Bemerkungen zur kommunikativen..., 2004. S. 33.

²³ Bibliografische Angaben zu Brutjan s. Panfilov. Panfilov, V.Z. Philosophische Probleme der Sprachwissenschaft. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1982. [Original 1977]. S.36.

²⁴ Hiebsch Hans. Interpersonelle Wahrnehmung und Urteilsbildung. Psychologische Grundlagen der Beurteilung von Menschen. Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1986. S. 248.

²⁵ Da es sich bei der Wortfeldtheorie seit ihrer Begründung durch J. Trier 1931 um einen permanent theoretisch wei-

denn sie beschreibt lexikalisch-semantische Relationen im Wortbestand einer Sprache, einschließlich konnotativer Merkmale verschiedener Art, wobei gerade dadurch immer wieder auf das im Wortbestand einer Sprach- und Kulturgemeinschaft kodifizierte und konventionalisierte Wissen verwiesen wird.

4. Translatorische Äquivalenz und Realienbezeichnungen

Baker nimmt sich des Begriffs des semantischen Feldes an, um Fragen der Äquivalenz im Zuge des Übersetzens vorzustellen. Dabei gelingt es ihr, einen kognitionslinguistischen Ansatz in die Überlegungen einzubauen:

“It is sometimes useful to view the vocabulary of a language as a set of words that refer to a series of conceptual fields. These fields reflect the divisions and subdivisions “imposed” by a given linguistic community on the continuum of experience. In linguistics, the divisions are called **semantic fields**. Fields are abstract concepts. (...) A large number of semantic fields are common to all or most languages. <...> The actual words and expressions under each field are sometimes called **lexical sets**”²⁶.

Wenn also von der Überlegung ausgegangen wird, dass eine große Anzahl semantischer Felder (oder Konzeptualisierungen) von vielen oder fast allen Sprach- und Kulturgemeinschaften geteilt wird, dann liegt der Schluss nahe, dass auch das zum Ausdruck dieser Konzeptualisierungen notwendige Vokabular verschiedener Sprachen in Bestand und Strukturierung vergleichbar ist. Baker formuliert das wie folgt:

“It seems reasonable to suggest that the more detailed a semantic field is in a given language, the more different it is likely to be from related semantic fields in other languages. There generally tends to be more agreement among languages on the larger headings of semantic fields [d. i. Oberbegriff/Hyperonym – H.-H.D.] and less agreement as the sub-fields become more finely differentiated. Most languages are likely to have equivalents for the more general [items – H.-H.D.], but many may not have equivalents for the more specific ones.” [Baker 2011, 16]

Der letztgenannte Gedanke der häufigeren Übereinstimmung auf der Ebene der Oberbegriffe und ihrer Versprachlichungen in Form von Hyperonymen und der geringeren Übereinstimmung auf den unteren Ebenen, auf denen Hyponyme anzuordnen sind, führt zu der Idee der metonymischen Verschiebung für den Fall, dass eine ausgangssprachliche lexikalische Einheit der unteren, aber präziseren semantischen Ebene kein direktes Äquivalent in der Zielsprache hat, so dass aber stets – im Sinne der Kontiguität des semantischen Feldes / der Konzeptualisierung – auf lexikalische Einheiten zurückgegriffen werden kann, die eine höhere, aber allgemeinere Ebene des semantischen Feldes repräsentieren. Auf die Arbeit des Sprachmittlers/Übersetzers wirkt sich das nach Meinung von Baker so aus, dass

“there are two main areas in which an understanding of semantic fields and lexical sets can be useful to a translator: (a) appreciating the ‚value‘ that a word has in a given system; and (b) developing strategies for dealing with non-equivalence.” [Baker 2011, 16]

Der Umgang mit sog. Nicht-Äquivalenz (“non-equivalence”) nimmt bei Baker verständlicherweise viel Raum ein, weil es gerade für jene Fälle der Abweichung von der Voll-Äquivalenz keine einheitlichen Verfahren der Handhabung gebe [vgl. Baker 2011, 18]. Baker nennt einige Gründe [vgl. 2011, 19 f.], warum die Handhabung dieser Nicht-Äquivalenz keine einheitlichen Verfahren für jeden Einzelfall zulassen. Da sie stets mit semantischen Aspekten argumentiert, kann eine gewisse Überschneidung mit den Darstellungen von Koller [vgl. 2011, 230–243] über die denotative Äquivalenz festgestellt werden. Interpretiert man Bakers Darstellungen in kognitionslinguistischer Weise, kommt man wiederum auf das Phänomen der konzeptuellen Metonymie:

- “the source-language word is semantically complex”, also polysem, was in Kollers Systematik dem “Eins-zu-viele” entspricht;
- “the source and the target languages make different distinctions in meaning”, was in den Grundzügen Kollers “Eins-zu-Teile” entspricht;

---

terentwickelten und empirisch erforschten Sachverhalt der klassischen Wortschatz- und Bedeutungsforschung handelt, verweise ich an dieser Stelle auf Standardwerke der germanistischen Linguistik wie Schippan [1984 und 1992], Römer/Matzke [2005] und für einen allgemeinen Überblick auf Bußmann [2008, 797–799].

²⁶ Baker Mona. In *Other Words. A coursebook on translation*. London; N. Y. : Routledge, 2011. Second edition. S. 16. В связи с частым упоминанием источника далее в тексте – [Baker 2011] с указанием страниц.

- “the target language lacks a superordinate”, was nicht unmittelbar in Kollers Systematik vorkommt, letztendlich aber auf das – m. E. seltene – Fehlen eines Hyperonyms innerhalb eines Kontiguitätsraumes hinausläuft;
- “the target language lacks a specific term (hyponym)”, was in Kollers Systematik dem “Viele-zu-eins” entspricht;
- “differences in physical or interpersonal perspective”, was in Koller nicht vorkommt, aber als metonymischer Perspektivenwechsel beschrieben werden kann und letztlich eine spezifische Sorte der metonymischen Verschiebungen im Kontiguitätsraum bildet ²⁷.

Um den Umgang mit Realienbezeichnungen in Übersetzungen darzustellen, sind Betrachtungen zur Äquivalenz im Zusammenhang mit Sprachmittlung (Übersetzung) vonnöten. Interessanterweise äußern sich auch Stock/Stock zu dieser Frage, allerdings nicht unmittelbar zum Übersetzen, sondern hinsichtlich multilingualer Thesauri als Mittel und Resultat des Übersetzens.

“Im multilingualen Thesaurus gilt als Regel, dass die verschiedenen nationalsprachigen Oberflächen des entsprechenden Begriffs äquivalent sind, da ansonsten die Thesaurusstruktur verletzt würde. Die Eigenständigkeit jeder einzelnen Sprache, die im Thesaurus vertreten ist, sollte jedoch möglichst berücksichtigt und demgemäß keine Äquivalenz *erzungen* werden. Dies bewirkt, dass die bestehenden Anforderungen, die für einsprachige Thesauri gelten, um einige Aspekte zu ergänzen oder vielleicht sogar zu verändern sind.” [Stock/Stock 2008, 244]

Die Ablehnung des Erzwingens von Äquivalenz und somit auch von Äquivalenten im Sinne vollständig äquivalenter Einheiten in zwei oder mehr Sprachen erweist sich als produktiver Standpunkt, zumal Stock/Stock unter Bezugnahme auf Hudon [2001] ²⁸ diese Sichtweise wie folgt kommentieren:

“Eine Sprache darf nicht soweit überstrapaziert werden, um sie einer fremden begrifflichen Struktur anzupassen, dass sie kaum mehr von den eigenen Sprechern wiedererkannt wird. Die gesamte relationale Struktur von einem kulturellen Kontext muss nicht zwingend auf einen anderen übertragen werden.” [Stock/Stock 2008, 245]

Dieses Abwägen von Vermeidung einer unkritischen Übernahme von Wissen und Sprache aus einer Ausgangskultur und von kommunikativen und kognitiven Bedürfnissen der Zielkultur betrifft das Gleichgewicht zwischen Sachgerechtigkeit und Adressatengerechtigkeit beim Sprach- und Wissenstransfer (s.u.).

Gibt es einen Sprach- und Kulturkontakt und verläuft daraufhin der intersprachliche und interkulturelle Wissenstransfer, stellen sich u. a. Resultate in Form äquivalenter Thesauri ein (zwei- und mehrsprachige Wörterbücher, Fachglossare u. ä. als materialisierte lexikografische Wissensspeicher), womit hier – im Sinne von Stock/Stock (s. o.) – Wissenskonfigurationen der Sprach- und Kulturgemeinschaften gemeint sind, die als konventionalisiertes (und letztlich auch als kodifiziertes) und anteiliges Wissen am allgemeinen Wissensvorrat menschlicher Gemeinschaften erscheinen. Auf die Möglichkeit, dass es bei der Äquivalenz der Thesauri auch Barrieren geben kann, verweist Kolschanski ²⁹, so dass im Zuge der sprachlichen Kommunikation die beteiligten Kommunikationspartner danach streben, Verfahren zum Abbau der Barrieren zu entwickeln und erfolgreich zu praktizieren, was Kolschanski zwar nur auf technische Fragen der sprachlichen Kommunikation wie akustische Störungen u. ä. bezieht ³⁰, im semantischen und kognitiven Sinne aber wohl als Strategien und Verfahren des erfolgreichen Wissenstransfers, z. B. beim Auftreten von Realienbezeichnungen, beschrieben werden kann.

Die Systematik der denotativen Äquivalenztypen nach Koller ³¹ orientiert sich an den Äquivalenzbeziehungen zwischen den Lexemen zweier Sprachen ³², so dass die Anwendung dieser Systematik auf die Handhabung von Realienbezeichnungen im Rahmen von Übersetzungen sinnvoll erscheint. Eine gewisse Analogie zwischen den Äquivalenztypen nach Koller und den Auffassungen zur Metonymie ³³ führt zu der Schlussfol-

²⁷ Drößiger Hans-Harry. Metaphorik und Metonymie im Deutschen. Untersuchungen zum Diskurspotenzial semantisch-kognitiver Räume. Hamburg : Dr. Kovač, 2007. S. 179 f.

²⁸ Bibliografische Angaben zu Hudon [2001] s. Stock/Stock [2008].

²⁹ Vgl. Kolschanski G.W. Kommunikative Funktion und Struktur der Sprache. S. 25.

³⁰ Vgl. Ibid.

³¹ Koller Werner. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Tübingen : Francke, 2001 8., neubearbeitete Auflage. S.230–243.

³² Ibid. S. 230.

³³ Drößiger Hans-Harry. Bemerkungen zur kommunikativen..., S. 30–40.

gerung, dass das Potenzial des Kontiguitätsraumes bei der Suche nach Äquivalenten für bestimmte Bezeichnungen der Ausgangssprache (AS) in einer Zielsprache (ZS) beim Übersetzen angewendet werden kann.

Die folgende Übersicht verdeutlicht die gemeinte Analogie:

Tabelle 1:

Typen denotativer Äquivalenz und Metonymie (Quelle: Autor des Beitrages)

Äquivalenztyp (nach Koller)	Metonymietypen/Verschiebungen im Kontiguitätsraum
Eins-zu-eins-Entsprechung	Keine Metonymie möglich oder nötig, da AS und ZS über semantisch äquivalente Bezeichnungen verfügen; das schließt auch konnotative und pragmatische Äquivalenz ein, z. B. dt. <i>Ungeheuer</i> > lit. <i>siaubūnas</i> ; dt. <i>Wicht</i> > engl. <i>wretch/scoundrel</i> ; dt. <i>Wiege</i> > russ. <i>колыбель</i> . ³⁴
Eins-zu-viele-Entsprechung	In der ZS werden verschiedene Lexeme eines bestimmten Kontiguitätsraumes benutzt, wofür es in der AS ein polysemes Lexem gibt, z. B. dt. <i>Frau</i> > (1) lit. <i>moteris</i> ; engl. <i>woman</i> (Grundbedeutung in Opposition zu "Mann"), (2) lit. <i>žmona</i> , engl. <i>wife</i> (Ehefrau, verheiratete Frau), (3) lit. <i>šeimininkė</i> , engl. <i>housewife</i> (Hausfrau, Gastgeberin), (4) lit. <i>ponia</i> , engl. <i>mistress</i> (Anrede).
Viele-zu-eins-Entsprechung	Mehrere Lexeme der AS repräsentieren einen Ausschnitt eines Kontiguitätsraumes, wobei in der ZS ein hyperonymisches Lexem eingesetzt wird, z. B. dt. <i>Kammer</i> , <i>Stube</i> , <i>Zimmer</i> > lit. <i>kambarys</i> , engl. <i>room</i> , russ. <i>камера</i> .
Eins-zu-Null-Entsprechung	Für ein Lexem der AS existiert kein Äquivalent in der ZS, wobei in der ZS auf die Bedeutung des AS-Lexems mithilfe anderer Benennungsverfahren referiert werden kann, z. B. dt. <i>ein rechtes Höllenfeuer</i> > lit. <i>baisiai prikūrenta</i> , was beispielsweise eine metonymische Relation des Typs URSACHE-WIRKUNG enthält; dt. <i>Lehrgeld</i> > engl. <i>money for my services</i> (Zipes); dt. <i>Polterabend</i> > engl. <i>the night before the wedding there was a party</i> (Zipes), was beispielsweise eine metonymische Perspektivenveränderung enthält; dt. <i>Batzen</i> > russ. <i>серебряные монеты</i> , was etwa einer aristotelischen Definition gemäß <i>genus proximum et differentia specifica</i> entspricht.
Eins-zu-Teil-Entsprechung	Für ein Lexem der AS wird in der ZS ein Lexem als Äquivalent eingesetzt, das nur auf einen Teil der Bedeutung des AS-Lexems referiert, was in der Regel der metonymischen Relation GANZES-TEIL entspricht, z. B. dt. <i>Keller</i> > lit. <i>pogrindis</i> ; dt. <i>Treppe</i> > engl. <i>steps</i> .

Die Unikalität bestimmter Realien und ihrer Bezeichnungen innerhalb **einer** Sprach- und Kulturgemeinschaft zwingt den Übersetzer oft dazu, nach Verfahren zu suchen, um sachgerecht und adressatengerecht mit deutschen Realienbezeichnungen im Zuge des Textübersetzens umzugehen³⁵. Das betrifft auch die Möglichkeiten, die die Metonymie bietet, denn die o. g. Einzelprozeduren erlauben es nicht, alle in den übersetzten Texten tatsächlich praktizierten metonymischen Typen theoretisch abzubilden. Der Grund dafür liegt im Wesen der Metonymie, da "es sich bei Metonymie (resp. Kontiguität) auch um einen Prozess handelt, der es Sprechern/Schreibern erlaubt, in z. T. kreativer Weise das gegebene Wissen zu modifizieren (...)"³⁶. – Möglich scheint dies aufgrund der von Forschern zur kognitiven Linguistik angenommenen holistischen Grundcharakteristik von Wissensräumen³⁷.

Im Allgemeinen sei formuliert, dass man von Volläquivalenz dann und nur dann sprechen kann, wenn im Bestand des Wortschatzes oder seiner Teile zwischen zwei Sprach- und Kulturgemeinschaften sowohl eine vollständige sprachliche (kodifizierte) als auch eine vollständige kognitive (kulturell konventionalisier-

³⁴ Alle angegebenen Beispiele aus den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm (deutsches Original, litauische, englische und russische Übersetzungen).

³⁵ Vgl. Drößiger Hans-Harry. Terminologie in Theorie und Praxis unter dem besonderen Aspekt der interkulturellen Kommunikation // *Inostrannye jazyki v vysšej škole* 2 (17), 2011, S. 7 f.; Drößiger, Hans-Harry (2012): Realien, ihre Bezeichnungen und Aspekte der Interkulturalität // *Kalbų studijos/Studies about Languages*, 20. S. 8 f.

³⁶ Drößiger Hans-Harry. Metaphorik und Metonymie im Deutschen. S.175.

³⁷ Roelcke, Thorsten. Was bringt die kognitive Semantik dem fachlexikalischen Wissenstransfer? // Wichter Sigurd; Antos, Gerd (Hrsg.). Wissenstransfer zwischen Laien und Experten. Umriss einer Transferwissenschaft. Frankfurt/Main : Lang, 2011. S. 58.

te) Übereinstimmung festgestellt werden kann. Anders gesagt, die Volläquivalenz beruht auf gemeinsamem, geteiltem Wissen im historischen wie aktuellen Sinne. Jede Sprach- und Kulturgemeinschaft verfügt zur Versprachlichung dieses Wissens über ein autonomes oder genealogisch geteiltes Benennungsinventar. In diesem Falle kann von allgemeinen Realienbezeichnungen (“culture-bound words”) gesprochen werden.

Von Null-Äquivalenz ist logischerweise dann die Rede, wenn die o. g. Bedingungen der Volläquivalenz nicht erfüllt sind, so dass beobachtet werden kann, dass jede Sprach- und Kulturgemeinschaft ihr eigenes Wissen – historisch wie aktuell – hervorgebracht hat und somit auch über ein ausschließlich autonomes Benennungsinventar verfügt. In diesem Falle sollte von spezifischen Realienbezeichnungen (“culture-specific lexical items”) gesprochen werden.

Volläquivalenz und Nulläquivalenz bilden somit die Endpunkte einer Skala oder eines Spektrums, so dass der Bereich zwischen diesen Endpunkten als sprachlich-kognitiver Raum (Kontiguitätsraum) verstanden werden kann, in dem verschiedene sprachlich-kognitive Prozesse ablaufen, die nur deshalb auftreten, weil zwischen zwei Sprach- und Kulturgemeinschaften zwar keine volläquivalenten sprachlichen und kognitiven Strukturen, aber zumindest Schnittmengen in Sprache und Wissen vorhanden sind. Dieser Umstand zwingt die Sprachmittler dazu, mit diesen Schnittmengen sach- und/oder adressatengerecht umzugehen. Je nach Intention des Übersetzers kommen dafür bestimmte sprachlich-kognitive Verfahren zur Anwendung, die entweder zur Volläquivalenz (sachgerechte Orientierung) oder zur Nulläquivalenz (adressatengerechte Orientierung) tendieren. Letzteres thematisiert auch Baker im Zusammenhang mit den Problemlösungen bei Nicht-Äquivalenz, wenn das kulturelle Wissen der Ausgangssprache durch Wissen der Zielsprache ersetzt wird, z. B. im Falle von *Meile* in dt. *Sieben-Meilen-Stiefel* als *league* in engl. *seven-league-boots* und als *verst* in russ. *semiverstnye sapogi*³⁸.

“This strategy involves replacing a culture-specific item or expression with a target-language item which does not have the same propositional meaning but is likely to have a similar impact on the target reader, for instance by evoking a similar context in the target culture. The main advantage of using this strategy is that it gives the reader a concept with which he or she can identify, something familiar and appealing.” [Baker 2011, 29]

Baker verdeutlicht, dass die stärkere Zuwendung zur Adressatengerechtigkeit mit einer bedeutungsvollen Abkehr von der Sachgerechtigkeit verknüpft sei [vgl. Baker 2011, 29]. Ausgewogenheit zwischen Sachgerechtigkeit und Adressatengerechtigkeit in sprachlichen und kognitiven Aspekten sollte somit als Ziel des Übersetzens im Allgemeinen sein.

Schlussfolgerungen

Das Modell der denotativen Äquivalenz nach Koller erweist sich aber gerade im Zuge des Übersetzens – wofür es eigentlich gedacht war – als zu statisch und womöglich als zu hinderlich, um den Anforderungen des Übersetzens gerecht werden zu können. Sanz schätzt ein, dass Äquivalenz weder vollständig noch gar nicht existiert, sondern als ein “more or less approximate” Phänomen “with a higher or lower degree”³⁹ aufzufassen sei. Diese Sicht eröffnet der Gesamtidee der Äquivalenz neue Spielräume, wonach es sich um ein prozesshaftes, in sprachlich-kognitiven Räumen verlaufendes Interagieren zwischen AS und ZS handeln kann. Das Übersetzen erscheint als ein Bündel zusammengehöriger, aber unterschiedlich perspektivierter sprachlich-kognitiver Verfahren, wobei metonymisch erklärbare Verschiebungen im Kontiguitätsraum des Wissens zwischen AS und ZS wohl dominieren. Im Falle der Realienbezeichnungen sollte für künftige Forschungen zwischen Realienbezeichnungen im Allgemeinen (“culture-bound words”) und im Besonderen (“culture-specific lexical items”) unterschieden werden.

Quellen

Brolių Grimų Pasakos [Text]. – Kaunas : Verlag Vaiga, 2010. T. 1–2. Iš vokiečių kalbos vertė Juozas Balčikonis [Original der Übersetzung: 193–1939].

Grimm, J. The Complete Fairy Tales of the Brothers Grimm. Translated by Margaret Taylor [Text] / J. Grimm, W. Grimm. – Ware : Wordsworth Library Collection, 2009.

³⁸ Beispiel nach Snell-Hornby (Hrsg.). 1999. S. 291.

³⁹ Sanz R.L. The Limits of Translation: The Untranslatable. // Martínez, P.S. (Hrsg.). Actas de las II Jornadas de Lengua y Literatura Inglesa y Norteamericana, Logroño 7, 8 y 9 de febrero de 1990. Universidad de La Rioja, 1991. S. 108, 105.

Grimm, Jacob. Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. Mit einem Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen hrsg. von Heinz Rölleke [Text] / Jacob Grimm, Wilhelm Grimm. – Stuttgart : Reclam, 2010. – 3 Bde. – [Original: 1857] [= KHM].

ГРИММ, ЯКОБ и Вильгельм: Сказки братьев ГРИММ: Детские и семейные сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/list [14.04.2014].

Literatur und Wörterbücher

1. Baker, Mona. In Other Words. A coursebook on translation. [Text]. – London: New York : Routledge, 2011. Second edition.
2. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. [Text]. – Stuttgart : Kröner, 2008. 4. durchgesehene und bibliographisch ergänzte Auflage.
3. Drößiger, Hans-Harry. Bemerkungen zur kommunikativen und kognitiven Charakteristik der Metonymie im Deutschen. 2004. [Text] / Kalbų studijos/Studies about Languages. – 5. – S. 30–40.
4. Drößiger, Hans-Harry. Metaphorik und Metonymie im Deutschen. Untersuchungen zum Diskurspotenzial semantisch-kognitiver Räume. [Text]. – Hamburg : Dr. Kovač, 2007.
5. Drößiger, Hans-Harry. Terminologie in Theorie und Praxis unter dem besonderen Aspekt der interkulturellen Kommunikation. [Text] / Inostrannyje jazyki v vysšej škole. – 2011. 2 (17). – S. 5–13.
6. Drößiger, Hans-Harry. Realien, ihre Bezeichnungen und Aspekte der Interkulturalität [Text] //Kalbų studijos / Studies about Languages. –2012. – 20. – S. 5–11.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Text]. – Mannheim : Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG. – 2006. – 6., überarbeitete und erweiterte Auflage (CD-ROM) [= DUW].
8. Evans, Vyvyan. A Glossary of Cognitive Linguistics [Text]. – Salt Lake City : The University of Utah Press, 2007.
9. Grossmann, Reinhardt. Die Existenz der Welt. Eine Einführung in die Ontologie [Text]. – Frankfurt; Lancaster : Ontos, zweite überarbeitete und verbesserte Auflage, 2004.
10. Haß-Zumkehr, Ulrike. Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte [Text]. – Berlin; N. Y. : de Gruyter, 2001.
11. Hiebsch, Hans. Interpersonelle Wahrnehmung und Urteilsbildung. Psychologische Grundlagen der Beurteilung von Menschen [Text]. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1986.
12. Hoffmann, Joachim. Das aktive Gedächtnis. Psychologische Experimente und Theorien zur menschlichen Gedächtnistätigkeit [Text]. – Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982.
13. Hoffmann, Joachim. Die Welt der Begriffe. Psychologische Untersuchungen zur Organisation des menschlichen Wissens [Text]. – Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1986.
14. Koller, Werner. Einführung in die Übersetzungswissenschaft [Text]. – Tübingen : Francke, 2011. – 8, neubearbeitete Auflage.
15. Kolschanski, G.W. Kommunikative Funktion und Struktur der Sprache [Text]. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1985. [Original 1984].
16. Lurija, Alexander. Sprache und Bewußtsein [Text]. – Berlin : Volk und Wissen, 1982. [Original 1979].
17. Panfilov, V.Z. Philosophische Probleme der Sprachwissenschaft [Text]. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1982. [Original 1977].
18. Roelcke, Thorsten. Was bringt die kognitive Semantik dem fachlexikalischen Wissenstransfer? [Text] / Wichter Sigurd, Antos Gerd (Hrsg.): Wissenstransfer zwischen Laien und Experten. Umriss einer Transferwissenschaft. – Frankfurt/Main : Lang, 2001. S. 51–63.
19. Römer, Christine. Lexikologie des Deutschen. Eine Einführung [Text] / Christine Römer, Birgit Matzke // Tübingen : Narr, 2005. 2.; aktualisierte und ergänzte Auflage.
20. Sanz, R.L. The Limits of Translation: The Untranslatable. [Text] / Martínez P.S. (Hrsg.): Actas de las II Jornadas de Lengua y Literatura Inglesa y Norteamericana, Logroño 7, 8 y 9 de febrero de 1990. – Universidad de La Rioja. 1991. – S. 99–108.
21. Schippan, Thea. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache [Text]. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1984.
22. Schippan, Thea. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache [Text]. – Tübingen : Niemeyer, 1992.
23. Stock, Wolfgang G. Wissensrepräsentation. Informationen auswerten und bereitstellen [Text] / Wolfgang G. Stock, Mechtild Stock // München : Oldenbourg, 2008.
24. Varela, Francisco J. Kognitionswissenschaft – Kognitionstechnik. Eine Skizze aktueller Perspektiven [Text]. – Frankfurt/Main : Suhrkamp, 2. 1990. Auflage [Original 1988].

Перевод как инструмент обучения чтению художественной литературы

В статье сделана попытка показать, что перевод может из цели становиться средством обучения чтению будущих переводчиков художественного дискурса. Только в процессе переводческого анализа можно определить прагматическую ценность каждого слова во фразе, предложении, сверхфразовом единстве. Переводческий анализ при этом рассматривается как совокупность предпереводческого анализа, анализа в процессе перевода и постпереводческого анализа. Только три вида переводческого анализа, используемые в единстве, определяют эффективность обучения чтению художественного текста на иностранном языке.

перевод художественной литературы, предпереводческий анализ, анализ в процессе перевода, постпереводческий анализ, роль читателя-переводчика, диалогия Р. Киплинга «Как было написано первое письмо» и «Как был придуман алфавит», система пресуппозиций

Перевод – это не только искажение оригинала,
но и один из возможных путей его постижения.
С.Т. Золян¹

Перевод – это исследование, результат исследования и инструмент исследования. Это – познание человеческого опыта, заключенного в слове и обобщение опыта с помощью художественных образов, переданных средствами другого языка для людей другой культуры².

Примем эти постулаты, сформулированные профессором Я.М. Колкером в монографии «Поэзия и проза художественного перевода», за точку отсчета и покажем, как перевод из цели превращается в средство, в методически обоснованный инструмент обучения чтению будущих переводчиков художественного дискурса. Ибо только при переводе возможно познание прагматической ценности каждого слова во фразе и в единице большей, чем фраза; только в процессе перевода можно соизмерить справедливость использования каждого слова в данном окружении (контексте); только в процессе переводческого анализа можно увидеть, как каждое слово «оказывается “полифонической” структурой взаимопроникающих смыслов»³.

Когда мы говорим о переводческом анализе, то имеем в виду единство предпереводческого анализа, анализа в процессе перевода и постпереводческого анализа.

Предпереводческий анализ предшествует переводу и предполагает интерпретацию текста, обусловленную определением замысла автора и фоновыми знаниями, касающимися текста как литературного произведения. Анализ текста в процессе перевода предполагает интерпретацию текста как высказывания, которая включает последовательную интерпретацию каждого коммуникативно-значимого контекста, где каждое слово имеет свое место и играет коммуникативную роль. В этом виде анализа доминирует лингвистическая и филологическая трактовка использования языковых единиц, и текст представляется как кумуляция взаимозависимых смыслов, реализующихся в художественных образах.

Наконец, третий вид анализа – постпереводческий – связан с сопоставлением интерпретации текста оригинала и текста перевода, с определением идентичности авторского стиля оригинала и стиля перевода, а также с определением социального значения текста перевода в сопоставлении с социальным значением текста оригинала.

© Марьяновская Е.Л., 2014

¹ Золян С.Т. Семантика и поэтика поэтического перевода – заметки об армянской поэзии в зеркале русских переводов. Ереван : Лингва, 2007. С. 6.

² Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода: моногр. М. : Гуманитарий, 2014. С. 4–61.

³ Золян С.Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллин : Изд-во Таллин. ун-та, 2012. С. 116.

Не вдаваясь в подробности иных трактовок этих видов переводческого анализа⁴, упомянем те факторы, которые отличают выбранный нами подход.

Во-первых, роль читателя-переводчика, выступающего в качестве посредника и берущего на себя две коммуникативные роли: реципиента-интерпретатора информации, с одной стороны, и реципиента-медиатора, с другой стороны. При чтении это играет решающую роль, потому что здесь интерпретация содержания способствует не столько его интериоризации, сколько объективации и упорядочению этой информации, для чего она и подвергается реструктуризации и дальнейшей сборке и только потом отправляется реципиенту-читателю перевода. В связи с тем, что процессуальность определяет методический аспект нашего подхода (поскольку обучение происходит в процессе чтения и симультанного анализа и синтеза), перевод во время предпереводческого анализа следует рассматривать как процесс рецептивно-репродуктивный. Репродукция при этом может выступать в двух планах. Как *первичная* репродукция, представляющая собой тот же феномен, что и репродукция в ходе чтения любой литературы на родном или иностранном языках, она предполагает диалогизм – неизбежную характеристику чтения в процессе декодирования и перекодировки информации. Кроме того, можно говорить о *вторичной* репродукции, когда происходит расчленение полученной информации на смысловые значимые части, поиск эквивалентов, а также культурных соответствий/несоответствий в языке перевода, их сопоставление с языком и культурой оригинала, а затем их упорядочение, сборка и передача информации реципиенту с последующим возможным редактированием.

Во-вторых, необходимость передачи художественного образа при переводе. Если для студента-филолога достаточно выяснить средства создания художественного образа и интерпретировать замысел автора, то переводчику, кроме этого, придется иметь дело с адаптацией и доместикацией художественного образа к родной культуре, что не сводится к пониманию отдельных реалий. Это связано с пониманием всего текста и с принятием решения о том, что можно потерять, а что обязательно нужно сохранить или адекватно компенсировать.

Наконец, в-третьих, полагаем, что проникновение в замысел автора является для переводчика лишь промежуточной целью. Следующей целью становится воссоздание процесса порождения замысла автора для того, чтобы «врасти в новую и каждый раз уникальную систему передачи опыта, фактического и эмоционального», а затем, перевоплотившись в автора, «воссоздать однажды переданный опыт новой системой выразительных средств и на языке иной культуры»⁵. Ведь любой текст при переводе подвергается трансформации и может даже приобрести другое звучание, так как перевод – это такая интерпретация, при которой автор должен заговорить на языке перевода.

Говоря о трех видах анализа, следует отметить, что в работе переводчика зачастую может доминировать предпереводческий анализ, примером чего служит первая притча из дилогии⁶ Р. Киплинга о Тэффи и Тегумаи «Как было написано первое письмо» (“How the First Letter was Written”) из сборника “Just So Stories”.

Притча Р. Киплинга построена вокруг необходимости написать письмо и всевозможных интерпретаций одного и того же знака, а также возникшего недопонимания и формы, и содержания знака. То же самое происходит при переводе, когда переводчик сталкивается с неоднозначностью знака – то ли случайной, то ли преднамеренной. Р. Киплинг, со свойственной ему иронией, предвосхитил бесконечные споры о возможностях перевода и о кодовых переходах и показал истоки мотивированности знака. Эту иронию Р. Киплинга нужно передать в переводе, как и то, что идеографическое письмо, прежде чем стать набором абстрактных символов, прошло через целый ряд трансформаций – через постепенное упрощение и закрепление за конкретным символом определенного содержания. Поэтому понадобилась еще одна притча, чтобы окончательно объяснить, как все это было “How the Alphabet was Made”.

В притче «Как было написано первое письмо» мотивированность знаков, по замыслу Тэффи, должна была быть очевидной. Но в сказке мы сталкиваемся с тройной интерпретацией изображаемого – с интерпретацией Тэффи, незнакомца из племени Тевара и женщин племени Тегумаи. Несовпадение трактовок связано с тем, что первое зрительное впечатление каждый раз создает иную систему пресуппозиций, причем последующие детали при накапливании наслаивают ложные пресуппозиции одна на другую, то есть первое изображение запускает механизм трактовки последующих.

⁴ Алексеева (2004), Брандес и Провоторов (2001), Нелюбин (1983, 2003), Nord Ch. (1991) и др.

⁵ Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. С. 61.

⁶ Дилогией о Тэффи и Тегумаи мы называем следующие одна за другой притчи “How the First Letter was Written” и “How the Alphabet was Made” в сборнике Р. Киплинга “Just So Stories”.

Вот как Тэффи поясняет незнакомцу из племени Тевара то, что она рисует:

<p>First I'll draw Daddy fishing. It isn't very like him; but Mummy will know, because I've drawn his spear all broken. Well, now I'll draw the other spear that he wants, the black-handled spear. It looks as if it was sticking in Daddy's back, but that's because the shark's tooth slipped and this piece of bark isn't big enough. That's the spear I want you to fetch; so I'll draw a picture of me myself 'splaining to you. My hair doesn't stand up like I've drawn, but it's easier to draw that way. Now I'll draw you. I think you're very nice really, but I can't make you pretty in the picture, so you mustn't be 'fended. Are you 'fended?</p>	<p>Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Получается не очень похоже, но мама догадается, потому что я нарисовала папино сломанное копьё. А теперь я нарисую другое копьё, то, которое ему нужно, с черной рукояткой. Похоже, что копьё вонзается в папину спину, но это потому, что акулий зуб соскользнул, а кусочек коры не очень большой. Это копьё, которое я хочу, чтобы ты принес; поэтому я нарисую, как я тебе все объясняю. Конечно, волосы у меня так не торчат, но так легче рисовать. Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что ты очень милый, но я не смогу тебя так красиво нарисовать, поэтому ты не должен обижаться. Ты же не обижаешься, правда? (Перевод наш. – Е.М.).</p>
--	--

Объяснение девочки просто и эксплицитно. Шаг за шагом она комментирует рисунки, которые наносит на кусочек березовой коры. При этом Тэффи постоянно оговаривает возможность двойной интерпретации своих изображений (“I'll draw Daddy fishing. It isn't very like him; but Mummy will know, because I've drawn his spear all broken” или “It looks as if it was sticking in Daddy's back, but that's because the shark's tooth slipped and this piece of bark isn't big enough”), словно предчувствуя возможное недопонимание. Детская речь, простая и наивная, представляет основную переводческую трудность данного отрывка. Р. Киплинг использует граффоны (“’splaining, ’fended”), свойственные детям обращения Mummy, Daddy, но самое главное, модальность и тон этого отрывка оригинала не оставляют сомнений в том, что это говорит ребенок. В переводе мы намеренно уходим от уменьшительных «мамочка, папочка» и от фонетических искажений, которые кажутся естественными в оригинале, полагая, что они изменят тон перевода и сделают его тон излишне инфантильным. «Киплинг не использует этот регистр, потому что он разговаривает с читателем-ребенком, да и с читателем-взрослым на равных, но, не опускаясь, а поднимая их на свой уровень»⁷.

Незнакомец из племени Тевара трактует рисунок Тэффи по-своему:

<p>The Stranger-man (and he was a Tewara) smiled. He thought, 'There must be a big battle going to be fought somewhere, and this extraordinary child, who takes my magic shark's tooth but who does not swell up or burst, is telling me to call all the great Chief's tribe to help him. He is a great Chief, or he would have noticed me.</p>	<p>Незнакомец (а он был именно Тевара как Тевара) улыбнулся: «Должно быть, скоро где-то поблизости произойдет большая битва, и этот необыкновенный ребенок, который держит мой акулий зуб и не распухает и не лопается, велит мне позвать все племя великого Вождя на подмогу. Он и правда великий Вождь, иначе он заметил бы меня». (Перевод наш – Е.М.).</p>
---	--

Он интерпретирует все, исходя из своей «недетской» системы координат, поэтому мирный рисунок Тэффи Незнакомец, к сожалению, понимает, как любой взрослый: люди с копьями – это предвестники «большой битвы», и неважно, что «великий Вождь» в данный момент просто ловит рыбу или чинит рыболовные снасти. В этом отрывке обращает на себя внимание уточняющий рефрен “and he was a Tewara”, который пронизывает практически всю притчу, а за счет изменения сильной доли, каждый раз выделяемой курсивом, придает ей уникальный ритмический рисунок. Данное смещение сильной доли необходимо передать в переводе. В русском языке это можно сделать за счет порядка слов и добавления «а он был именно Тевара как Тевара». Кроме того, в переводе необходимо сохранить определенный пиетет, с которым Незнакомец воспринимает девочку, запросто рисующую его магическим талисманом-зубом, и занятого своим делом Тэгумаи. Поэтому не вызывает сомнений, что “... is telling me to call” можно передать в переводе только через глагольную группу «велит мне позвать». Р. Киплинг создает в притче такую коммуникативную ситуацию, в которой явно не хватает посредника, владеющего кодом, позволяющим правильно интерпретировать для Незнакомца сообщение Тэффи.

⁷ Колкер Я.М., Марьяновская Е.Л. Влияние общего замысла на перевод компонентов поэтического единства // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2012. Вып. 4 (23). С. 99–106.

Это именно такая коммуникативная ситуация, в которой необходим переводчик. Поэтому Незнакомец, принимающий по просьбе девочки роль такого посредника-посыльного, терпит фиаско. И на его ложную пресуппозицию накладывается еще одна, третья трактовка событий, принадлежащая женщинам племени Тегумаи.

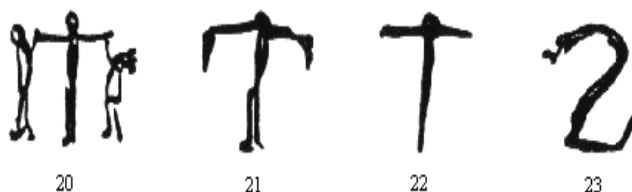
<p>As soon as Teshumai saw the picture she screamed like anything and flew at the Stranger-man. The other Neolithic ladies at once knocked him down and sat on him in a long line of six, while Teshumai pulled his hair.</p> <p>'It's as plain as the nose on this Stranger-man's face,' she said. 'He has stuck my Tegumai all full of spears, and frightened poor Taffy so that her hair stands all on end; and not content with that, he brings me a horrid picture of how it was done. Look!'</p>	<p>Как только Тешумаи увидела рисунок, она завизжала как сирена и набросилась на Незнакомца. Остальные первобытные дамы тут же сбили его с ног и уселись на нем в рядок, а было их шестеро. Тэшумаи в это время драла его за волосы:</p> <p>– Только посмотрите на него, ясно же, как Божий день, – сказала она. – Он заколол моего Тэгумай копьями, а бедную Тэффи напугал так, что у нее волосы встали дыбом. Но ему этого оказалось мало, и он принес мне ужасный рисунок, который показывает, как он это сделал. Посмотрите! (Перевод наш. – Е.М.).</p>
--	---

Мама Тэффи интерпретирует рисунок именно так, как не хотела этого Тэффи. Р. Киплинг еще раз показывает, что «взрослое» восприятие действительности полностью противоположно детскому. И если Незнакомец лишь предполагает скорую битву, то женщины племени Тегумаи, взглянув на рисунок и ни в чем не разобравшись, сразу же обвиняют посланца Тэффи во всех смертных грехах. Сравнение “she screamed like anything” легко передается на языке перевода сравнением-конкретизацией, которое очень характерно для русской культуры и которое сохраняет верхний звуковой регистр «она завизжала как сирена». Далее Р. Киплинг прибегает к ироническому контрасту, называя женщин племени “The other Neolithic ladies” и описывая не подобающие такому статусу действия героинь “...knocked him down and sat on him...”. В переводе мы усиливаем иронию автора, используя не только эквивалент «дамы», но и обобщение «первобытные», что имплицитно подчеркивает отсутствие манер и превращает сочетание «первобытные дамы» в оксюморон. Следующий отрезок текста приобретает особый ритм за счет аллитерации [l] “in a long line of six, while Teshumai pulled his hair”. Отсутствие последней в переводе компенсируем приемом, к которому часто прибегает в своих притчах сам Р. Киплинг, а именно рифмовкой, создающей ритм и в то же время приближающей текст перевода к русским сказкам, особенно благодаря финальному уточнению: «сбили его с ног и уселись на нем в рядок, а было их шестеро». Временной сочинительный союз “while” подсказывает несовершенный вид глагола “pulled” – «драла» в переводе. Идиома “It's as plain as the nose on this Stranger-man's face” имеет эквивалент в русском языке, но для того, чтобы она зазвучала в нужной тональности и передавала в переводе истеричный крик женщины, добавим эмфатическую конструкцию «Только посмотрите на него», которая также позволит компенсировать разницу синтаксических конструкций, и усилим идиому абсолютно русским добавлением «ясно, как Божий день». Такое решение позволяет построить монолог женщины в виде рамки «Только посмотрите на него... Посмотрите!», что также соответствует русскому построению эмоциональных монологов такого типа.

Вторая притча из дилогии «Как был придуман алфавит» ставит переводчика в иную ситуацию. Здесь на первый план выходит анализ в *процессе* перевода, поскольку смысл изображаемого прямо по ходу притчи вербализуется и, упрощаясь, стандартизуется. Здесь переводчик должен каждый раз искать приемлемые решения, связанные либо с адаптацией опыта к принимающей культуре, либо с функциональными заменами при невозможности адаптации. И хотя Р. Киплинг имеет в виду латинский алфавит, у него своя версия возникновения последнего. Она, по сути, не научна, но выглядит правдоподобной, потому что объяснения Р. Киплинга логичны и образны. Именно поэтому, если переводчик берется переводить эту притчу, он обязан сохранить версию автора, а не придумывать свою, «подтягивая» ее к русскому алфавиту и заменяя рисунки самого Р. Киплинга на стилизации русских букв.

Покажем на нескольких примерах, как непере译имое может стать пере译имым при условии сохранения авторской образной системы, а значит, и авторского замысла. Вот как Р. Киплинг описывает появление графического изображения буквы Т в алфавите, который придумывали Тэффи и Тегумаи:

<p>When they came to T, Taffy said that as her name, and her Daddy's, and her Mummy's all began with that sound, they should draw a sort of family group of themselves holding hands. That was all very well to draw once or twice; but when it came to drawing it six or seven times, Taffy and Tegumai drew it scratchier and scratchier, till at last the T-sound was only a thin long Tegumai with his arms out to hold Taffy and Teshumai. You can see from these three pictures partly how it happened. (20, 21, 22.)</p>	<p>Когда они добрались до Т, Тэффи сказала, что ее имя, папино имя и мамино имя начинаются с этого звука, поэтому они должны нарисовать свою семью, держащуюся за руки. Один или два раза это еще можно было нарисовать, но когда они рисовали это шестой или седьмой раз, рисунок становился все более и более схематичным, пока наконец от звука Т не остался худощавый высокий Тегумай, который на вытянутых руках держит Тэффи и Тешумай. На этих трех рисунках ты видишь, как это постепенно произошло (Перевод наш. – Е.М.).</p>
---	--

Мы видим пример того, как изображаемое вербализуется и, упрощаясь, стандартизуется. В переводе это передается достаточно просто в силу того, что латинская и кириллическая Т совпадают по звучанию и начертанию.

В следующем примере мы прибегли к добавлению, которое естественно вплетается в текст и подсказано контекстом притчи: Тэффи и Тегумай придумывают алфавит для своего племени, поэтому он будет ни на что не похож и его можно сравнивать, например, с кириллическим. Это позволит не исказить образы-рисунки автора и вместе с тем познакомить с ними русскоязычного читателя.

<p>...and because it was a nasty, nosy noise, they just drew noses for the N-sound, till they were tired (29); and they drew a picture of the big lake-pike's mouth for the greedy Ga-sound.</p>	<p>...и из-за того, что звук N (они произносили его так же, как мы произносим «н») был такой непослушный, назойливый и носовой, они решили рисовать носы, чтобы передать этот звук, и рисовали до тех пор, пока не устали (29). А для прожорливого звука Ga (они произносили его «га») они нарисовали пасть большой озерной щуки (Перевод наш. – Е.М.).</p>
--	---

Приведенный выше перевод представляет один из случаев адаптации опыта к принимающей культуре. Аллитерацию [n] “a nasty, nosy noise” передать в переводе несложно: «такой непослушный, назойливый и носовой». Главная задача переводчика – найти способ компенсировать разницу начертания и произнесения букв латинского и кириллического алфавитов. Вставки-комментарии, соответствующие тону притчи («они произносили его так же, как мы произносим «н», «они произносили его “га”»), несколько удлиняют текст перевода, но позволяют адаптировать опыт, который хочет передать Р. Киплинг, для русского читателя на протяжении всей притчи.

Но есть в произведении «Как был придуман алфавит» и случаи, когда адаптация невозможна, и единственным переводческим становится функциональная замена.

<p>P and Q are missing. They were lost, a long time ago, in a great war, and the tribe mended the necklace with the dried rattles of a rattlesnake, but no one ever found P and Q. That is how the saying began, 'You must mind your P's. and Q's.'</p>	<p>Р и Q («кью» на языке Тегумаи) пропущены. Их потеряли много-много лет назад, во время великой войны, племя восстановило ожерелье при помощи высушенных чешуек гремучей змеи, но Р и Q так и не нашли. Но потом люди сочинили заклинание: Жизнь на латыни названа <i>vita</i>, жить невозможно без алфавита. И две буквы нашлись (Перевод наш – Е.М.).</p>
---	--

В оригинале Р. Киплинг обыгрывает прямое и идиоматическое значения выражения “to mind one’s P’s and Q’s”. Ни то, ни другое нельзя адаптировать на языке перевода, так как, с одной стороны, ничего близкого букве Q в русском языке нет, с другой стороны, в русском языке нет идиоматического эквивалента этого выражения. Существует лишь перевод-объяснение – «следить за своими словами и поступками». Решение, которое предложено в нашем переводе, является именно функциональной заменой, но полностью отвечающей общему тону и замыслу оригинала.

Итак, отметим, что приведенная в качестве материала исследования диалогия Р. Киплинга посвящена развитию человечества в языковом плане, то есть посвящена способам кодирования опыта, что необходимо сохранить в переводе. Именно поэтому в начале статьи мы говорили о переводческом перевоплощении и о том, что оригинал должен звучать на языке перевода. Если несколько перефразировать высказывание В.Г. Белинского, то каждое слово в тексте перевода «должно до того исчерпывать все значения требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его»⁸.

Обучая одновременно чтению и переводу и рассматривая переводчика с позиций функций, которые он осуществляет, преподаватель учит, что:

- каждый художественный текст представляет собой поле для кодовых переходов, а следовательно, источник всевозможных интерпретаций, доказательность которых должна подтверждаться текстом;
- интерпретация художественного образа – процесс многослойный и многоплановый, зависящий в основном от адекватности каждого образа условиям коммуникативной ситуации;
- предпереводческий анализ, как показывает рассмотрение роли перевода при обучении чтению, выявляет и уточняет компоненты коммуникативной ситуации и условия, в которых создавалось художественное произведение;
- кроме того, этот анализ устанавливает систему художественных образов, определяя ее как основу выбора автором выразительных средств;
- анализ текста в процессе перевода уточняет систему лингвистических средств, которые являются основой создания текста, параллельного авторскому (текста перевода), и соответствия авторского текста и текста перевода на уровне слова, предложения, сверхфразового единства;
- роль лингвистических средств определяется с позиции прагматики текста. При этом прагматика рассматривается как явление лингвистическое, в отличие от первого вида анализа, где прагматика видится как явление экстралингвистическое;
- постпереводческий анализ, представляя собой результат сравнительно-сопоставительного анализа ряда переводов, сводится к редактированию текста и выяснению соответствия его коммуникативно значимых частей впечатлению от всего текста;
- три вида анализа, используемые в единстве, определяют эффективность обучения чтению художественного текста на иностранном языке.

Список использованной литературы

1. Золян, С.Т. Семантика и поэтика поэтического перевода – заметки об армянской поэзии в зеркале русских переводов [Текст]. Ереван : Лингва, 2007. – 151 с.
2. Золян, С.Т. Исследования в области семантической поэтики акмеизма [Текст] / С.Т. Золян, М.Ю. Лотман. – Таллин : Изд-во Таллин. ун-та, 2012. – 352 с.
3. Золян, С.Т. Семантика и структура поэтического текста [Текст]. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 336 с.
4. Колкер, Я.М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст]: моногр. – М. : Гуманитарий, 2014. – 497 с.
5. Колкер, Я.М. Влияние общего замысла на перевод компонентов поэтического единства [Текст] / Я.М. Колкер, Е.Л. Марьяновская // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2012. – Вып. 4 (23). – С. 99–106.

⁸ Цит. по: Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М. : ЛИБРОКОМ, 2014. С. 49.

«Свои», «чужие», «другие» в мультикультурном диалоге М. Левицкой и проблема перевода суржика в англоязычном тексте

В центре внимания статьи – произведения современной британской писательницы М. Левицкой, в них находят художественное выражение проблемы национальной идентичности определенной иммигрантской диаспоры – «Украины в эмиграции». Языковой аспект является способом зондирования национального самосознания – в чужой стране вчерашние «другие» становятся «чужими». Национальность-через-дефис автора, билингвизм ее героев формируют особый гибридный образ языка. При переводе авторского идиолекта на русский язык действенным инструментом становится суржик – активный социолект, этноконцепт и адекватный трансформатор языка «лингвистических полукровок». Использование суржика в качестве стилистической доминанты всего текста романов представляется спорным, ибо возникает проблема адресата подобного «регионального» перевода.

Апология суржика – не единственный способ поддержания мультикультурного диалога в переводном тексте. Ставится вопрос о целесообразности использования приемов транслитерации, калькированных слов, словотворчества и словоновшества, элементов аутентичной культуры. В оркестровке лингвистических различий между «своим», «чужим», «иным» суржик расширяет возможности переводческой практики в эпоху глобализации и политкорректности.

национальная идентичность, билингвизм социолект, этноконцепт, суржик, стилистическая доминанта текста, категории «свой», «чужой», «другой», М. Левицкая, «Краткая история тракторов по-украински», «Два фургона».

Творчество современной британской писательницы Марины Левицкой (Lewycka, Marina, b. 1946) занимает особую нишу в художественном пространстве новейшей англоязычной литературы. Ее романы “A Short History of Tractors in Ukrainian” (2005) и “Two Caravans” (2007)¹, получившие широкий резонанс на Западе, отмеченные престижными литературными премиями, претендуют на серьезное исследование проблем национальной идентичности в эпоху глобализации и политкорректности определенной иммигрантской диаспоры – «Украины в эмиграции». Так, в дебютном романе «Краткая история тракторов по-украински» автор рассказывает о сложных взаимоотношениях трех поколений выходцев из Украины, о трудностях интеграции в английскую действительность, о тяжком историческом багаже и ностальгии по отвергнутой родине. Вместе с тем, «семейная сага в желто-голубых тонах с оранжевыми бликами» при всем драматизме семейных коллизий разворачивается в форме гротескно-фарсовой «этнической комедии», в которой языковой аспект как способ «зондирования национального самосознания» приобретает определяющее значение.

В мультикультурный полилог вовлечены все участники семейной мелодрамы: престарелый вдовец, возжелавший сочетаться браком с молодой Боттичеллиевой Венерой – Валентиной из Тернополя, сама Валентина, решительным штурмом берущая и старца, и туманный Альбион, его взрослые дочери, хором возненавидевшие хищную «мачеху», их мужья и дети. Николай Маевский знает три языка – украинский, английский и немецкий. Надежда и Вера, выросшие в украиноговорящей семье, получили солидное университетское образование и свободно говорят по-английски. Валентина изъясняется на ломаном английском и ввиду незнания глагольных категорий оперирует в основном назывными предложениями. Но для восьмидесятичетырехлетнего Коли вульгарная проходимка с психологией «челночницы» – златовласая красавица, опозитизированный образ Украины. Эта женщина и ее сын должны были заменить ему семью. Он мог бы говорить с ними на своем родном языке: “Such a beautiful language that anyone can be a poet. Such a landscape – it would make anyone an artist”. Перед его глазами про-

© Наумова О.А., 2014

¹ Lewycka M. A Short History of Tractors in Ukrainian. L. : Penguin Books, 2006 ; Lewycka Marina. Two Caravans. L. : Fig Tree, 2007.

плывають выкрашенне голубим деревянне домики, поля золотой пшеницы, леса серебристых берез, величавые реки: “Instead of going home to Ukraine, Ukraine will come home to him”². Надежда, бывавшая в Украине, видевшая «бетонные жилые корпуса и реки с дохлой рыбой», саркастически замечает, что Украина стала другой, и люди другие: “They don’t sing anymore – only vodka songs” (в переводе: «Песен больше не поют – разве только водки напьются»).

На каком языке должны заговорить герои в переводном тексте романа, каковы коммуникативно-поведенческие особенности и «речевой этикет» представителей малого иммигрантского кружка? Рассмотрим предельно заостренную эмоционально ситуацию «на грани». Яростная перепалка обнаглевшей «мачехи» и оскорбленной дочери по поводу денег отца изобилует взаимными инвективами и аффективными клише. Экспансивная Валентина пребывает в своей обычной речевой стихии. Хорошо воспитанная сдержанная Надежда, университетский преподаватель, под ее влиянием окунается в какой-то *mongrel language*:

“My arguments desert me. Blood beats in my head. – Aren’t you ashamed of yourself? I have slipped into the mongrel language, half English half Ukranian , fluent, and snappy. Ah-shamed! Ah-shamed! She snorts. – You shame. Not me shame.	«Хладнокровие мне изменило. В голову ударила кровь. – Тебе самой за себя не соромно? Я перешла на украинско-английский суржик – беглый и отрывистый. – Со-оромно! Со-оромно! – фыркнула она. – Тебе должно быть соромно, а не мне.
Why you no visit you mamma grave? Why you no crying, bringing flower? Why you making trouble here?	Чого ты не ходишь до мамы на могилу? Чого не плачешь, не носишь цветов? Чого ты сюды лизешь?
The thought of my mother lying neglected in the cold ground while this usurper lords it in her kitchen drives me to a new pitch of fury.	Мысль о том, что мама лежит забытая в холодной земле, тогда как эта самозванка хозяйствует у нее на кухне, вызвала у меня новый приступ бешенства:
– Don’t dare to talk about my mother. – Don’t even say her name with your filthy-talking boil-in-the-baggage mouth! – You mother die. Now your father marry me. You no like. You make trouble. I understand. I no stupid.	– Не смий говорить за мою маму! Не смий даже упоминать за нее своим противным ротом – полуфабрикатов обьялась!
She speaks the mongrel language , too. We snarl at each other like mongrels .	– В тебя вмерла маты. Твой батько женився на мени. Тебе не нравитя. Ты мишаешь. Я понимаю. Я ж не дура.
	Она тоже говорила на суржике . Мы лаяли друг на друга, как две дворняжки » ³

Итак, они говорят на *суржике*. Гремучая смесь слов-полукровок адекватно оформляет поведенческий код. Экстремальное речевое поведение Надежды выдает тайные пружины скрытых комплексов героини. Она действительно чувствует вину перед памятью матери, а вздорная, но пронизательная Валентина бьет по больному. Грубые словесные эскапады внезапно обрываются демонстративным жестом чисто женской мести. Валентина обнажает свой мощный силиконовый бюст перед «плоскогрудой вороной» (*this bad-news peeping no-tits crow*) Надеждой, а та, «специалист по связям с общественностью», в смятении лишается дара речи: “When it comes to bosoms, I have to admit defeat. I am lost for words”. Здесь и в целом ряде других ситуаций общения суржиковые партии выявляют гибридный социально-психологический портрет персонажей-антагонистов. Стилистическая аморфность и уродливость гибридных слов соответствует гротесковой реальности «этнической комедии».

Между тем, слово *mongrel* приобретает концептуальное значение в контексте всего творчества М. Левицкой в качестве косвенного сигнала осознанной авторской включенности в диалог новейшей мультикультурной и, как это ни парадоксально звучит, постколониальной литературы. Заметим попутно, что писательница родилась в украинской семье в лагере для перемещенных лиц в Германии, в английской школе подвергалась остракизму как “Jerry” (немка) и “Russky”; в интервью делает признания в том, что комплекс инаковости (*outsiderdom*) доминировал в ее жизни, и по прошествии пятидесяти лет «эмоциональные шрамы» все еще видны. Автобиографическое начало ощутимо в ее произведениях,

² Lewycka M. A Short History of Tractors in Ukranian. P. 23.

³ Lewycka M. A Short History of Tractors in Ukranian. P. 88–89 ; Левицкая М. Краткая история тракторов по-украински / Пер. с англ. В. Нугатова. Эксмо, 2006. С. 108.

написанных блистательным английским языком, и при этом Левицкая задает вопросы: “*Do you think I sound English?*”⁴.

Как известно, постколониальная критика открывает все новые пласты произведений писателей не только разных стран и регионов бывшей Британской империи, но и представителей англоязычной эмигрантской/иммигрантской литературы, чьи «культурные голоса» и способ репрезентации не могут быть однозначно отнесены к какой-то одной национальной литературе. «Национальность-через-дефис» (*hyphenated identity*) этих авторов находит отражение в таких разнообразных характеристиках этого явления, как «литература полукровок» (*mongrel literature* – С. Рушди, А.Р. Гунератне)⁵, «литература пограничья» (М.В. Тлостанова)⁶, «литература андрогинов» (Г. Чхартишвили)⁷. В отличие от третьего мира, эта литература лишена иллюзии стабильности и определенности оппозиции «я – другой», «здесь – там». Писатели иммигрантского пограничья, зачастую отягощенные комплексом «чужого среди чужих», акцентируют культурную инаковость текста, переходящую с уровня проблематики в саму художественную и языковую структуру⁸. В процессе «монгредизации», обусловленном необходимостью утверждения национальной идентичности, обширным географическим фоном, на котором может разворачиваться действие произведения, подчеркнуто смешанным, «гибридным» происхождением персонажей, авторским билингвизмом, у разных писателей формируется особый гибридный «образ английского языка» как некий неприменный атрибут идентичности мигранта, совершающего мучительное порой паломничество от одного культурного полюса к другому⁹. А всякий намеренный стилистический гибрид, по словам М.М. Бахтина, «в известной мере диалогизирован. Это значит, что скрестившиеся в нем языки относятся друг к другу как реплики диалога; это – спор языков, спор языковых стилей»¹⁰.

Подобный гибридный диалог-спор являет нам текст роман Левицкой, и задача переводчика при переработке первоисточника заключается в выявлении и осознании в акте перевода его языковой сути, диалогизма и лингвистических вариаций исходного мультикультурного текста с учетом языковой нормы, с позиций принимающего культурного контекста и лингвистических потребностей принимающей стороны, то есть русскоязычного читателя.

Ведущим средством создания «художественного образа языка» и инструментом акцентирования и возможного преодоления «текстового разрыва» переводчик романа М. Левицкой избирает суржик. Нельзя не оценить смелость подобного решения в условиях отсутствия специальных словарей украинского разговорного языка и переводных русско-украинских аналогов. Но что есть суржик? Как правило, этим не вполне устоявшимся термином (от названия *суржик* – «хлеб или мука из смеси разных видов зерна, например пшеницы и ржи») обозначают недостаточно изученное языковое образование, включающее элементы украинского языка в соединении с русским¹¹. Не существует единого мнения относительно его природы. Суржик не может быть назван пиджином, так как пиджин ни для кого не является родным. Возможен взгляд на суржик как на формирующееся в результате языковой интерференции городское просторечие; в таком случае он может быть признан социолектом¹². Как правило, грамматика и произношение (артикуляционная база, просодика) остаются украинскими, в то время как значительная часть лексики заимствована из русского, при этом доля заимствований варьирует в зависимости от образования, языкового опыта говорящего, а также от его речевой интенции в общей

⁴ Lewycka M. We Are All Made of Glue. Interview. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/authorinterviews/5796045/Marina-Lewycka>

⁵ Guneratne A.R. The Virtual Spaces of Postcoloniality: Rushdie, Ondaatje, Naipol. Bakhtin and the Others / Paper Submitted for the First Online Conference on Postcolonial Theory, 1997. URL: <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/guneratnel.html>

⁶ Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000.

⁷ Чхартишвили Г. Но нет востока и запада нет (о новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 254–263.

⁸ Slemon S. Unsettling the Empire. Resistance Theory for the Second World // Post-Colonial Studies Reader / Ed. By V. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L. ; N.Y., 1999. P. 109–110.

⁹ Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2003. С. 305.

¹⁰ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики М., 1975. С. 439.

¹¹ Тараненко О.О. Українсько-російський суржик: статус, тенденції, оцінки, прогнози // Мовознавство. 2008. № 1. С. 14–31.

¹² Суржик. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> ; Рейн Е.Б. Заметки марафонца. Неканонические мемуары. Екатеринбург : У-Фактория, 2003.

речевой ситуации. На суржике общаются миллионы людей: от 2,5% населения на территории Западной Украины до трети и более граждан в областях Левобережья, а также в Краснодарском крае, Ростовце-на-Дону, в районах Воронежской области и Белгородчины. На суржике написаны произведения современных украинских писателей Богдана Жолдака и Леся Подервянского, на эстраде он озвучен голосами Тарапуньки и Верки Сердючки.

Суржик зафиксирован письменно уже у первого автора, писавшего на разговорном украинском языке, – Ивана Котляревского в его произведении «Наталка-Полтавка» (1819), но не имеет какого-либо официального статуса и рассматривается одними как испорченный русизмами украинский язык, другими как испорченный украинизмами русский язык¹³, третьими как «не только язык. Это также фальсифицированная история, переполненная штампами, это цветение национального кича. <...> Комическая красота этого материала безгранична и пока не осмыслена»¹⁴. В собственно лингвистическом понимании суржик, по замечанию Л. Ставицкой, стал «когнитивно насыщенным этноконцептом как часть культурного и языкового сознания», как устно-разговорная стихия он «подрывает нормы тоталитарной культуры с ее экспансией нормативного, стереотипного языка, <...> в коммуникативном пространстве общества он превратился в некую мегацитату, “культурную опосредованность” в дискурсе постмодернизма», где не «картина мира», а «картинка мира» квалифицирует новую реальность бывшего *homo soveticus*¹⁵.

Существуя объективно, это «кровосмесительное дитя билингвизма» (Ю. Андрухович) подвергается суровой критике, этот «искалеченный язык отупляет человека, примитизирует его мышление»; это болезнь языка: «Разве это язык? Это калека несчастная, а не язык!»¹⁶. Сочные оценочные выражения типа «гидка суміш» (гадкая смесь) разнообразны, как сам суржик. Ни одна разновидность субстандарта (жаргон, сленг, обцензизмы и т.п.) не вызывает такое чувство брезгливости в диапазоне различных рефлексированных сознаний, как суржик¹⁷. Но нельзя запретить живой язык, и современная молодежная культура привносит в языковой дискурсе карнавальное дух под лозунгом «Хай живе суржик!».

Карнавал суржика захлестнул перевод «Истории тракторов». Здесь Валентина, любительница крепкого словца, извергает потоки обцензизмов: «Ты, задохляка. Ничемный ты козел с высохшими мозгами! Тварь ты ползуча! Роздавлю гада! <...> Кусок старой кистки, яку собака погрызла та й выплюнула! Тьпуху!» (“You living corpse! You useless shrivel-brain donkey. <...> You dried shrivelled relic of ancient goat turd! Thphoo!”¹⁸. Ей вторит сын, юный интеллектуал, проваливший очередные экзамены, и друзья дома, и даже англичанин Майк, слабо разбирающийся в славянских говорах, включается в языковые игры. Но, главное, практически вся речевая характеристика Николая Маевского решена переводчиком в суржиговом ключе. А ведь он – выходец из интеллигентной украинской семьи, инженер, философ и поэт, живет в мире книг и в мире идей. Его письменная английская речь – эпохальный труд о тракторах – стандартна, терминологически точна, насыщена техницизмами и не лишена изящества. Автор подчеркивает, что с дочерью он всегда говорил по-английски, хотя и с акцентом. В русском переводе герой – носитель суржика: «Здоровеньки були! <...> Я заказав пару книжек. Дуже заинтересовався техницьським вельтаншавунгом – идеологией, шо выражається у конструкции новых машин. Шоб повысити эхвективность, рабочий должен бильше роботать». А ведь для него, беженца, начавшего жизнь в Англии с нуля, английский язык приобрел особое, концептуальное значение. Так, в жалобе на милую *Valechka* он возмущен не столько угрозой убить его, но угрозой, прозвучавшей по-русски: “*Said all in Russian. – Pappa, the language doesn’t matter <...> – No. On contrary, language is supremely important. In language are encapsulated not only thoughts but cultural values ...*” («Усе говорила по-руському. <...> Язык – ето крайне важно. У языку заключены не токо мысли, но й культурни ценности») ¹⁹. Все-таки стоило бы дать герою возможность поговорить в тексте перевода и на нормальном русском языке. Чрезмерное утрирование речевой характеристики ведет к деформации художественного образа, превращает сложный характер в ущербный ходульный персонаж, каковым он на самом деле не является.

¹³ Поліщук Я. Лінгвістичний та металінгвістичний феномен суржикі (на прикладі сучасної української літератури) // Українська мова: сучасність – історія. Lublin, 2003. С. 267–278.

¹⁴ Акикша К. Поэтика суржика, или котлета по-киевски // Декоративное искусство СССР. Ч. 12. С. 26.

¹⁵ Ставицкая Л. Рвущийся канат над бездной, или кровосмесительное дитя постмодернизма (попытка лингвософской интерпретации суржика) // Текстология.RU. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=78>. С. 1,2.

¹⁶ Окара А. На захист російської мови // Кур’єр Кривбасу. 2001. № 134. С.3–10. С. 108; Акикша К. Указ. соч. С. 5.

¹⁷ Ставицкая Л. Указ. соч. С. 3; Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити / за гл. ред. О. Сорбенської. Львів: Світ, 1994.

¹⁸ Lewycka M. A Short History of Tractors in Ukrainian. P. 126–127.

¹⁹ Lewycka M. A Short History of Tractors in Ukrainian. P. 127–128.

Между тем, апология суржика – не единственный способ поддержания мультикультурного диалога в переводном тексте. В оригинале романа «туземный» колорит успешно насаждается автором обильным использованием русских имен (*Mitrofan, Millochka, Nikolashka, Margaritka, Shura*), малоизвестных английской аудитории фамилий реальных исторических лиц (*Tiutiunik, Simon Petlura, Skoropadski*), топонимов (*Tankograd, Zhitomir, Kharkiv, Voroshilovgrad*), непереуслышанных/непереводимых слов (*cossacks, atmans, kulaks, kolkhoz, khutor, the steppes, Tzar and Tzarina, hryivna, kasha, halushki, samohonka, baba, dyid* и пр.), клишированных фраз (*the imperial yoke* – имперское иго, *swords would be turned into ploughshares* – перекуем мечи на орала). Но российским читателем эти инаковые сигналы не воспринимаются как экзотизмы. Что, если прибегнуть к испытанному приему транслитерации, ярко продемонстрированному в свое время В. Бошняком в работе над переводом «Заводного апельсина» Э. Бёрджесса и записать ряд слов латиницей? Текст романа Левицкой дает возможность обыграть транслитерационно разнообразные языковые единицы, скажем, *holubchik, peasant baba, san-veedge* (сэндвич), *Banderivitsi, lordovska keпочка, Mrs. Daily Mail, tak-tak* и т.п. Обычно вписывание в переводной текст «чужеродных» непереуслышанных, калькированных слов, образчиков словотворчества и словоновшества, различных фотонов аутентичной культуры является действенным инструментом в оркестровке различий между «своим» и «чужим».

Конечно, причудливая эклектичность суржиковой паралингвистики эффектно оформляет конфликтные планы романа, но в качестве стилистической доминанты всего текста произвольно меняет смысловые акценты. Громоздкие суржиковые пассажи удручают и дезориентируют читателя. Чрезмерное увлечение переводчика В. Нугатова сплошными суржикизмами порождает желание напомнить драгоценное медицинское правило: «Не навреди!».

Насколько мотивирована избыточная стилевая агрессия суржика в тексте перевода? В оригинале роман, сдобренный искрометным юмором, читается на одном дыхании. М. Левицкая недаром была удостоена премии Вудхауза за лучшую юмористическую книгу 2005 года, написанную женщиной. На Западе роман окрестили лингвистическим бестселлером. В переводе его чтение превращается в изнурительное блуждание в субязыковых дебрях исковерканного русского языка. Не изменяет ли автору перевода чувство меры, языкового такта и просто здравый смысл? Может быть, популярное издательство «Эксмо» адресует этот «региональный перевод» преимущественно суржикоговорящему населению Левобережной Украины? А прочей русскоязычной публике тягостный процесс вживания в сию «гидку суміш» должен напомнить о тяготах иммигрантской жизни в чужой земле? В рецензии на поэтические переводы В. Нугатова М. Бондаренко пишет о том, что «чутье границы, посредничество между языками-культурами, плюралистическое мышление – все эти профессиональные навыки переводчика (скорее, перебежчика, чем стража-пограничника) стали важнейшим элементом постмодернистской парадигмы. В ситуации, когда само творчество мыслится как перевод, маргинальная (от поэзии) муза поэта-переводчика неожиданно оказалась в авангарде литературного процесса»²⁰. Справедливые слова. Хочется им верить. Но не всегда получается. А в целом прогнозы на будущее обнадеживают. Как активный социолект суржик уже стал объектом таких междисциплинарных областей исследований, как психолингвистика, лингвопрагматика и лингвокультурология, этнография общения, социология коммуникации. Попытка приспособить суржик к изображению специфических социокультурных реалий в переводных текстах расширяет возможности языковой практики в мультикультурных контекстах.

Второй роман М. Левицкой «Два фургона» был в целом благосклонно принят официальной украинской литературной критикой в силу того, что «это явление *имагологии* позволяет увидеть себя чужими глазами», что благодаря поездкам писательницы на историческую родину ей удалось избежать многих фактологических ошибок в изображении других этносов, что обошлось без пресловутых «медведей и балалаек». Отмечается, что книга отражает не только болезненные симптомы в украинском обществе, но и в современной украинской литературе, где не найти «хотя бы одного заметного произведения, посвященного украинским мигрантам»²¹. Одни усматривают в романе едкую карикатуру на британскую бюрократию, на преимущества цивилизованной демократии «не для всех». Других этот «очередной злостный пасквиль на украинцев, построенный на наборе клише, раздражает фанерностью персонажей»²². Третьи находят в нем черты злой антиутопии на изломах глобализации. Не случайно роман Левицкой был номинирован в 2008 году на литературную премию имени Джорджа Оруэлла.

²⁰ Бондаренко М. Муза переводчика: про & против // Знамя. 2001. № 2. С. 204.

²¹ Инглиш Роза и Бук. Современная литература Украины // Мысли. URL: <http://secondary.ru/english-rosa-i-buk-html>

²² Lane V. A Romp through polytunnels // The Telegraph. Mar., 24. 2007. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/fictionreviews/3663973/A-romp-through>. – P. 2 ; URL: <http://www.amazon.co.uk/Two-Caravans-Marina-Lewyc-ka/dp/0670916374>

Главные герои «Двух фургонов» – паломники-поденщики на дорогах Англии – студентка киевлянка Ирина, «оранжевая принцесса», и молодой шахтер из Донецка Андрей. Обоих, несмотря на юный возраст, роднит острое чувство родины, обозначенное автором словом *Ukrainianness*. Но у них словно разная родина. Перманентный спор об Украине дает идейный заряд всему произведению. Роман М. Левицкой – гуманистический ответ экстремистским выступлениям как против всеевропейского «мультикультурного эксперимента», так и против запретов любого толка на язык. Не случайно персонаж романа делает для себя неожиданное открытие: революции все разные. Например, события в Приднестровье 1992 года – «война кириллицы с латиницей», и «за алфавит заплачено двумя тысячами жизней». На каком языке заговорят герои-антагонисты в ждущем своего часа переводе романа М. Левицкой «Два фургона»? Жизнь покажет.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Акикша, К. Поэтика суржика, или котлета по-киевски [Текст] // Декоративное искусство СССР. – Ч. 12. – 89 с.
2. Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити [Текст] / за гл. ред. О. Сорбенської. – Львів : Світ, 1994. – 230 с.
3. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст]. – М., 1975. – 465 с.
4. Бондаренко, М. Муза переводчика: про & против [Текст] // Знамя. – 2001. – № 2. – С. 212–215.
5. Инглиш Роза и Бук. Современная литература Украины [Электронный ресурс] // Мысли – Режим доступа: <http://secondary.ru/english-rosa-i-buk-html>
6. Левицкая, М. Краткая история тракторов по-украински [Текст] / Пер. с англ. В. Нугатова. – Эксмо, 2006. – 350 с.
7. Окара, А. На захист російської мови [Текст] // Кур'єр Кривбасу. – 2001. – № 134. – С.3–10.
8. Поліщук, Я. Лінгвістичний та металінгвістичний феномен суржика (на прикладі сучасної української літератури) [Текст] // Українська мова: сучасність – історія. – Lublin, 2003. – С. 267–278.
9. Ставицкая, Л. Рвущийся канат над бездной, или кровосмесительное дитя постмодернизма (попытка лингвософской интерпретации суржика) [Электронный ресурс] // Текстология.RU. – Режим доступа: <http://www/textology.ru/article.aspx?ald=78>
10. Суржик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Рейн_Е.Б._Заметки_марафонца_Неканонические_мемуары [Текст]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 528 с.
11. Тараненко, О.О. Українсько-російський суржик: статус, тенденції, оцінки, прогнози [Текст] // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 14–31.
12. Глостанова, М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. [Текст]. – М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. – 400 с.
13. Толкачев, С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа [Текст]. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2003. – 403 с.
14. Чхартишвили, Г. Но нет востока и запада нет (о новом андрогине в мировой литературе) [Текст] // Иностранная литература. – 1996. – № 9. – С. 254–263.
15. Guneratne, A.R. The Virtual Spaces of Postcoloniality: Rushdie, Ondaatje, Naipol, Bakhtin and the Others [Electronic resource] / Paper Submitted for the First Online Conference on Postcolonial Theory, 1997. – Mode of access: <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/guneratnel.html>
16. Lane, V. A Romp through polytunnels [Electronic resource] // The Telegraph. – Mar., 24. – 2007. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/fictionreviews/3663973/A-romp-through>. – P. 2 ; <http://www.amazon.co.uk/Two-Caravans-Marina-Lewycka/dp/0670916374>
17. Lewycka, M. A Short History of Tractors in Ukrainian [Text]. – L. : Penguin Books, 2006. – 296 p. ; Lewycka, Marina. Two Caravans [Text]. – L. : Fig Tree, 2007. – 311 p.
18. Lewycka, M. We Are All Made of Glue. Interview [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/authorinterviews/5796045/Marina-Lewycka>
19. Slemon, S. Unsettling the Empire. Resistance Theory for the Second World [Text] // Post-Colonial Studies Reader / Ed. By B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. – L., N.Y., 1999. – P. 104–110.

Раздел III

Дискурсивный характер письменного текста

(Материалы международной конференции «Основные направления лингвистической и лингводидактической мысли в 21 веке». г. Рязань, РГУ имени С.А. Есенина, 24–26 апреля 2014 года)

УДК 81'1

*Г.И. Бойко, канд. филол. наук
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)*

Лингвистическая репрезентация ценностного потенциала в произведениях В. Борхерта

Статья посвящена анализу ценностных ориентаций в произведениях Вольфганга Борхерта, немецкоязычного писателя середины XX века, представителя так называемого «поколения вернувшихся». Обосновывается мысль о ценностно-насыщенном характере произведений В. Борхерта. На материале коротких рассказов писателя анализируются лингвистические способы отражения ценностной картины мира, выявляются характерные темы и базовые ценности в творчестве писателя. Автор полагает, что анализ наследия В. Борхерта с позиций выявления ценностных доминант способен обозначить координаты для формирования системы ценностей современного общества.

ценностная картина мира, ценностные доминанты, ценностные ориентации, немецкоязычный короткий рассказ.

Пусть один голос скажет,
Что не выразить в хоре:
За всех – свою радость,
За всех – свое горе!

В. Борхерт

В 2014 году мир отмечает несколько печальных юбилеев: это 100 лет после начала Первой мировой войны, 75 лет после начала Второй мировой войны, а также «праздник со слезами на глазах» – 70 лет со дня полного освобождения Ленинграда от блокады. В свете этих дат обращение к произведениям военной тематики представляется особенно актуальным. Они привлекают к себе внимание не только читателей, но и лингвистов, литературоведов, деятелей искусства. Подобный интерес можно объяснить значимостью проблем, которые затрагиваются в этих произведениях, а также обращением к универсальным человеческим ценностям, повседневным ориентирам, актуальным как в военное, так и в относительно мирное время.

После Второй мировой войны, в эпоху безвременья немецкой культуры, в так называемый «переходный период», основателем нового направления западногерманской литературы стал молодой писатель Вольфганг Борхерт. Его жизнь, так же, как и жизнь его соотечественников, была перечеркнута драматическими событиями первой половины XX века. В 1945 ему исполнилось всего лишь 24 года, но это был уже тяжелобольной человек, который прошел через несколько арестов, тюремных заключений, приговор к смерти, помилование, Восточный фронт, ранения, бегство из плена. Ему оставалось жить только два года, и за это время он написал большую часть своих произведений.

Война с ее последствиями для человечества – вот главная тема 57 рассказов и эссе В. Борхерта, при этом все они носят отчасти биографический характер, поскольку здесь запечатлен личный опыт автора.

Произведения В. Борхерта, человека, пережившего ужасы войны, а потом прикованного тяжелой болезнью к постели, написаны на грани между смертью и жизнью, отчаянием и надеждой, опустошением и верой. Такое состояние души характерно в целом для «поколения вернувшихся» (как их назовут позже), прошедших через крушение мировоззрения и переоценку жизненных ценностей на войне.

Рассказы В. Борхерта отличает особая форма и особый язык. Опыт новейшей американской прозы (короткие рассказы Т. Вулфа, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя, Дж. Стейнбека и др.), а также школа «потока сознания» оказались определяющими в творчестве писателя, не имеющего времени на долгие речи¹. Жанр «короткого рассказа» был той новой формой, которая помогла В. Борхерту «выразить дисгармоничное, разорванное сознание его героев и хаотичную действительность войны»². Основные преимущества такой формы – это краткость и выразительность. Для прочтения короткого рассказа не требуется много времени, а впечатление он производит сильное благодаря своим характерным композиционным чертам, а именно фрагментарному характеру описания реалистичных событий, сокращению количества действующих лиц до минимума, отсутствию авторских комментариев, слабой выраженности действия и сюжетного развития, открытому началу и концовке и пр. Практически в каждом рассказе автор с первых слов вводит читателя в проблемную ситуацию и так же неожиданно обрывает повествование, не делая никаких замечаний по его ходу и никаких выводов в его завершение.

Главные действующие лица в рассказах В. Борхерта (как правило, один или два) – это выброшенные из привычной жизни, истерзанные кошмарами войны старики и дети, молодые юноши и девушки, калеки и бездомные. У них чаще всего нет имен, поскольку это собирательные образы.

Описывая их ценностную картину мира, В. Борхерт эксплицирует свое отношение и отношение своих современников к определенным событиям. Он выполняет миссию писателя, как он ее себе видит: быть голосом поколения, голосом «немного поколения». Своим голосом в рассказах он стремится выразить всю боль, трагедию, опустошенность, которую принесла с собой война в жизнь его современников. Произведения В. Борхерта ценностно-насыщены, поскольку война поставила человека перед необходимостью пересмотра прежних ценностей и поисков собственного места и новых ориентиров в изменившейся реальности.

Понятие «ценностные ориентации», как известно, тесно связано с понятием «оценка». Это своего рода масштаб, в соответствии с которым люди упорядочивают окружающий их мир, используя не только объективные знания, но и свой собственный жизненный опыт. При этом меняющиеся политические, социальные, культурные условия влияют на ценностную шкалу, заново расставляя на ней имеющиеся ценности и добавляя новые³. Кроме того, помимо социальных различий, эта сложная динамическая структура зависит от индивидуальных различий. Оценочные суждения в плане хорошо–плохо отсутствуют в произведениях В. Борхерта. Оценочность подается имплицитно через создание ценностной картины мира героев, которая, будучи аспектом языковой картины мира, отражается в структурах языка, в его лексике, фразеологии, грамматике, синтаксисе.

В повествовании о послевоенном времени с его тяготами и лишениями на первый план у В. Борхерта выходят такие базовые ценности, как «жизнь человека», «нравственность», «семья», «любовь», «друзья», «домашний очаг». Типичными темами рассказов становятся такие последствия войны, как жизнь в тюрьме, разрушенные города, муки голода, страдания детей, бездомность, одиночество человека в толпе людей и пр. Однако, пожалуй, наиболее частыми темами произведений В. Борхерта являются потеря человеком семьи, своих близких (изгнание из «рая детства»⁴) и конфликт отцов и детей.

Так, главный герой рассказа “Die Küchenuhr”, 20-летний юноша, в один миг потерял семью во время бомбардировки. Его воспоминания, анализ ситуации, в которой он вдруг оказался, содержат попытку с новых позиций осознать действительность и свое место в ней. Его восприятие реальности сменилось: то, что раньше было обыденным, привычным (позднее возвращение домой, мама на кухне, каждый раз разогревающая ему ночью ужин), теперь осознается, как рай:

Jede Nacht war es so. Und meistens immer um halb drei. Das war ganz selbstverständlich, fand ich, dass sie mir nachts um halb drei in der Küche das Essen machte. Ich fand das ganz selbstverständlich. Sie tat das ja immer. Und sie hat nie mehr gesagt, als: So spät wieder. Aber das sagte sie jedesmal. Und ich dachte, das könnte nie aufhören. Es war mir so selbstverständlich. Das alles war doch immer so gewesen. <...> Dann

¹ Суханкина В.М., Фадеева О.М. Ремарк и Борхерт. URL: <http://www.em-remarque.ru/library/vek-remarka12.html>

² Борхерт В. Избранное : пер. с нем. / Вступ. ст. И. Фрадкина. М. : Художественная литература, 1977. 302 с. С.14.

³ См.: Бойко Г.И. Категория лица как лингвопрагматический феномен в оценочном познании мира (на материале немецкоязычного художественного дискурса : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 181 с. С.110.

⁴ Rühmkorf P. Wolfgang Borchert. Reinbeck bei Hamburg. Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1993. – S. 16.

sagte er leise: Und jetzt? <...> Jetzt, jetzt weiß ich, dass es das Paradies war. Das richtige Paradies. (W. Borchert. Die Küchenuhr. S. 203.)

Повторы наречий immer – jetzt подчеркивают противопоставление жизни до и после трагических событий. Высказывания парцелированного характера в сочетании с расширяющимися повторами слов и словосочетаний свидетельствуют о состоянии крайнего напряжения и аффектированности⁵.

Кухонные часы непосредственно связаны с тем, что потерял главный герой рассказа. Они воплощают в себе его представления о доме, родителях, беспечной юности. Чтобы еще больше подчеркнуть их ценность для главного героя, автор использует прием персонализации, когда часы превращаются в собеседника, которому можно кивнуть и сказать что-то, глядя ему в «лицо»:

“Er hielt eine tellerweiße Küchenuhr vor sich hin und tupfte mit dem Finger die blaugemalten Zahlen ab <...>

Er sah die anderen an, aber die hatten ihre Augen von ihm weggenommen. Er fand sie nicht. Da nickte er seiner Uhr zu: Dann hatte ich natürlich Hunger, nicht wahr? <...>

Er sah die anderen an. Aber er fand sie nicht. Da sagte er der Uhr leise ins weißblaue runde Gesicht: Jetzt, jetzt weiß ich, dass es das Paradies war. Das richtige Paradies” (W. Borchert. Die Küchenuhr. S. 203.)

В этом рассказе обращает на себя внимание и то, что, как это часто бывает в произведениях В. Борхерта, общение людей не является полноценной коммуникацией. Это скорее реплики, которыми они обмениваются, при этом, по словам И. Фрадкина, «речь каждого заключена в герметическую оболочку его личного хода мысли»⁶. Каждый сосредоточен на своих мыслях, своих переживаниях. И для такого общения В. Борхерт находит подходящее определение “vorbeireden” – дословно «говорить мимо друг друга».

Ощущению «чуждости» мира и «чуждости» самого себя в нем, а также преодолению этого ощущения посвящен рассказ “Das Holz für morgen”. Молодой человек, вернувшийся с войны домой, не находит понимания у тех, кого он так любит, со своей семьей, и это доводит его до мыслей о самоубийстве:

Er machte die Etagentür hinter sich zu. Er machte sie leise und ohne viel Aufhebens hinter sich zu, obgleich er sich das Leben nehmen wollte. Das Leben, das er nicht verstand und in dem er nicht verstanden wurde. Er wurde nicht von denen verstanden, die er liebte. Und gerade das hielt er nicht aus, dieses Aneinandervorbeisein mit denen, die er liebte. (W. Borchert. Das Holz für morgen. S. 50.)

Авторский окказионализм “Aneinandervorbeisein”, который дословно можно перевести как «существование мимо друг друга», очень ярко эксплицирует подавленное душевное состояние многих людей, прошедших тяжелое испытание войной и вернувшихся домой, но не способных найти общий язык с окружающими.

Но именно семья и семейные традиции помогают преодолеть ощущение потерянности и ненужности в этом мире, возвращают смысл жизни. Юноша должен привезти дрова – такое поручение дал ему отец, надеясь, что это поможет сыну быстрее вернуться к обычной жизни, забыть ужасы войны:

Er ging langsam die Treppe abwärts, langsam Stufe um Stufe abwärts. Ich muss das Holz holen, sagte er, natürlich, das hab ich ja ganz vergessen. Ich muss ja das Holz holen, für morgen.

Er ging immer schneller die Treppen hinunter und ließ seine Hand dabei kurz hintereinander auf das Treppengeländer klatschen. Das Holz, sagte er, ich muss ja das Holz holen. Für uns. Für morgen. Und er sprang die letzten Stufen mit großen Sätzen abwärts. (W. Borchert. Das Holz für morgen. S. 50.)

Услышав, какое значение вся семья придает этому поручению, и поняв, как они стараются ему помочь, юноша забывает обо всем и возвращается. Рубленый прерывистый синтаксис, создаваемый обилием парцелированных предложений и повторами, выделяют ключевые на данный момент для героя понятия – «мы» (а не «я» и «они») и «завтра» (а не «вчера и сегодня»). Постепенное возрастание количества парцелированных предложений к концу фрагмента передает возрастающую скорость, с которой он спускается по лестнице, что также следует понимать метафорически – как возвращение к жизни, в семью.

Но если этот рассказ заканчивается оптимистично, то рассказ “Radi”, также посвященный теме «чуждости» самому себе и миру, проникнут глубочайшим пессимизмом. В. Борхерт, обращаясь снова к теме войны и насильственной смерти на чужой земле, говорит о недопустимости и неоправданности человеческих жертв. Ради – так зовут главного действующего героя – ровесник повествователя, погибший на Восточном фронте, в России. Мысль о смерти в чужой стране мучает его. Он обречен быть похороненным на чужбине, так же, как и тысячи других. И в этом заключена еще большая трагедия. Человек не должен погибать на чужой земле и тем более – быть похороненным в ней⁷. Такова мысль писателя, которую он

⁵ Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие. М. : Флинта: Моск. психол.-социал. ин-т, 2004. 240 с. С. 96.

⁶ Борхерт В. Избранное. С.10.

⁷ Платицына Н.И. Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. С. 12.

оформляет сложной комбинацией лингвистических средств. Повтор одной и той же модели предложения в сочетании с повтором сочинительного союза *und* и подчинительного *weil* и парцелированных высказываний обеспечивает, с одной стороны, единство возникающего образа чужой страны, разные стороны которого сливаются в одно целое. С другой стороны, такой комплекс средств создает ритмическую организацию, при которой эмоциональное напряжение возрастает от предложения к предложению:

Du, lach nicht, aber es ist nicht schön, in Russland tot zu sein. Mir ist das alles so fremd. Die Bäume sind so fremd. So traurig, weißt du. Meistens sind es Erlen. Wo ich liege, stehen lauter traurige Erlen. Und die Steine stöhnen auch manchmal. Weil sie russische Steine sein müssen. Und die Wälder schreien nachts. Weil sie russische Wälder sein müssen. Und der Schnee schreit. Weil er russischer Schnee sein muss. Ja, alles ist fremd. Alles so fremd.

<...> es ist alles so furchtbar fremd. Alles. Er sah auf seine Knie. Alles ist so fremd. Auch man selbst. <...> Gerade man selbst ist sich so furchtbar fremd. (W. Borchert. Radi. S. 188.)

Как уже отмечалось выше, конфликт отцов и детей – одна из ключевых тем в творчестве В. Борхерта. Ей посвящен целый ряд рассказов. Одним из них является “*Stimmen sind da – in der Luft – in der Nacht*”, в котором старик обвиняет молодое поколение в равнодушии, упрекает его в умении сохранять спокойствие и не слышать голосов умерших по ночам. И снова здесь используется цепочка парцелированных предложений как средство усиления эмоциональной подавленности героя:

“Ja, die Jungen! Die können schlafen. Nachmittags. Nachts. Im November. Immer. Die hören die Toten nicht. Die Jungen, die verschlafen die heimlichen Stimmen. Nur wir Alten haben inwendig Ohren. Die Jungen haben keine Ohren für die Stimmen nachts. Die können schlafen”. (W. Borchert. Stimmen sind da – in der Luft – in der Nacht. S. 47.)

Однако, несмотря на весь трагизм и пессимизм того времени, В. Борхерт старается увидеть и показать светлые стороны жизни, наполнить существование человека счастьем, найти его хотя бы в малом. Общим выводом о том, как жить в это время, звучит фраза из рассказа “*Die Stadt*”. Она является следствием переосмысления жизненных ориентиров:

“Nein, das Leben ist mehr, als im Regen laufen und nach Türdrückern fassen. Das ist mehr, als an Gesichtern vorbeigehen und Gerüche erinnern. Das Leben ist: Angst haben. Und Freude haben. Angst haben, dass man unter den Zug kommt. Und Freude haben, dass man nicht unter den Zug gekommen ist. Freude, dass man weitergehen kann”. (W. Borchert. Die Stadt. S. 70.)

В лингвистическом оформлении этой мысли снова присутствуют характерные для В. Борхерта средства: повторы, парцелированные структуры, грамматический параллелизм.

Говоря о средствах создания ценностной картины мира В. Борхертом, нельзя не отметить символичность предметов и их цвета. Предметы, которым раньше никто не придавал столько внимания, неожиданно приобретают значение. Это, например, желтый одуванчик как связующее звено между тюремной реальностью и жизнью вне тюрьмы, красный шарф, единственный красивый и практичный предмет, оставшийся у бездомного героя, белые кухонные часы с синим циферблатом – единственное напоминание о погибшей семье. При этом цвет играет особую роль: на общем сером фоне окружающего мира предметы, имеющие значение для автора, выделяются цветом. Серый цвет – цвет уныния, неопределенности, пессимизма. Синий ассоциируется с холодом и ночью, белый – с болезнью, холодом. Все остальные цвета вносят волнующее разнообразие в «мгновенные картины остановленной жизни»⁸: зеленый – это жизнь, надежда, желтый – радость жизни.

Таким образом, анализ коротких рассказов В. Борхерта позволил выявить следующие лингвистические средства создания ценностной картины мира: сложносоставные слова, окказионализмы, метафоры, сравнения, эллипсисы, парцелированные структуры, экспрессивный порядок слов, разного рода повторы. Помимо эмоциональной функции, они выполняют также и композиционную, расставляя смысловые акценты и подчеркивая ценностные основания событий, которые связаны с личными переживаниями автора.

Сам В. Борхерт, познавший страх и боль, отчаяние и ужас близкой насильственной смерти, не мог не говорить об этом в своих произведениях. Он был одним из первых писателей, которые привлекли внимание читателей к так называемому «военному синдрому». Без сомнения, анализ наследия В. Борхерта с позиций выявления ценностных доминант ведет не только к пониманию ценностной системы немецкоязычного общества середины XX века, но и способен обозначить координаты для формирования системы ценностей современного общества.

⁸ Борхерт В. Избранное. С. 10.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Бойко, Г.И. Категория лица как лингвопрагматический феномен в оценочном познании мира (на материале немецкоязычного художественного дискурса) [Текст] : дис. . . . канд. филол. наук. – М., 2008. – 181 с.
2. Борхерт, В. Избранное [Текст] : пер. с нем. / вступ. ст. И. Фрадкина. – М. : Художественная литература, 1977. – 302 с.
3. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка [Текст]: Учеб. пособие. – М. : Флинта : Моско. психол.-социал. ин-т, 2004. – 240 с.
4. Платицына, Н.И. Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта [Текст] : автореф. дис. . . . канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 19 с.
5. Суханкина, В.М. Ремарк и Борхерт [Электронный ресурс] / Суханкина В.М., Фадеева О.М. – Режим доступа: <http://www.em-remarque.ru/library/vek-remarka12.html>
6. Borchert, W. Das Gesamtwerk [Text]. Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH, 1995.
7. Rühmkorf, P. Wolfgang Borchert [Text]. Reinbeck bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1993.

УДК 81'22

*Е.Г. Логинова, канд. филол. наук
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)*

Упорядочение через уподобление как универсальная функция знака

Статья посвящена исследованию роли повтора при упорядочении эксплицитно и имплицитно выраженной информации в процессе общения. Повтор трактуется в статье как знак, функционирующий на разных уровнях дискурса (фонетическом, лексическом, синтаксическом и прагматическом) и обладающий, как единицы любой знаковой системы, внутренней концептуальной сущностью и внешним значением.

В качестве материала исследования используется драма абсурда и ее сценическая интерпретация, цель которых – создание ощущения хаоса. Это тот самый материал, который может демонстрировать механизмы, определяющие хаос, и может представить данные о том, как этот хаос упорядочить.

упорядочение, уподобление, опыт, знак, знаковая система, фрактал, повтор, дискурс, драма абсурда, эксплицитная и имплицитная информация.

Одной из главных задач современной лингвистики, прагматики, когнитологии и других сопряженных наук является упорядочение лингвистического и экстралингвистического опыта. Это предполагает и упорядочение содержания, большая часть которого не выражается в дискурсе эксплицитно.

Основной способ любого упорядочения – уподобление как глубинная универсалия процесса познания. Опыт (лингвистический и экстралингвистический) основан на сопоставлении, аналогии. Следовательно, уподобление заложено в опыте.

Получая опыт и осваивая его, человек приобретает способность к адаптации уже имеющегося опыта и к получению и последующей адаптации будущего опыта. Мы не случайно использовали термин «уподобление» несколько раз, потому что он характеризует процессы, связанные с механизмами, регулируемыми, с одной стороны, форму познания, а с другой – содержание познаваемого.

Именно упорядочение опыта через уподобление как универсальная функция знака лежит в основе технологии создания образной системы, являясь предпосылкой последующей интерпретации формы и содержания коммуникации средствами иной знаковой системы, то есть делает возможным интересе-

миотический перевод. Это создание зримого образа музыкальными средствами (К. Дебюсси «Море»; А. Римский-Корсаков «Шахерезада» и др.). И, наоборот, создание музыкального образа средствами живописи (А. Лентулов «Звон – Колокольня Ивана Великого», «Небозвон» и др.). Интерсемиотическим переводом является и перевод пьесы на язык театра. Как отмечает Ю.М. Лотман, «пьеса и спектакль говорят разными языками... Постановка – один из труднейших видов художественного перевода»¹.

Одна и та же пьеса может быть по-разному поставлена режиссерами. Единой интерпретации опыта нет, но есть единство в рамках одной интерпретации. Это обеспечивается тем, что уподоблению свойственна непрерывность, идущая не от пропозициональных цепочек, не от фреймов, а от фрактала как инструмента уподобления формы и содержания.

Понятие «фрактал» было введено в конце XX века американским математиком Б. Мандельбротом для описания объектов, структура которых повторяется при переходе ко все более мелким объектам. Однако в настоящее время фрактал становится удобным инструментом описания самых различных процессов окружающей нас действительности: в естественных науках при изучении эволюции живых систем; в информационных технологиях для создания трехмерных изображений; в дидактике для описания образовательных систем и процессов. Получает все большее развитие изучение фрактальных свойств ландшафтной живописи, графики, музыки, архитектуры и т.д.

Что касается лингвистики, то фрактал, будучи «очень удобным инструментом описания явлений, лишенных, казалось бы, какого-либо порядка и регулярности»², дает возможность исследовать дискурс как единство единиц разных уровней: единицы одного уровня потенциально могут являться основой, определяющей единицы другого уровня.

Более того, фрактал играет существенную роль в связи с тем, что лингвистические и экстралингвистические средства, формирующие высказывание, являются знаками, и фрактал, сам являясь знаком, в данном случае призван упорядочить «знаковый» хаос, возникающий при порождении дискурса.

Установление порядка в хаосе происходит тогда, когда фрактал обеспечивает соответствие высказывания замыслу автора за счет создания определенной модели на каждом из уровней. Отсюда ведущая роль повтора как самого важного и в то же время самого простого средства уподобления.

Повтор на разных уровнях дискурса (в нашем случае – драмы абсурда) способствует функциональному уподоблению, когда каждый раз происходит более глубокое проникновение в драматизм происходящего. Как справедливо отмечает У. Дейвис, “each act dramatizes an identical process in order to cut deeper, each time, into the heart of the disorder”³. В этом случае происходит упорядочение лингвистического и экстралингвистического опыта, объединение глубинной организации формы и содержания коммуникации и процессов видимых.

В драме абсурда внешнее значение повтора – накопление (кумуляция) – эксплицирует внутренний смысловой знак – конфликт упорядоченность–неупорядоченность. При этом повтор в драме абсурда может быть представлен не только повтором на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, но и повтором на прагматическом уровне. Остановимся на последнем более подробно.

Так, герой может дословно повторить реплику другого героя, не меняя ее, как в диалоге Владимира и Эстрагона из пьесы С. Беккета “Waiting for Godot”:

VLADIMIR: Hand in hand from the top of the Eiffel Tower, among the first. We were respectable in those days. Now it's too late. They wouldn't even let us up. (Estragon tears at his boot.) What are you doing?

ESTRAGON: Taking off my boot. Did that never happen to you?

VLADIMIR: Boots must be taken off every day. I'm tired telling you that. Why don't you listen to me?

ESTRAGON: (feebly). Help me!

VLADIMIR: **It hurts?**

ESTRAGON: **(angrily). Hurts! He wants to know if it hurts!**

VLADIMIR: (angrily). No one ever suffers but you. I don't count. I'd like to hear what you'd say if you had what I have.

ESTRAGON: **It hurts?**

VLADIMIR: **(angrily). Hurts! He wants to know if it hurts!**

Герои слово в слово и в той же модальности повторяют то, что уже было сказано, меняясь репликами. Возникает «зеркальная отраженность» реплик, имеющая своим результатом изменение параметров

¹ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 1998. 704 с. С. 606.

² Бронник Л.В. О фрактальном самоподобии в языке // Изв. ВГПИ. 2009. № 10. С. 15–19. С. 16.

³ Davis Walter A. Get the guests: psychoanalysis, modern American drama, and the audience. London : The University of Wisconsin Press, 1994. 286 p. P. 13.

коммуникативной ситуации. Создается впечатление, что слово утрачивает четкость смыслового значения: героям важно лишь произнести фразы, не предполагающие никакой смысловой глубины. В.В. Шервашидзе в своей статье, посвященной творчеству С. Беккета, называет это «опытом пустотности языка»: «слово, лишённое реальной поддержки (смысла), выговаривается само по себе»⁴. Однако «пустотность» – пустота – вовсе не означает отсутствие смысла. В буддизме существует понятие «шуньята», которое можно перевести как «ноль», «пустота», «пустотность». Шуньята – это слова, которые мы используем, чтобы обозначить опыт – опыт духовный и опыт трансцендентный, выходящий за границы возможного опыта. Это некая тайна, недоступная познанию.

Согласно философии супрематизма, разработанной К. Малевичем и воплощенной им в картине «Черный квадрат», пустота – это «знак-приглашение к бесконечному углублению в нее – в Нуль, в Ничто; или – в себя»⁵. В драме абсурда пустота (внутренняя/душевная и внешняя/пространственная) становится точкой, которая порождает опыт во всей его многомерности. Персонажи драмы абсурда, «потерянные в мире без законов и норм, без правил и тенденций» находятся «в поисках забытого центра, точки опоры, лежащей где-то вовне»⁶. Однако поиск ни к чему не приводит. Поэтому в конце пьесы Э. Ионеско “The Chairs” центральная дверь на фоне черной стены оказывается широко открытой, приглашая в темноту – «в себя»: [The main door is wide open into darkness.].

Еще один пример практически дословного повтора реплик – разговор Гаса и Бена из пьесы Г. Пинтера “The Dumb Waiter”:

BEN: If there’s a knock on the door you don’t answer it.

GUS: If there’s a knock on the door I don’t answer it.

BEN: But there won’t be a knock on the door.

GUS: So I won’t answer it.

BEN: When the bloke comes in –

GUS: When the bloke comes in –

BEN: Shut the door behind him.

GUS: Shut the door behind him.

BEN: Without divulging your presence.

GUS: Without divulging my presence.

BEN: He’ll see me and come towards me.

GUS: He’ll see you and come towards you.

BEN: He won’t see you.

GUS: (*absently*) Eh?

BEN: He won’t see you.

GUS: He won’t see me.

BEN: But he’ll see me.

GUS: He’ll see you.

BEN: He won’t know you’re there.

GUS: He won’t know you’re there.

BEN: He won’t know *you’re* there.

GUS: He won’t know I’m there.

BEN: I take out my gun.

GUS: You take out your gun.

BEN: He stops in his tracks.

GUS: He stops in his tracks.

BEN: If he turns round –

GUS: If he turns round –

BEN: You’re there.

GUS: I’m here.

Реплики Гаса звучат как эхо реплик Бена, с тем исключением, что меняются местоимения: местоимение ‘you’ заменяется местоимениями ‘I/me’; ‘youг’ меняется на ‘my’. Окончание разговора – кульминация повтора:

⁴ Шервашидзе В.В. Театр абсурда. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-541227.html?page=8#327363>

⁵ Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. URL: <http://lib.rus.ec/b/303812/read>

⁶ Ионеско Э. Театр абсурда будет всегда // Ионеско Э. Собрание сочинений. Носорог: Пьесы. Проза. Эссе / пер. с фр.; сост., предисл. и прим. М. Яснова. СПб. : Симпозиум, 1999. С. 585–590.

BEN: When he sees you behind him –
 GUS: Me behind him –
 BEN: And me in front of him –
 GUS: And you in front of him –
 BEN: He'll feel uncertain –
 GUS: Uneasy.
 BEN: He won't know what to do.
 GUS: So what will he do?
 BEN: He'll look at me and he'll look at you.
 GUS: We won't say a word.
 BEN: We'll look at him.
 GUS: He won't say a word.
 BEN: He'll look at us.
 GUS: And we'll look at him.
 BEN: Nobody says a word.
Pause.

Как видим, Гас вновь вторит Бену. Происходит повтор на уровне содержания, однако на уровне формы коммуникативная ситуация предполагает изменение, а именно осознание Гасом того, что должно произойти. Это изменение маркировано использованием Гасом синонимов (*uncertain – not confident, not definite; uneasy – not certain to last*), вопроса (*So what will he do?*), а также повтор реплик о том, что никто не произнесет ни слова (*We won't say a word. He won't say a word*). Эта же мысль повторяется в реплике Бена (*Nobody says a word*).

В конце пьесы все то, о чем говорят герои, происходит в действительности. Это уже повтор, который, утрачивая постепенно прямое значение, становится знаком, напоминающим об исходной ситуации. В данном случае о диалоге Бена и Гаса, когда эта ситуации была ими проговорена.

В пьесе А. Уэскера “Chips with Everything” той же самой фразой, которой заканчивается одна сцена, начинается следующая, и эту фразу произносит другой персонаж:

Hill: That's fast, that's fast, into the hut and move that fast. Into the hut, into the hut, in, in, into the hut. (*Looks at the watch. Pause*) **Out! I'll give you...**

SCENE THREE: Parade Ground, morning.

Hill: **Out! I'll give** you sixty seconds or you'll be on a charge, one, two, three, four – come out of that hut, twenty-five, twenty-six, twenty-seven, twenty-eight.

При таких повторах граница между тем, кто говорит и что говорит, размывается. В результате этого события, о которых идет речь, как бы совмещаются на одной плоскости, переходят из одного в другое.

В пьесе Э. Ионеско “Rhinoceros” многие герои несколько раз по ходу действия повторяют одновременно фразы “Oh, a rhinoceros!” и “Well, of all things!”. Повтор подчеркивает некое единение общества, оказывающее сильное влияние на сознание персонажей. Такое коллективное сознание создает среду, заставляющую людей принимать способы действия и мышления, получившие распространение в данном обществе. Как указывают авторы пособия, посвященного анализу пьесы Э. Ионеско, “Characters often echo previous dialogue. These repetitions are indications of a collective consciousness at work, and of the triviality of everyday language and emotion. No one seems to be disrupted by the appearance of a rhinoceros, so they remark on it with appropriate levels of disinterest”⁷.

Еще один вариант повтора возникает, когда герои повторяют фразы, сохраняя структуру высказывания, но при этом добавляют или заменяют отдельные слова, которые и несут основную смысловую нагрузку. В качестве примера можно привести реплики героев пьесы С. Беккета “Play”:

W1: *One morning, as I was sitting stitching...*

W2: *One **fine** morning, as I was sitting **stricken**...*

Слова ‘fine’ и ‘stricken’ противоположны по смыслу: прекрасное утро подчеркивает удрученность состояния героини. Окончание этих фраз также построено на контрасте:

W1: *One morning, as I was sitting stitching she **burst in and flew at me.***

W2: *One **fine** morning, as I was sitting **stricken** he **slunk in, fell on his knees, buried his face in my lap...***

⁷ Eugene Ionesco. Rhinoceros: Study guide. SparkNotes LLC, 2002. 43 p. P. 38.

В пьесе С. Беккета “Waiting for Godot” Владимир и Эстрагон говорят о голосах людей, которые уже умерли. Голоса сравниваются сначала с песком (‘like sand’), затем (по мере развития диалога) – пеплом (‘like ashes’). И песок, и пепел, как известно, – сыпучие субстанции, образующиеся в результате определенных реакций. И то, и другое может ассоциироваться с представлением о быстротечности и тщетности существования. Однако именно такая последовательность сравнений в диалоге способствует кумуляции смысла. Кроме того, использование героями сначала глагола ‘rustle’ (‘the sound made by the movement of leaves, paper’⁸), что структурно соответствует сравнению голосов умерших с шелестом листьев, а затем глагола ‘murmur’ (‘to say something in a very quiet voice; to make a quiet continuous sound; to complain in a quiet way about something’⁹), что по структуре соответствует сравнению этих голосов со звуком сыплющегося песка, «высвечивает» имплицитно заложенную информацию о бессмысленности мучительного существования человека – участи каждого на земле. Именно об этом шепчут, на это жалуются, сменяя друг друга, одно поколение за другим:

VLADIMIR: They make a noise like wings.

ESTRAGON: Like leaves.

VLADIMIR: Like sand.

ESTRAGON: Like leaves. [Silence.]

VLADIMIR: Rather they whisper.

ESTRAGON: They rustle.

VLADIMIR: They murmur.

ESTRAGON: They rustle. [Silence.] <...>

VLADIMIR: They make a noise like feathers.

ESTRAGON: Like leaves.

VLADIMIR: Likes ashes.

ESTRAGON: Like leaves. [Long silence.]

Помимо дословного и вариативного повтора реплик, для драмы абсурда характерен также такой тип повтора, как повтор-«перекличка», когда основные содержательные элементы пьесы развиваются в отдельных эпизодах, где каждый герой ведет свою партию, перекликающуюся, в то же время, с партиями других героев. Например, диалог Пипа и Чарльза в пьесе А. Уэскера “Chips with Everything” – это два монолога, обращенных к зрителю, которые повторяют друг друга по форме, но являются разными по содержанию:

Chas: Facts, that’s all it is.

Pip: Like me and work – manual labour. The number of intellectuals and artists who are fascinated by manual labour. Not me though, Charles. I haven’t the slightest desire to use my brawn, prove myself a man, dirty my nails.

Chas: And facts don’t mean much to me either.

Pip: It’s dull, repetitive, degrading.

Chas: Intelligence counts, not facts. Stick your education, your university. Who cares why Rome was built.

Pip: Van Gogh with the miners; Hemingway, hunting.

Chas: Even if I knew all about that it wouldn’t make it any easier.

Pip: God, how I despise this yearning to be one of the toilers.

Chas: I knew someone who used to wear a bowler cos he thought it made him look educated.

Pip: The dignity of labour!

Chas: But it wouldn’t make it any easier –

Pip: The beauty of movement!

Chas: Not between us –

(They smile.)

Как кажется, реплики одного героя не отражают смысла реплик другого. Каждый говорит о своем: Пип – об отношении к физическому труду, Чарльз – об образованности. Тем не менее, наложение смыслов присутствует, в результате чего возникают смысловые обертоны. Один из них – обертон постоянной фальши и притворства, свойственных человеческой природе. Сравним:

---

⁸ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Radstock ; UK : Bloomsbury Publishing Plc., 2002. 1693 p. P. 1247.

⁹ Ibid. P. 1934.

Pip: God, how I despise this yearning to be one of the toilers.

Chas: I knew someone who used to wear a bowler cos he thought it made him look educated.

Приведенная в качестве примера коммуникативная ситуация – не последовательность разрозненных фраз, а взаимное расположение взаимодействующих между собой в определенный момент разговора реплик. Это своего рода констелляция реплик, воздействующих на читателя/зрителя не как набор отдельных фраз, а как сложное взаимодействующее соотношение. Указание автора на то, что в конце диалога персонажи улыбаются друг другу, эксплицирует существующую внутреннюю связь между отдельными «партиями».

Аналогичные примеры – уподобленные друг другу диалоги Жана и Беранже, Логика и Старого Господина из пьесы Э. Ионеско “Rhinoceros”, а также диалог Владимира и Эстрагона из пьесы С. Беккета “Waiting for Godot”, когда каждый из героев, как кажется, следует собственной логике размышлений:

ESTRAGON: Sing something.

VLADIMIR: No, no! (He reflects.) We could start all over again perhaps.

ESTRAGON: That should be easy.

VLADIMIR: It's the start that's difficult.

ESTRAGON: You can start from anything.

VLADIMIR: Yes, but you have to decide.

ESTRAGON: True. [Silence.]

Молчание Владимира и Эстрагона в конце диалога, на что указывается в ремарке, так же, как и улыбка Пипа и Чарльза в приведенном выше отрывке, символизирует понимание героями друг друга, объединяя констеллятивно связанные между собой, параллельно развивающиеся в диалоге партии персонажей.

Повтор на прагматическом уровне может быть представлен не только повтором отдельных реплик, но и повтором коммуникативной ситуации. Так, герои пьесы “Waiting for Godot” на протяжении всего действия периодически произносят одни и те же пять фраз: уйдем – мы не можем – почему – ждем Годо – верно. Приведем лишь несколько примеров:

Estragon: Let's go.

Vladimir: We can't.

Estragon: Why not?

Vladimir: We're waiting for Godot.

Estragon [Despairingly]: Ah! [Pause]. <...>

ESTRAGON: Charming spot. (He turns, advances to front, halts facing auditorium.) Inspiring prospects. (He turns to Vladimir.) Let's go.

VLADIMIR: We can't.

ESTRAGON: Why not?

VLADIMIR: We're waiting for Godot.

ESTRAGON: (despairingly). Ah! (Pause.) You're sure it was here? <...>

ESTRAGON: (having tried in vain to work it out). I'm tired! (Pause.) Let's go.

VLADIMIR: We can't.

ESTRAGON: Why not?

VLADIMIR: We're waiting for Godot.

ESTRAGON: Ah! (Pause. Despairing.) What'll we do, what'll we do!

Несмотря на то, что герои слово в слово повторяют фразы, отношение героев друг к другу и к тому, что происходит вокруг, каждый раз иное. Меняется и внутреннее отношение читателя/зрителя к происходящему, что обусловлено собственным опытом индивида. Возникает своего рода внутренняя кумуляция за счет реакции читателя/зрителя на повтор.

Иногда автор повторяет коммуникативную ситуацию, намеренно добавляя что-либо. Такой вид повтора свидетельствует об изменении коммуникативного намерения автора – необходимости что-то объяснить, проиллюстрировать. Сравним два диалога из пьесы Г. Пинтера “The Dumb Waiter”, когда Бен сообщает Гасу новость, прочитанную в газете:

BEN: Kaw!

He picks up the paper.

What about this? Listen to this!

He refers to the paper.

A man of eighty-seven wanted to cross the road. But there was a lot of traffic, see? He couldn't see how he was going to squeeze through. So he crawled under a lorry.

GUS: He what?

BEN: He crawled under a lorry. A stationary lorry.

GUS: No?

BEN: The lorry started and ran over him.

GUS: Go on!

BEN: That's what it says here.

GUS: Get away.

BEN: It's enough to make you want to puke, isn't it?

GUS: Who advised him to do a thing like that?

BEN: A man of eighty-seven crawling under a lorry!

GUS: It's unbelievable.

BEN: It's down here in black and white.

GUS: Incredible.

Silence.

При повторе коммуникативной ситуации С. Беккет указывает на перемены в настроении Гаса с помощью ремарок (*'dully', 'very low', 'almost inaudible'*). Гас погружен в глубокие размышления, от которых его трудно отвлечь. Это подчеркивает повтор Бенем восклицаний и обращений к Гасу в начале разговора:

BEN: Kaw!

He picks up the paper and looks at it.

Listen to this!

Pause.

What about that, eh?

Pause.

Kaw!

Pause.

Have you ever heard such a thing?

GUS: (*dully*) Go on!

BEN: It's true.

GUS: Get away.

BEN: It's down here in black and white.

GUS: (*very low*) Is that a fact?

BEN: Can you imagine it.

GUS: It's unbelievable.

BEN: It's enough to make you want to puke, isn't it?

GUS: (*almost inaudible*) Incredible.

Повтор всей пьесы также является повтором с определенной вариативностью. Пьеса Э. Ионеско "The Bald Soprano", например, заканчивается тем, что на месте хозяев дома, мистера и миссис Смит, сидят их гости, мистер и миссис Мартин. Э. Ионеско указывает в ремарке, что пьеса начинается снова:

[The words cease abruptly. Again, the lights come on. Mr. and Mrs. Martin are seated like the Smiths at the beginning of the party. The play begins again with the Martins, who say exactly the same lines as the Smiths in the first scene, while the curtain softly falls.]

Дважды исполняется и пьеса С. Беккета "Play": [Repeat play].

В этом особенность коммуникативной ситуации в драме абсурда – возможность трансформироваться в новую и вместе с тем оставаться прежней. Так, например, в телевизионной постановке пьесы "Play" (Ирландия, 2000) герои при повторе показаны уже в иных ракурсах. Помимо техники «крупного плана», когда во весь экран демонстрируются отдельные части лица или головы актера (рот, глаза),

режиссер использует эффект «наезда» камеры, чтобы сделать изображения актеров размытыми, нечеткими, акцентируя внимание на каком-либо одном актере в центре.

В театре трансформация коммуникативной ситуации неизбежна, поскольку обусловлена зрительским восприятием. Зритель является полноправным участником происходящего на сцене, реагируя аплодисментами или, наоборот, молчанием.

Восприятие зрителем сценического действия – это активная сила, способная повлиять на игру актеров. Я. Мукаржовский отмечает «чуткую реакцию артистов на то, как их понимает зритель, на то настроение, которое царит в притихшем зале»¹⁰. Театр в целом, по замечанию Я. Мукаржовского, несмотря на всю материальную осязаемость своих средств (здание, механизмы, декорации, реквизит, персонал), – лишь «основа для нематериальной игры сил, проистекающих во времени и пространстве и вовлекающих зрителя в свое переменчивое напряжение, в совместную игру»¹¹.

Театр абсурда обладает собственным характером, предполагающим еще большую вовлеченность зрителя и апелляцию к опыту повседневного общения, когда мы встречаемся с теми же ситуациями, с тем же лингвистическим оформлением, но коммуникация может достичь других результатов.

Сценическая интерпретация драмы абсурда, призванная упорядочить восприятие зрителей, выстраивается по фрактальному принципу, предполагающему уподобление выразительных средств алгоритму развертывания дискурса. Это уподобление и лингвистических единиц друг другу (например, метафора), и экстралингвистических единиц друг другу (например, мизансцены). При этом восприятие пьес абсурда режиссируется за счет повтора как регулярности чередования звуков, пауз, жестов, действий и т.д., за счет четких режиссерских планов (например, с помощью света и др.), за счет замедления или убыстрения темпа. Все это призвано способствовать упорядочению импликаций, которые содержатся не только в репликах героев или в их молчании. В спектакле, поставленном «Крикет-театром» по пьесе С. Беккета “Krap’s Last Tape” (Нью-Йорк, 1961), например, определенный «темпоритм» задает привычный для Крэппа процесс, когда он ищет нужную ему катушку с записью. Герой вздыхает, сморит на часы, роется в карманах, вытаскивает конверт, кладет обратно, роется снова, достает связку ключей, неторопливо отыскивает нужный, поднимается, идет к шкафу, наклоняется, отпирает замок первого ящика, заглядывает внутрь, что-то ищет, вытаскивает катушку, рассматривает ее, кладет обратно, запирает ящик, отпирает второй, вынимает большой банан, разглядывает его, запирает ящик на ключ, кладет ключ в карман и т.д. В течение всего этого действия, которое длится более 5 минут, со сцены не произносится ни слова, а основная тема спектакля – тема одиночества, потерянности в этом мире – становится уже понятной зрителю. Собственно, появление театра абсурда как раз и было обусловлено тем, что другие формы не могли упорядочить то или иное проявление содержания, не могли «высветить» то, что находится «под спудом», указать на некие «ментальные следы».

Следует отметить, что, упорядочивая имплицитно выраженное содержание, повтор в драме абсурда, в отличие от повтора в традиционной драме, не позволяет выяснить коммуникативное намерение участника коммуникативной ситуации. Повтор не упорядочивает, а нарушает общение. Однообразные действия героев, ожидание ответов на вопросы, которые они задают себе и друг другу, поиск смысла жизни – все это, имея цель, оказывается бесцельным: ничего невозможно достичь и ничего невозможно упорядочить. Именно поэтому повторяется коммуникативная ситуация в пьесах “The Bald Soprano” и “Play”, и в завершение пьесы “Waiting for Godot” перед читателем та же ситуация, что и в начале: та же дорога, те же действующие лица, то же ожидание таинственного Годо.

Эта мысль подчеркивается и в сцене, когда к Владимиру и Эстрагону второй раз приходит посланник и приносит весть от Годо. Вроде бы и посланник тот же, и поручение то же, но коммуникативная ситуация иная. Это становится понятно по ходу разговора, когда на вопрос «Приходил ли он ранее?» посланник отвечает отрицательно. Владимиру кажется, что посланник уже приходил, и он делает вывод, что это два брата: один день приходил один брат, другой день – другой. Так С. Беккет напоминает читателю об участии каждого на земле: бессмысленное чередование рождения и смерти, однообразие смены поколений. Посланник кажется знакомым героям, потому что уже приходил к предшествующему поколению, и герои знают об этом. У них есть это в опыте. К ним же пришел новый посланник – символ новых ожидающих все того же загадочного Годо.

¹⁰ Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства : пер. с чеш. М. : Искусство, 1994. 606 с. С. 362.

¹¹ Там же. С. 363.

На рисунке ниже схематично обобщены возможные типы повтора как средства упорядочения через уподобление (рис. 1):

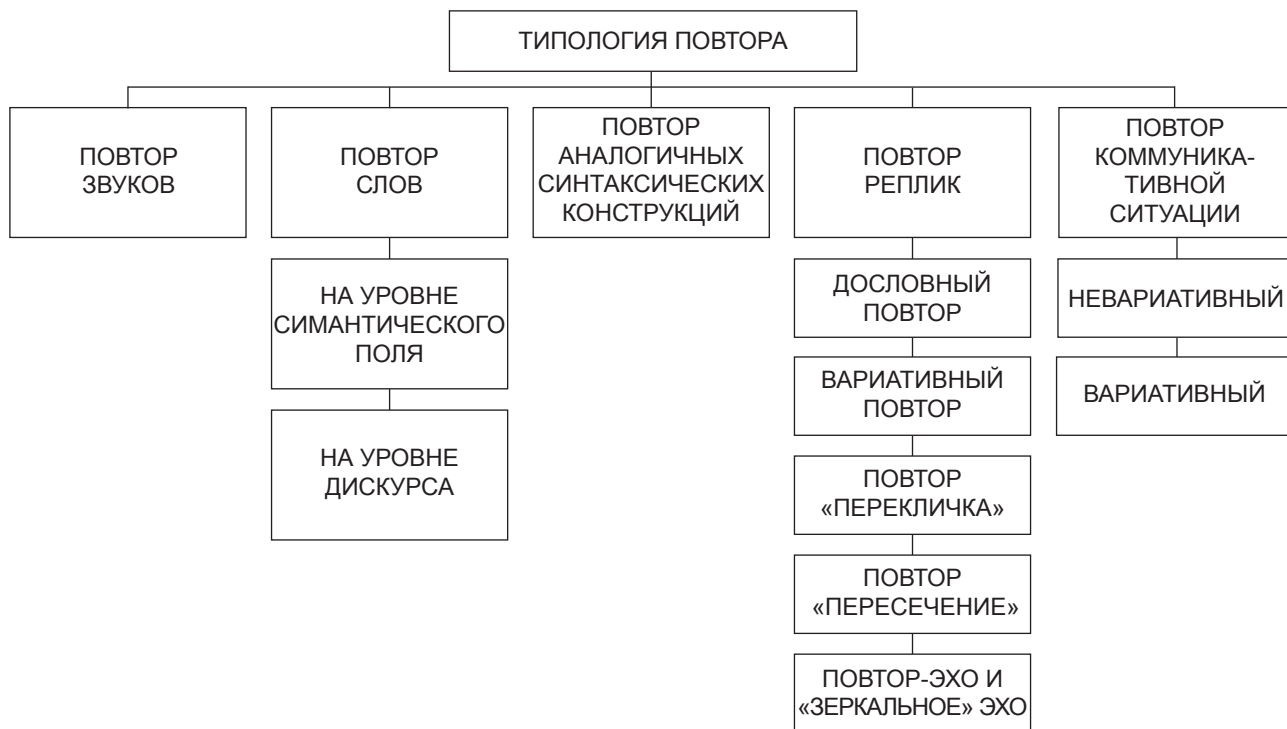

Рис. 1. Типы повтора как средство упорядочения через уподобление

Как говорил Г. Лейбниц, «Никто не должен бояться, что наблюдение за знаками уведет нас от вещей: напротив, оно приводит нас к сущности вещей»¹². В драме абсурда повтор – знак, функционирующий на разных уровнях. При этом, как было отмечено выше, повтор обладает внутренней концептуальной сущностью и внешним значением.

Фрактальный подход к разворачиванию дискурса с позиции упорядочения всех его знаковых компонентов связан прежде всего с лингвокоммуникативным подходом к исследованию возможностей реализации замысла высказывания в определенной коммуникативной ситуации. Являясь наиболее эффективным инструментом такого исследования, фрактал может трактоваться как предваряющая анализ модель последовательности действий, организованная по принципу повтора как упорядочивающего уподобления и принимающая свои окончательные очертания благодаря алгоритмизации (рис. 2).

Как видно на схеме, развиваясь по спирали, где стержнем является направление развития замысла высказывания от автора к читателю/зрителю, фрактал соединяет воедино виды повтора на витках спирали – уровнях развития дискурса (фонетический уровень, лексический уровень, синтаксический уровень, прагматический уровень). При этом мы можем говорить о повторе аналогичных характеристик на каждом из уровней, а также о повторе лингвистических и экстралингвистических знаков, которые «цементируют» высказывание в единое целое, функционируя как единство при создании художественного образа – стержневого средства воздействия на читателя и зрителя.

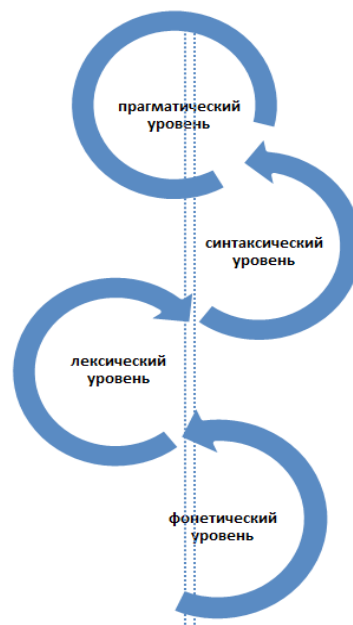

Рис. 2. Уровни развития дискурса

¹² Перевод по Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика : сб. пер. / Под ред. Ю.С. Степанова. М. : Радуга, 1983. С. 37–89. С. 37.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Бронник, Л.В. О фрактальном самоподобии в языке [Текст] // Изв. ВГПН. – 2009. – № 10. – С.15–19.
2. Ионеско, Э. Театр абсурда будет всегда [Текст] // Ионеско Э. Собрание сочинений. Носорог: Пьесы. Проза. Эссе / пер. с фр.; сост., предисл. и прим. М. Яснова. – СПб. : Симпозиум, 1999. – С. 585–590.
3. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/303812/read>
4. Лотман, Ю.М. Об искусстве [Текст]. – СПб. : Искусство-СПБ, 1998. – 704 с.
5. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков [Текст] // Семиотика : сб. пер. / под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.
6. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства [Текст] : пер. с чеш. – М. : Искусство, 1994. – 606 с.
7. Шервашидзе, В. В. Театр абсурда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-541227.html?page=8#327363>
8. Davis, Walter A. Get the guests: psychoanalysis, modern American drama, and the audience [Text]. London : The University of Wisconsin Press, 1994. – 286 p.
9. Ionesco, Eugene. Rhinoceros: Study guide [Text]. SparkNotes LLC, 2002. – 43 p.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition [Text] – Radstock; UK : Bloomsbury Publishing Plc., 2002. – 1693 p.

Цитируемые произведения

1. Beckett, S. Waiting for Godot [Text]. Faber and Faber, 2006. – 87 p.
2. Beckett, S. Play [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ru.scribd.com/doc/2933780/PLAYSamuel-Beckett>
3. Ionesco, E. The Bald Soprano [Text] // Eugene Ionesco. The Bald Soprano and Other Plays. – N.Y.; Grove Press, 1956. – P. 7–42.
4. Ionesco, E. The Chairs [Text] // Eugene Ionesco. The Bald Soprano and Other Plays. – N.Y.; Grove Press, 1956. – P. 111–160.
5. Ionesco, E. Rhinoceros [Text] // Eugene Ionesco. The Bald Soprano and Other Plays. – N.Y.; Grove Press, 1956. – P. 3–107.
6. Pinter, H. The Dumb Waiter [Text] // Harold Pinter. Plays One. – Kent : Faber and Faber, 1991. – P. 111–150.
7. Wesker, A. Chips with Everything [Text] // Plays of the Modern Literature. – Л. : Просвещение, 1970. – С. 19–39.

УДК 821.111

*В.А. Рогатин, канд. пед. наук
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)*

Английское Просвещение и наследие Шекспира

В статье рассмотрено бытование текстов Шекспира в художественной литературе начала XVIII века, прежде всего в романах. Такой жанровый перенос был обусловлен судьбой театра во время парламентских войн, протектората и Реставрации. В центре исследования – текст лучшего романа Генри Филдинга «История Тома Джонса, найденыша», в котором не только ряд персонажей несет отпечаток театральной характеристики, но и контекст приключений содействует погружению читателя в мир шекспировских проблем.

английская литература, Просвещение, роман воспитания, пародия, комическое, цитирование, аллюзия, характеристика, снижение, крылатое выражение.

В конце XVII – начале XVIII века английское общество и востребованная им проза – мемуарная, а потом журнальная – сделали решительный шаг к документу. Постоянное присутствие популярных текстов Уильяма Шекспира на театральной сцене, а также взлет театральной игры в начале века позволили им сохранить актуальность. Ранее, в период Реставрации (1660-е годы) только большие любители театра (из дошедших до нас текстов: Сэмюэл Пепис и Джон Эвлин) давали оригинальные оценки шекспировских пьес, ограничиваясь формой дневниковых записей, зато уже в самых первых периодических изданиях Джозеф Аддисон вполне веско использовал шекспировские афоризмы наряду с классическими, опираясь на их авторитетность.

Конечно, следует оговориться, что в начале века обсуждение елизаветинской драмы не становилось предметом таких общественных дискуссий, как первые английские романы. Обращение к шекспировскому тексту у писателей Просвещения носило чрезвычайно индивидуальный характер, зависело от личности и эстетики автора, а также от поставленных в конкретном произведении задач. Несмотря на авторскую индивидуальность зачинателя жанра Даниэля Дефо, каждый из его романов отличен от других как по характеру событий, так и по манере мемуарного рассказа, имитирующей привычки и стиль героя или героини. К тому же пуританские корни Дефо явно удерживали его вдали от «легкомысленного» театрального искусства.

Еще дальше «отца английского романа» от елизаветинской эпохи был изобретательный, но прагматичный Сэмюэл Ричардсон, каждый роман которого предостерегал читательскую публику от соблазнов веселой жизни и презрения общественных условностей (несмотря на то, что он завоевал авторитет у широкой публики именно благодаря своим оригинальным литературным экспериментам).

Мы полагаем, что Генри Филдинг (1707–1754) стал первым автором, который смог опираться на произведения Шекспира не на уровне формального цитирования, а в силу самой направленности столь успешно произведенной им реформы романного жанра.

Далее мы преимущественно останавливаемся на использовании шекспировской цитации и аллюзий в зрелой беллетристике Филдинга и других текстах 1730–1740-х годов. Вместе с тем нельзя обойти вниманием и отношение профессиональных театральных и критических кругов к репутации самого известного из драматургов-елизаветинцев. В значительной степени оно было подготовлено широко распространившимися высказываниями французского гостя, молодого Вольтера, в полемике с которым (если не с французской культурой в целом) разрабатывал свою концепцию Шекспира-драматурга законодатель литературной моды середины века Сэмюэл Джонсон.

В карьере Джонсона – критика и лексикографа – парадоксально весьма многое. Он вошел в историю английской литературы своими предписаниями творить «по лучшим образцам древних», и он же не создал ничего заметного в плане лирики и беллетристики. Личность Джонсона, помимо мемуаров его наперсника Дж. Босуэлла, полнее всего выразилась в педантичном, скрупулезном и местами откровенно хулиганском отношении к собственному Словарю. Он мог бы осудить Шекспира за множество нарушений принципов классической поэтики Аристотеля, на которую опирались барокко и классицизм, хотя бы за нарушение единства действия: ведь комедии, хроники и почти все трагедии елизаветинцев изобилуют двойными сюжетами; Джонсон же принимает их за данное и часто восхищается наличием «параллельных историй» и «поддерживающих актеров».

Скорее всего, влияние критики Вольтера на складывавшееся мнение Джонсона и других современников-англичан все-таки недооценено. Будучи патриотом, профессор-лексикограф считал своим долгом защитить соотечественника от француза (по другому поводу он выразился так: один англичанин стоит девяти французов).

В комедиях Джона Гея (прежде всего в «Опере нищего») И. Ступников выявил случай овладения драматической техникой Шекспира через пародирование, что само по себе предполагает опору на узнаваемость ситуаций зрителями. Так, в ссоре Пичема и Локита по-своему отражается размолвка Брута и Кассия, причем вся сцена отображает последовательность того, как два благородных римлянина выплескивают друг другу свои обиды, но затем примиряются. Конечно, преступники из «Оперы нищего» не имеют никаких возвышенных интересов, но их риторика имитирует стиль трагедии¹.

Метод Джона Гея не чужд и раннему Филдингу – автору фарсов в 1730-е годы. Как и Шекспир, Генри Филдинг был своим человеком в театре. После университета его карьера успешно началась в Друри-Лейн, и если бы не ужесточившееся отношение цензуры к комедийным представлениям (а также невольное увлечение Ричардсоном и желание соперничать с ним), Филдинг мог бы еще много ра-

¹ См.: Ступников И. Джон Гей и Шекспир // Шекспир в мировой литературе : сб. ст. М., 1964. С. 62–75.

ботать в области театральной сатиры. «Это же самое время отмечено невиданно возросшим интересом к Шекспиру. «При жизни Филдинга “Гамлет”, “Макбет” и “Отелло” не сходили со сцены; но были и пьесы-неудачницы – например, “Антония и Клеопатру” совершенно вытеснила драйденовская <переделка> “Все за любовь”»². Будучи поклонником «истинного» Шекспира, Генри Филдинг высмеял правильные, но одномерные трагедии, в которых все друг друга убивают, в остроумной пародии «Трагедия трагедий, или Жизнь и смерть Великого Тома Тама» (1730). В пьесе изображается история Мальчика-с-пальчик, побеждающего великана и покоряющего сердца великаниши Глюмдальки и других дам, съеденного короной в момент своего триумфа (явная отсылка комедиографа-сатирика к герою только что нашумевшего романа, Лемюэлю Гулливеру (1727)).

Но политический театр в Англии заглох, и, начиная с 1740 года роман заслонил для Филдинга как автора все другие жанры. О его первых трех опытах можно сказать, что они обозначили подступы к поджанрам, которые приобрели кратковременную актуальность. Из-за цензурной невозможности театральной пародии возникла анонимно опубликованная «Шамела», героини которой из добродетельных весталок превращены в разгульных интриганок, а главный «злодей» по пародируемому роману С. Ричардсона – сквайр Б. – воспринимается как наивная жертва розыгрышей и шантажа («расшифрованная» пародистом фамилия *Wooby* указывает на недалекий ум сквайра).

В «Джозефе Эндрюсе» постоянно, уже с титульной страницы, присутствуют ссылки на авторитет и заслуги испанского романиста Сервантеса и его «комический эпос в прозе», как сформулировал новый жанр повествования сам Филдинг. Нельзя не заметить дерзости подражателя, который почти совершенно дегероизировал юного Джозефа (да, уже во второй главе он ведет себя как библейский Иосиф Прекрасный, но вызывает только снисходительное сочувствие, а не восхищение его добродетелями). Пара героев Джозеф Эндрюс и пастор Абрахамс – во многих отношениях перевернутое отражение Дон Кихота и Санчо Пансы. В тексте романа упоминать Шекспира, поэта века Возрождения, заглавный герой Джозеф просто не мог в силу своего незнания, да и пастору совершенно неуместно быть знатоком театра (зато он всюду носит и часто не к месту цитирует оды Горация!). В этом романе совсем не нашлось места для шекспировского текста, зато в нем появились персонажи, в емкости образов которых Филдинг начал опираться на «людей Шекспира»³. Убедительнейшим достижением романиста стал пастор Абрахамс, который сочетает в себе великодушие и наивность, импульсивность, бахвальство и простительное фатовство.

В «Истории Джонатана Уайльда Великого» Филдинг – слуга закона – рисует множество реалистичных типов из политической и криминальной жизни Англии, и этот ряд удается ему прежде по степени индивидуализации, по крайней мере, речевой. Доказано, что в этом романе эвфемизм стал центральным приемом рассказчика, и именно это позволило ему в артистичной форме высказать мысли о повсеместном сращении власти с криминалом (что возмущало, например, русскую императрицу Екатерину)⁴.

Наконец, шедевр Филдинга 1749 года – «История Тома Джонса, найденыша» – задуман как панорама английского общества в провинции и в столице, что дает автору возможность заглянуть в разные сферы и использовать культурные слои в характеристиках многочисленных персонажей. Так, в учителе Твакуме можно найти отголоски учителей из комедий Шекспира (все они – весьма малограмотные педанты, да и подражаться любят). Очевидно, что трактирщица из Эптона (*Upton-upon-Avon!*) многое в своей логике унаследовала от миссис Куикли: “I am sure, madam, if I had once suspected that your ladyship was your ladyship, I would sooner have burnt my tongue out, than have said what I have said”⁵.

Роман о том, как жизнь воспитывает юного Тома Джонса, содержит формальный прием, который Филдинг однажды успешно опробовал в «Приключениях Джозефа Эндрюса»: вводные эссе на различные темы, обращенные к читателю, не всегда непосредственно относятся к событиям романа. Тематика обозначается произвольно, но такая имитация общения с читателем убедительнее, чем в художественной литературе всех прежних веков. Только половина случаев цитирования Шекспира приходится на центральную историю женитьбы Тома на Софье, а все остальные представляют собой неотъемлемые компоненты философских рассуждений автора и подкрепляют его аргументацию. Приведем несколько примеров. Например, Рассказчик вспоминает презрительное отношение мавра Отелло к ревности до того, как он сам был ею охвачен:

² Роджерс П. Генри Филдинг. Биография. М.: Радуга, 1984. С. 37–38.

³ Гёте И.В. Ко дню Шекспира // Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 10. С. 135.

⁴ См. Елистратова А.А. Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. С. 67.

⁵ Здесь и далее роман цитируется по цифровому изданию на CD-ROM: Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling. CD-ROM: Digitale Bibliothek, Band 59. English and American Literature.

“To make a life of jealousy,
And follow still the changes of the moon
With fresh suspicions.
...To be once in doubt,
Was once to be resolv'd”. (*Othello*)

В соответствующем эпизоде романа ревнивая жена цирюльника Партриджа выживает из своего дома и из села служанку Дженни. Параллель оказывается неполной, и сопоставление действует «от обратного». Миссис Партридж далека от того, чтобы считать себя ревнивицей, но действует даже решительнее мавра Отелло.

Следующий случай цитирования: при падении Софьи Вестерн с лошади пострадал – сломал руку – ее спаситель, Том.

“...”As for Jones himself, he “sat like patience on a monument smiling at grief”. (*Twelfth Night, II, i*). В цитируемой реплике Виолы речь шла о безнадежно влюбленной девушке, а ее транспозиция на мужественного Тома показывает его нежность и робость в присутствии своего идеала – Софьи.

Автор жалуется: его критики часто присваивают себе право говорить от лица читателей: “Why... will we, as Shakespear phrases it, “put the World in our own Person?”” (*Much Ado about Nothing, II, i*).

Подается и не очень убедительный укол в адрес ненавистных театральным цензоров и доносчиков – Филдинг уподобляет их пристрастной женщине – Беатриче, как и недалекий автор этой оценки в самой комедии Шекспира – Бенедикт.

Писатели и поэты часто сравнивали жизнь с театром. Первая глава седьмой книги романа в этом отношении не претендует на оригинальность:

“Chapter 1. A comparison between the world and the stage (*As You Like It, II, iii*). The world hath often compared to the theatre; and many grave writers, as well as the poets, have considered human life as a great drama. . .

. . .The brevity of life hath likewise given occasion to this comparison.

So the immortal Shakespear –

– Life's a poor player,

That struts and frets his hour upon the stage,

And then is heard no more.

For which hackneyed quotation I will make the reader amend. . .”

Здесь Филдинг опирается на авторитет Шекспира, за отсутствием иных доказательств того, что шекспировская метафора нуждается в обновлении, а не в переосмыслении. Он цитирует предсмертный монолог Макбета, но мнение загнанного преступника перед последней схваткой едва ли можно считать актуальным убеждением автора⁶. Впрочем, он тут же и сам извиняется за банальный выбор цитаты. Гораздо важнее для романиста обосновать свою манеру изображения персонажей в неоднозначности их поведения (предавшего друга егеря Черного Джорджа, да и самого Тома Джонса). Романисты и биографы будут спорить с Филдингом по этому поводу вплоть до викторианских времен⁷.

Далее, по дороге в Лондон, Том спасает миссис Уотерс и приводит ее (в разорванном платье) в гостиницу в Аптоне. Трактирщица возмущена «нахальством» постояльца. “Shakespear hath artfully introduced his Desdemona soliciting favours for Cassio of her husband, as the means of inflaming, not only his jealousy, but his rage, to the highest pitch of madness”.

Здесь Шекспир получает высокую оценку Филдинга-романиста в качестве психолога: он показал, что привело в ярость Отелло во время заступничества Дездемоны за лейтенанта Кассио. (Филдинг прав, и, скорее всего, данный сюжетный ход следует считать новацией Шекспира, так как в итальянской новелле Джиральди Чинтио он отсутствует).

После обидного для него покушения на его жизнь (ударом бутылки по голове) Том приходит в себя и пытается найти своего обидчика Норзертон. “Round his head was a quantity of bandage, not unlike a turban. In the right hand he carried a sword, and in the left a candle. So that the bloody Banquo was not worthy to be compared to him. In fact, I believe a more dreadful apparition was never raised in a church-yard, nor in the imagination of any good people met in a winter evening over a Christmas fire in Somersetshire”.

Комичность ситуации в том, что Том Джонс все-таки остался жив, поэтому сравнение его внешности с призраком убитого Банко комично, что и подтверждается бытовым масштабом сцены («Рождество в Сомерсетшире»).

⁶ Честертон Г.К. О чтении // Писатель в газете: Художественная публицистика : пер. с англ. М. : Прогресс, 1984. С. 284.

⁷ Cf.: “I am angry with Jones... that boisterous, swaggering scapegrace Mr. Thomas Jones” (Thackeray W.M. *The English Humourists of the Eighteenth Century*. Kessinger Publishing, 2005. P. 233).

Книга X начинается и вовсе неожиданно: со сравнения читателей и издателей с Уильямом Шекспиром: “Reader, it is impossible we should know what sort of person thou wilt be; for, perhaps, thou may’st be as learned in human nature as Shakespear himself was, and, perhaps, thou may’st be no wiser than some of his editors”. Следует напомнить, что до середины XVIII века вышло всего несколько научных изданий Шекспира, да и те часто отражали несовершенный вкус составителей и редакторов. Проницательные читатели чувствовали произвол издателей и стремились получить «подлинного» Шекспира.

Далее по сюжету романа Софья сбегает от тирана-отца, и сквайр Вестерн узнает об этом от слуги. Филдинг восклицает: “O, Shakespear! had I thy pen! <...> then would I draw the picture of the poor serving-man, who, with pale countenance, staring eyes, chattering teeth, faltering tongue, and trembling limbs,

(E’en such a man, so faint, so spiritless,
So dull, so dead in look, so woe-begone,
Drew Priam’s curtains in the dead of night,
And would have told him, half his Troy was burn’d)
entered the room, and declared –
that Madam Sophia was not to be found”.

Налицо восхваление Шекспира и одновременно снижение трагического пафоса, характерное для театральных пародий: ведь античный царь Приам потерял в битве всех своих сыновей и царство, а сквайр Вестерн только собственной черствостью вынудил Софью бежать от нежеланного брака. Комичен и облик слуги, принесшего дурные известия: зная нрав сквайра, он словно идет на смерть, а не выполняет привычную работу.

Автор бичует предвзятых критиков, которые клеветают на книги, то есть пишут доносы на их авторов. “Shakespear hath nobly touched this vice, when he says –

Who steals my purse steals trash; ’tis something, nothing;
’Twas mine, ’tis his, and hath been slave to thousands:
But he that filches from me my good name
Robs me of that which not enriches him,
But makes me poor indeed” (11, 1).

Здесь присутствует переадресация мнения отрицательного персонажа самому драматургу. Здравые мысли «честного парня» Яго не звучат убедительными в контексте самой пьесы, но, взятые изолированно, в беседе с Рассказчиком подкупают читателя презрением человека, произносящего эти слова, к мирским ценностям.

Том Джонс рассказывает поверенному крючкотвору Даулингу о своей судьбе: “Jones, who in the compliance of his disposition (though not in his prudence) a little *resembled his lovely* Sophia, was easily prevailed on to satisfy Mr. Dowling’s curiosity, by relating the history of his birth and education, which he did, like Othello,

Even from his boyish years,
To th’ very moment he was bid to tell:
the which to hear, *Dowling, like Desdemona*, did seriously incline;
He swore ’twas strange, ’twas passing strange;
’Twas pitiful, ’twas wond’rous pitiful. (*Othello, I, iii*)

Mr. Dowling was indeed very greatly affected with this relation”.

Конечно, Том изливает душу в совсем не подходящей для этого компании. Стряпчий Даулинг отнюдь не похож на Дездемону и не очарован горестной судьбой и благородством Тома, а намеренно извлекает из его откровений полезную для себя информацию. Филдинг получает возможность углубить характеристику главного героя, показав в нем еще одну общую черту, роднящую его с Софьей.

Далее в Лондоне развратный лорд Фелламар трусит последовать советам леди Белластон в деле совращения Софьи: “...his mind was tost in all the distracting anxiety so nobly described by Shakespear –

Between the acting of a dreadful thing,
And the first motion, all the interim is
Like a phantasma, or a hideous dream;
The genius and the mortal instruments
Are then in council; and the state of man,
Like to a little kingdom, suffers then
The nature of an insurrection» (*Julius Caesar, II, i*).

В отличие от римлянина Марка Брута, произносящего эти слова перед принятием болезненного и трудного политического решения, Фелламар движим отнюдь не патриотизмом или народолюбием. Если бы он не боялся наказания, то без всяких сомнений изнасиловал бы девушку.

Недалекому ирландцу Фитцпатрику почудилось, что его жена изменяет ему с Томом Джонсом. Это "...caused him to reflect that she likewise was in the inn at the same time, and jumbled together such a confusion of circumstances *in a head which was naturally none of the clearest*, that the whole produced that green-eyed monster mentioned by Shakespear in his tragedy of Othello".

На самом деле никто не строил заговора против м-ра Фицпатрика. Это горячая ирландская кровь и «не очень ясный» рассудок довели его до безумной ревности.

Итак, из дюжины цитат, которые мы привели, можно сделать весьма показательный вывод о том, что Филдинг не рвался к статусу доктора Джонсона и сколько-нибудь оригинальным критиком Шекспира себя не считал, и не был таковым. Кроме того, он не ладил с большинством литературных критиков своего времени и до своего лучшего романа (1749) никогда не получал должной профессиональной оценки. Но вводные теоретико-эстетические главы «Тома Джонса» представляют собою настоящий манифест эстетики Просвещения: провозглашается рационализм как основа художественного творчества и контроль воображения, потому что, «за редкими исключениями, высочайшим предметом для пера... историков и поэтов является человек» (кн. VIII, гл. 1).

В большинстве случаев ссылки Филдинга на драматический текст служат подкреплением логики самого романиста, даже если он при этом объясняет заблуждения своих литературных критиков или внешний вид героя при совершении какого-либо действия.

При этом значительный интерес представляет филдинговская опора на авторитет Шекспира как мудреца, мнение которого (даже опосредованное, в реплике его персонажа) служит аргументом в профессиональном диспуте, будь то о театре или о страсти. Такая позиция роднит Филдинга с шекспироведами сентиментализма и романтизма. Особенно развернутым оказывается шекспировский контекст (с упоминанием трех пьес) во вводной главе к VII книге романа. В ней Филдинг доказывает универсализм метафоры «мир – сцена» и, с одной стороны, фокусирует ее на специфике театральной игры (актер Миллс убедительно играет злодеев, не будучи таковым), а с другой – распространяет ее на жизнь, объясняя противоречия в поведении своего персонажа, егеря Черного Джорджа (почему он обокрал своего благодетеля Тома?)

Кроме того, в перечисленном списке целый ряд аллюзий обладает функцией комического снижения и пародирования. Сквайр Вестерн сравнивается с могущественным и мрачным средневековым лордом, а после удара бутылкой по голове окровавленный Том Джонс становится похожим на призрак Банко, и даже развратный лорд Фелламар напоминает героического Брута.

Цитация в начале VII книги отличается по форме, но схожа по функциям с еще более объемным рассмотрением шекспировского искусства в контексте всего романа. В V главе книги XIV Партридж впервые попадает в лондонский театр, на представление «Гамлета». Еще раньше в романе встречались упоминания об игре «моего друга, лучшего из сегодняшних актеров» Дейвида Гаррика, а также ссылка на актуальную новость из мира криминала: визит в театр преступника Фишера, убийцы некоего мистера Дерби (на злодея представление не подействовало в должной степени, что и отмечает Филдинг: "the villain went two days afterwards with some young ladies to the play of *Hamlet*; and with an unaltered countenance heard one of the ladies, who little suspected how near she was to the person, cry out, "Good God! if the man that murdered Mr. Derby was now present!"").

Тем не менее, возвращаясь к театральной обстановке в лондонской части своего романа, Филдинг посвящает целую главу (XVI, 5) театральному представлению «Гамлета», на которое попадают Том Джонс, миссис Миллер с дочерью и Бенджамин Партридж (бывший учитель в поместье Олверти и цирюльник). Им посчастливилось увидеть Дэйвида Гаррика в роли Гамлета, но если реакция Тома и доброжелательной хозяйки лондонской гостиницы вполне объяснима, поведение Партриджа дает автору повод для показа влияния искусства на зрителя непросвещенного (и неиспорченного, в понимании зарождавшейся эстетики сентиментализма).

У Партриджа полностью отсутствует опыт театрального зрителя, поэтому он постоянно путает иллюзию игры с реальной жизнью. Комическое восприятие этого персонажа поддерживается его замечаниями при виде театрального зала (он удивляется, что в оркестре много инструментов, но все же музыканты не заглушают друг друга, и критикует расточительность театра в отношении свечей: "<enough> to keep an honest poor Family for a whole Twelvemonth").

Как только начинается спектакль, спутники Партриджа (Том и м-с Миллер) начинают дружески шутить над ним и расспрашивать о его впечатлениях, и цирюльник с готовностью поддается на розыгрыш. Он хвастается тем, что знаком с театром не понаслышке ("yet I have seen acting before in the Country", "I know it is only a Play"), при этом еще большим знатоком он считает себя в области привидений.

Поэтому, сколь ни наивно выглядит костюм призрака отца Гамлета, суеверный Партридж не решается продолжать свою критику: он воспринимает игру остальных актеров через то впечатление, которое производит на аудиторию игра великого актера Гаррика, и очень скоро Партридж забывает о том, что он смотрит пьесу, и вступает в сочувственный диалог с «принцем»:

“What’s his Name, Squire Hamlet, is there, for all the World. Bless me! What’s become of the Spirit? ...Follow you? I’d follow the Devil as soon. Nay, perhaps, it is the Devil – for they say he can put on what Likeness he pleases. – Oh! here he is again. – *No farther!*”

Охваченный иллюзией присутствия в театральном пространстве, Партридж раздраженно прерывает обращенные к нему объяснения Джонса и миссис Миллер: “Jones offered to speak, but Partridge cried”, “Hush, hush, dear Sir, don’t you hear him!”, “...If you are not afraid of the Devil, I can’t help it”. Здесь и далее, комментируя поведение Гамлета в сценах с матерью и могильщиками, недоучка Партридж служит романисту средством ненавязчивого формулирования основополагающего постулата предромантизма: «чувство не обманывает, рассудок несовершенен». Это особенно отчетливо видно в подборе речевых средств, которыми Партридж пытается выразить полученное впечатление:

“I should have known that to have been only a Man in a strange Dress: But when I saw the little Man so frightened himself, it was that which took Hold of me”.

А после падения занавеса Партридж вновь беспросветно комичен, потому что его рассудок говорит, что игра Принца – Гаррика была хуже, чем помпезная декламация актера, исполнявшего роль короля Клавдия, но для романиста Филдинга цирюльник уже выполнил свою литературную функцию – человека, максимально преобразованного удивительным искусством актера и поэтическим текстом.

Будь мысли о театре и поэзии воплощены Филдингом в форме эссе (как во вводных главах), их убедительность была бы не столь действенной для читателя. В контексте этой главы последнему предлагается самому перевоплотиться в неподготовленного зрителя, и благодаря такому интерактивному приему писательский панегирик актеру Гаррику приобретает достоверность и производит должный эффект.

Данный опыт рассказчика заставляет поверить и в теорию Сэмюэла Джонсона о том, почему до сих пор играют Шекспира: «потому что он убедительно показывал человеческую природу» – “Nothing can please many, and please long, but just representations of general nature”⁸. К тому же выводу, хотя и без теоретизации, а не абсолютно логическим путем, подводил читателя и Филдинг-рассказчик.

В дальнейшем творчестве Генри Филдинг не раз возвращался к текстам Шекспира и использовал их преимущественно для психологической интерпретации поступков героев (Бута и его жены Амелии в своем последнем романе), реже – в пародийном ключе (сцена ревности Бута в отелловском стиле: «Где мой платок?!»). Но многообразие филдинговского восприятия нашло наиболее полное выражение в рассмотренном нами тексте его главного романа.

В целом следуя подходу С. Джонсона к наследию Шекспира, Генри Филдинг органично использовал опыт великого драматурга в выработке собственного повествовательного метода. Подытоживая оценки шекспировского наследия, поставленные английским Просвещением и зарождавшимся сентиментализмом, Филдинг во многом предвосхитил критический подход к анализу драматических характеров, который избрали в дальнейшем предромантики, а также эссеисты эпохи Ч. Лэма и У. Хэзлитта.

Список использованной литературы

1. Аникст, А.А. Шекспир. Ремесло драматурга [Текст]. – М. : Сов. писатель, 1974. – 607 с.
2. Гёте, И.В. Ко дню Шекспира [Текст] // Собр. соч. в 10 т. – М. : Художественная литература, 1980. Т. 10. – 510 с.
3. Елистратова, А.А. Английский роман эпохи Просвещения [Текст]. – М. : Наука, 1966. – 472 с.
4. Роджерс, П. Генри Филдинг. Биография [Текст] / пер. послесл. и коммент. В. Харитоновна. М. : Радуга, 1984. – 208 с.
5. Ступников, И. Джон Гей и Шекспир [Текст] / Шекспир в мировой литературе : Сб. ст. М., 1964. – С. 62–75.
6. Теккерей, У.М. Английские юмористы XVIII века [Текст] // Собр. соч. в 12 т. М. : Художественная литература, 1979. Т. 7. – 779 с.
7. Честертон, Г.К. О чтении [Текст] // пер. с англ. / послесл. С.С. Аверинцева. Писатель в газете: Худож. публицистика. – М. : Прогресс, 1984. — 384 с.
8. Johnson, S. Preface to the Shakespeare Edition. – P. 5. [CD-ROM] Digitale Bibliothek. – Band 59. – S. 61.

⁸ Johnson S. Preface to the Shakespeare Edition. P. 5. [CD-ROM]. Digitale Bibliothek. Band 59. S. 61.

«Язык вражды» как направление научного дискурса

Статья посвящена анализу современного мирового дискурса по проблематике «языка вражды» как специфического лингвокультурологического феномена. Прослеживается генезис исследования «языка вражды» в западной гуманитаристике. Отмечается высокий уровень экспрессивности «языка вражды» и тесная связь речевых проявлений с психоэмоциональным состоянием человека (*hate speech*). Указывается, что в конфликтологии ведущее место в исследовании стали занимать тексты, представляющие собой особую систему коммуникации. Говорится о роли средств массовой коммуникации, в том числе интернет-ресурсов, в распространении «языка вражды». Анализируются модель классификации проявлений речевой агрессии в сфере этнических отношений и роль политических технологий и их влияние на формирование «языка вражды». Рассматривается преломление «языка вражды» в анализе представителей различных гуманитарных дисциплин. Делается вывод об институционализации нового междисциплинарного направления.

язык вражды, речевая агрессия, конфликтология, философия культуры и языка, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика.

Поле научного изучения структур языка в настоящее время постоянно расширяется. Если ранее исследователей привлекали прежде всего фундаментальные, классические и долговечные языковые конструкции и явления, то в настоящее время предметом описания и анализа становятся более фрагментированные компоненты, в том числе кратковживущие и маргинализованные. Изучению подвергаются жаргоны различных субкультур, профессиональные сленги, сленги молодежи, ненормативная лексика, ситуационные идиомы и пр. Тем самым язык предстает как высокодинамичная, многомерная и самоорганизующаяся, адаптивная система, порождаемая и поддерживаемая коллективным сознанием, формирующаяся в социокультурном пространстве, испытывающая влияния с его стороны, меняющаяся с течением времени, но и сама воздействующая на формирующую его среду. В настоящем обзоре предпринимается попытка анализа существующих концептуально-методологических подходов к изучению такого специфического лингво-культурологического феномена, как язык вражды, ненависти, конфликта.

С одной стороны, изучение языка вывело исследователей на определенном этапе на изучение экспрессивных лексем. Констатировалось, что речь может быть дифференцирована по степени экспрессивности. Особо высоким уровнем экспрессивности характеризовался «язык вражды». Изучение его представляло наиболее очевидный материал связи языковых конструкций с психоэмоциональным состоянием человека (Арама 1995, Купоросов 2008, Мягкова 2000, Носенко 1975, Пиотровская 1995, Ромашова 2001, Шаховский 1987, Юдина 1973).

Другой стороной, выводящей тематику научных исследований на изучение «языка вражды», явилось развитие теории конфликта. Общим направлением формирования неоклассических и постклассических наук явилась переориентация от изучения ноуменов (натурфилософия) к изучению феноменов (позитивизм), а от изучения феноменов к изучению систем коммуникаций. Текст в философии постмодерна становится не только источником, но единственной признаваемой реальностью (мир как текст). Сообразно с этими тенденциями, конфликтология все более акцентированно переходит на анализ языка конфликта (Брокмейер, Харре 2000; Лебедев, Немировский, Невирко, Гришаев 2003; Серёдкина 2003; Соловьев 2011; Alexanian; Berkhofer 1997).

Тренд развития теории языка и тренд развития теории конфликта выходят, таким образом, с разных сторон на сферу изучения «языка вражды». Эта логика двух когнитивных траекторий определила междисциплинарный характер исследований «языка вражды» в современной науке.

«Язык вражды» или «риторика ненависти» (англ. *hate speech*) является обобщенным обозначением языковых средств выражения резко негативного отношения граждан по отношению к представителям носителей иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культур-

ных или же более специфических, субкультурных ценностей. Феномен может выступать как форма проявления расизма, религиозной ксенофобии, межнациональной вражды и социальной и политической нетерпимости, гомофобии, а также сексизма. В настоящее время феномен “hate speech” изучается представителями различных направлений научного знания – лингвистами, филологами, политологами, историками, культурологами и др. При этом предметом анализа стали компоненты “hate speech” самых разных языков и культурных традиций стран мира.

Широкие исследования механизмов распространения «языка вражды» через средства массовой информации начались фактически сразу же после завершения Второй мировой войны. «Газеты втянули нас в войну», – резюмировал свои исследования основатель Йельской школы убеждающей коммуникации К. Ховланд¹. Сам он в период войны реализовывал эксперименты по оказанию влияния на американских солдат через использование обучающих кинофильмов. Были выпущены короткометражные фильмы с характерными названиями «Почему мы воюем», «Знай своего врага» и «Знай своего союзника»². Первоначально влияние СМИ на массовое сознание выражалось главным образом в рамках концепции «установления пунктов повестки дня». «Пресса, – пояснял эту позицию Б. Коэн, – не может заставить людей думать определенным образом, но может указать своим читателям, о чем думать»³.

Однако со временем, по мере изучения проблемы программирующего влияния слова на подсознание человека исследователи все определеннее стали говорить, что пресса все-таки способна программировать массовое сознание. Такое воздействие через язык могло вести как в направлении усиления конфликтных потенциалов, так и их ослабления (Аронсон, Пратканис 2003; Данилова 2009, Кара-Мурза 2004; Кара-Мурза, Смирнов 2009, Сельченков 2002, Соловьев 2011).

Показателем научной институционализации рассматриваемого направления на Западе стало появление специальных диссертационных исследований.

В тематике нашего рассмотрения заслуживает интереса диссертация венгерского ученого Д. Боромиза-Хабаша «Язык вражды как культурная практика». В основу исследования был положен эмпирический материал, реконструирующий венгерский общественный дискурс⁴. Источниками проведенной реконструкции стали этнографические интервью, публикации в средствах массовой информации, политические карикатуры, стенограммы работы парламентских комитетов и литературные тексты. Автор исследовал типы коммуникативного поведения, связанные с «языком вражды», анализировались примеры использования лексики вербальной агрессии. Особое внимание обращалось на значение личности, диссоциации и связи в общении, выстраиваемом в рамках парадигмы конфликта. В работе было установлено, что венгерский общественный дискурс зависит от нескольких противостоящих друг другу моральных систем, каждая из которых подразумевает различные модели личности и диссоциации. Лексика агрессии рассматривалась как механизм психологической защиты индивидуума, находящегося в стрессовой ситуации или в состоянии фрустрации. Предложены различные решения по противодействию разжигания ненависти.

Классическими стали филологические исследования голландского ученого Ван Дейка и его школы. В них исследовались дискурсивные стратегии и применяемые объяснительные модели в условиях речевого конфликта. В качестве *Мы-группы* бралось для рассмотрения этническое большинство, а в качестве *Они-группы* – этнические меньшинства⁵. Например, одной из выявленных основных особенностей текстов «большинства» является так называемая поляризованная репрезентативность, то есть наделение *Мы-группы* и *Они-группы* прямо противоположными признаками, как правило, создающими бинарные оппозиции. Элементарным примером такой оппозиционности выступает дихотомия «Мы хорошие – Они плохие».

Решение практических вопросов межкультурной коммуникации вывело на дискуссию в отношении определения базовых категорий, таких как «вербальная агрессия». Одна группа американских ученых придерживалась узкой трактовки этой дефиниции. К случаям вербальной агрессии следует, с их точки зрения, относить высказывания, цель которых заключается не в передаче какой-либо инфор-

¹ Hovland C. Effects of the mass media of communication // Handbook of Social Psychology. Cambridge ; Mass. : Addison-Wesley, 1954. Vol. 2. P.162.

² URL: <http://www.nap.edu/readingroom.php?book=biomems&page=chovland.html>

³ Цит. по: Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: Методология анализа и практика исследований. М., 2002. С.90.

⁴ Boromisza-Habashi D. Hate speech as cultural practice. University of Massachusetts Amherst, 2008.

⁵ Van Teun D. Discourse as social interaction. London : Sage, 1997 ; Dijk van Teun. Discourse as structure and process. London : Sage, 1997.

мации, а в провоцировании немедленной отрицательной реакции. Вербальная агрессия предполагала нанесение своего рода «эмоционального удара»⁶.

Другой группой авторов вербальная агрессия понималась более широко. К ней ими относится любая враждебная по отношению к партнеру речь. Такая враждебность наносит последнему моральный ущерб, а поэтому, с точки зрения исследователей, должна подвергнуться законодательному запрещению⁷.

Зарубежные филологи и социологи все чаще стали встречаться с эвфемизмом «приезжие», а в публицистике и даже в работах некоторых ученых термин «мигрант» прочно слился с понятием «инородец». О подобных недифференцированных антииммигрантских настроениях, типичных для современного расизма, пишет не только Ван Дейк⁸, но и П. Тэйлор⁹. Научный интерес к речевым проявлениям мигрантофобии был катализирован «парижскими» и «лондонскими беспорядками».

Известна коллективная работа голландских исследователей из Центра по этике факультета философии, теологии и религиоведения Университета Неймегена под редакцией Баса ван Стакума «Богохульство, дискриминационные выражения из-за религии и языка вражды»¹⁰. Книга написана под впечатлением от убийства Тео ван Гога. Исследование было посвящено проблемам криминализации богохульства и дискриминации по признаку религии в европейских странах и США.

В работе подчеркивается, что распространенные оскорбительные выпады имеют иную логику, чем ненависть и вражда. Оскорбление нацелено на дискредитацию статуса противника. Дискредитированию подвергаются доброе имя, репутация, звание или должность. В случае же проявления ненависти (вражды), целью ксенофобов является не принижение статуса противника, а само его право на существование. Можно в этом смысле вести речь о двух уровнях конфликтной риторики.

Значительную исследовательскую перспективу в рамках тематики «языка вражды» представляет рассмотрение «богохульства». Будучи одним из древних проявлений вербальной агрессии, «богохульство» может изучаться в историко-компаративистском ключе. Актуальность проблемы «богохульства» особо возросла после резонанса серии конфликтов, вызванных публикацией сатиры – визуальной и вербальной в отношении ислама и пророка Мухаммеда. Необходимость изучения феномена «богохульства» после скандального дела “Pussy Riot” актуализируется и применительно к России.

Существуют работы, в которых анализируются причины «языка вражды», социальные стереотипы, воспроизводимые СМИ. Например, американскими исследователями уже доказано, что негативный стереотип заставляет белых опасаться именно чернокожих, а не наоборот¹¹. Влияние стереотипов таково, что в США белые студенты предпочитают не иметь дело с афроамериканцами, по отношению к которым продуцируется миф о расовой природе преступности¹². Активно исследуются американскими учеными стереотипы и распространенные языковые заблуждения по отношению к индейцам¹³.

В статье Т. Киннея «Язык вражды и этнофолизмы» предлагается модель классификации проявлений речевой агрессии в сфере этнических отношений¹⁴. Автор поднимает вопрос регулирования гражданской речи в целях недопущения этнофолизмов. Т. Кинней рассматривает вербальную агрессию как одну из форм вражды. Он классифицирует ее проявления следующим образом: а) речь (вербализацию); б) письменные сообщения; в) символы и символические действия. Каждая из форм способствует поддержанию предрассудков и насилия по отношению к конкретным целевым группам. «Язык вражды» связывается в интерпретации Т. Киннея с такими характеристиками, как фанатизм, стереотипы, нетерпимость, ненависть. Киннеевский перечень форм ненависти включает в себя: а) этнофолизмы; б) расовые оскорбления; в) сексистские оскорбления и г) гомофобные речи.

⁶ Nowak J. *Constitutional Law* /J. Nowak, R. Rotunda & J. Yang. St. Paul, MN : West, 1986.

⁷ Hodulik P. *Racist speech on campus* // *Wayne Law Review*; 1991. №37 ; Saad H. *The case for prohibitions of racial epithets I the university classroom* // *Wayne Law Review*; 1991. № 37.

⁸ Van Teun D. *Communicating racism. Ethnic prejudice in thought and talk*. Newbury Park : Sage Publishers, 1987.

⁹ Taylor Paul C. *Race. A philosophical introduction*. Cambr., UK : Polity Press, 2004.

¹⁰ Van. Stokkum B. e.a. *Godslastering, discriminerende uitingen wegens godsdienst en haatuitingen. Een inventariserende studie*. Gaaga, 2006.

¹¹ Feagin J.R., Hernan V., Pinar B. *White racism. The basics*. N.Y. ; L. : Routledge, 2001 ; H. Gordon, Hooper H., Dovidio J.F., Gaertner S.L. *Aversive racism in Britain: the use of inadmissible evidence in legal decisions* // *European Journal of Social Psychology*, 2005. Vol. 35 ; Swain C.M. *The new White nationalism in America. Its challenge to integration*. Cambr. : Cambridge University Press, 2002.

¹² Hacker A. *Malign neglect: The crackdown on African-Americans* // *The Nation*. 1995. Vol. 261. №. 2.

¹³ Mihsuah D.A. *American Indians: stereotypes & realities*. Atlanta, Ga. : Clarity, 2002.

¹⁴ Kinney T.A. *Hate Speech and Ethnophaulisms* // *The International Encyclopedia of Communication*, 2008.

Исследование этнофолизмов становится все более актуальным направлением в современной науке¹⁵. Характерна в этом отношении статья Б. Маллена и Д. Райса из Сиракузского университета, в которой рассматривается влияние стереотипов на поведение людей по отношению к этническим группам иммигрантов¹⁶. Авторы анализируют изменение этого отношения за 150 лет американской истории на основании архивных данных. Выявляются негативные тенденции восприятия групп мигрантов. Концепт «плавильного котла» оказывался при его верификации мифом, за которым скрывались реальные стереотипы американской мигрантофобии.

В своей отдельной статье тот же Б. Маллен изучил отношение к детям мигрантов разных этнических групп в детской литературе. Он выяснил, что дети этнических меньшинств больше описываются внешне, а не с точки зрения личных качеств, характеризуясь с более низкой словесной сложностью¹⁷.

В статье Б. Маллена и Дж. Смита представлены результаты исследования, которое доказывает, что чем больше отрицательных этнофолизмов существует по отношению к конкретной этнической группе, тем больше в ней случаев самоубийства. Авторы предполагают, что этнофолизмы приводят к сердечно-сосудистым заболеваниям, а следовательно подрывают здоровье людей. Это, в свою очередь, влияет на их работоспособность и приводит к бедности¹⁸. Статья снабжена таблицами, обеспечивающими наглядность репрезентации эмпирического материала. Б. Маллен сегодня является наиболее признанным авторитетом в сфере изучения этнофолизмов на Западе (Leader, Mullen & Rice 2009; Mullen & Johnson 1993; Mullen & Leader 2005).

Заслуживает интереса и коллективное филологическо-психологическое исследование, опубликованное в журнале “Journal of Language and Social Psychology” в 2010 году. Результаты опросов респондентов показали, что в целом этнофолизмы оценивались в обществе с отрицательной стороны. В приложении к статье даются материалы социологических опросов¹⁹.

В 2012 году вышла статья «Слова как оружие» американского политолога С. Бенеш из Института мировой политики, финансируемого Фондом Макартуров и Институтом мира США²⁰. С. Бенеш анализирует феномен «языка вражды» на примере ситуации в ЮАР. Среди условий, провоцирующих ксенофобию африканцев по отношению к потомкам европейцев, политолог называет падение апартеида в ходе политической деятельности президента Н. Манделы. Исследователь предполагает, что в некоторых случаях крушение авторитарных режимов может привести к увеличению коммуникации между различными культурными, религиозными и национальными группами, а следовательно, – к появлению новых противоречий.

Среди других причин усиления феномена «языка вражды» Бенеш называет миграционные процессы и технологическое развитие цивилизации – появление Интернета и социальных сетей. Важной причиной всплеска «языка вражды» американский политолог считает применение политических технологий. Эта связь показана на примере разжигания межплеменной розни политиками в Кении в 2007 году через телевизионную манипуляцию. Схожие явления фиксируются Бенеш и в Руанде. Автор резюмирует свой концепт, определяя пять факторов «языка вражды»: 1) динамика; 2) аудитория; 3) сама речь; 4) исторический и социальный контекст; 5) средства коммуникации (распространения).

Д. Бринк из Калифорнийского университета в статье «Принципы Милля, свобода, выражение мнений и “язык вражды”» строит свою концепцию ограничения «языка вражды» на основании принципа Джона Стюарта Милля, изложенного английским политическим философом в работе «О свободе»²¹. Принцип гласит: «Единственное оправдание вмешательства в свободу действий любого человека – самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесен другим». Автор рассматривает расист-

¹⁵ Mullen B., Rozell D., Johnson C. Ethnophaulisms for ethnic immigrant groups: the contributions of group size and familiarity // *European Journal of Social Psychology*, 2001. Vol. 31. Iss. 4.

¹⁶ Mullen B., Rice D.R. Ethnophaulisms and Exclusion: The Behavioral Consequences of Cognitive Representation of Ethnic Immigrant Groups // *Personal and Social Psychology Bulletin*, 2003. Aug.

¹⁷ Mullen B. Sticks and Stones Can Break My Bones, But Ethnophaulisms Can Alter the Portrayal of Immigrants to Children // *Personal and Social Psychology Bulletin*, 2004. Febr.

¹⁸ Mullen B., Smyth J.M. Immigrant suicide rates as a function of ethnophaulisms: Hate speech predicts death // *Psychosomatic Medicine*, 2004. № 66. С. 343–348.

¹⁹ Diana R. Rice, Dominic Abrams, Constantina Badea, Gerd Bohner, Andrea Carnaghi, Lyudmila I. Dementi, Kevin Durkin, Bea Ehmman, Gordon Hodson, Dogan Kokdemir, Jaume Masip, Aidan Moran, Margit E. Oswald, Jaap W. Ouwerkerk, Rolf Reber, Jonathan Schroeder, Katerina Tasiopoulou, Jerzy Trzebinski. What Did You Just Call Me? European and American Ratings of the Valence of Ethnophaulisms // *Journal of Language and Social Psychology*, 2010. № 29.

²⁰ Benesch S. Words as Weapons // *World Policy Journal*, 2012. May.

²¹ Brink D.O. Millian principles, freedom, of expression, and the hate speech // *Legal Theory*, 2001. № 7.

ские, гомофобные проявления в западных студенческих кампусах, связанные с применением «языка вражды». Он рассуждает о регулировании феномена «языка вражды» в университетах (Стэнфорд и др.), где этот язык получил распространение, несмотря на формальное действие запретов дискриминации человека на основании пола, расы, цвета кожи, инвалидности, религии, сексуальной ориентации, национального или этнического происхождения. В статье обсуждается потенциал применения выговоров, отчислений и других регуляционных мер для погашения вербальной агрессии.

Д. Бринк замечает, что «язык вражды» подрывает культуру взаимного уважения и часто используется людьми как защитная психологическая реакция в стрессовой ситуации. Параллельно он рассматривает последствия «языка вражды» – депрессию, стресс, лишение сна, потерю чувства собственного достоинства. Причинами «языка вражды» Бринк считает общественные отношения неравенства и дискриминации.

Дж. Дэниэлс из Городского университета Нью-Йорка исследует процесс усиления феномена нетерпимости в США в условиях появления новых форм коммуникации²². Американский ученый видит в интернет-ресурсах новые факторы для роста дискриминации по различным признакам, рассматривая киберзапугивание женщин, детей, людей другой расы и национальности через сайты сети Интернет. Реконструируются механизмы создания превосходства белой расы в Интернете.

Дэниэлс отдельно анализирует различные интернет-сайты, через которые распространяются компьютерные игры со сценариями гомофобного и расистского характера, наглядно приводя их скриншоты, отдельные изображения. Исследователь предполагает, что ксенофобские компьютерные игры рассчитаны на манипуляцию сознанием подростков, которые впитывают в себя «язык вражды» в удобной для себя игровой форме. Положения исследования иллюстрируются многочисленными графиками.

Автор приходит к выводу, что в последнее время традиционное воспитание молодежи в условиях наступления информационной эпохи малоэффективно. Дж. Дэниэлсом поднимается вопрос специальных фильтров программного обеспечения, которое способно ограждать молодежь от «языка вражды». Также подчеркивается особая роль в профилактике «языка вражды» знания истории молодежью.

Ш. Тэйлор в статье «Язык вражды и правительственный язык» исследует вспышки «символического расизма» в среде современных американских студентов. В частности, рассматривается такой символ проявления ненависти, как развешивание у жилищ афроамериканцев веревок с петлей как аллегория линчевания «чернокожих». Исследователь разбирает два подхода к «языку вражды» – ратующего за сохранение свободы самовыражения и, наоборот, требующего ввести законодательные ограничения. При этом автор предлагает «средний» подход – «правительственный язык»²³.

Тэйлор предлагает с помощью целенаправленной политики «правительственного языка» использовать отрецензированные новостные сообщения массмедиа, речи публичных политиков, обучение студентов для борьбы с «языком вражды». Иными словами, по автору государство посредством таких технологий должно заниматься постоянным воспитанием граждан. Исследователь обращает внимание на переформатирование образовательной политики и выделение специальных правительственных субсидий для предотвращения усиления роли «языка вражды».

Немецкий исследователь К. Хаупт из Кельнского университета проводит интересный сравнительный анализ Германии и США на предмет «языка ненависти»²⁴. Хаупт рассматривает как удачные, так и несовершенные попытки американцев и немцев регулировать «язык вражды» в общественной жизни. Использовать немецкий опыт урегулирования этого вопроса, полагает исследователь, нужно с особой осторожностью.

Работа «Квантификация языка вражды на коммерческом вещающем радио. Пилотное исследование» представляет собой глубокий филологический анализ²⁵. Особое внимание авторами уделено выявлению причин «языка ненависти» по отношению к расовым, этническим, религиозным и сексуальным меньшинствам. Классифицированы типы таких высказываний: 1) необоснованные претензии; 2) недостаток аргументации; 3) лингвистические разногласия («мы–они» конструкции); 4) бесчеловечные метафоры.

²² Daniels J. Race, Civil Rights, and Hate Speech in the Digital Era // Learning Race and Ethnicity: Youth and Digital Media. Ed. A. Everett. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning. Cambridge, MA : The MIT Press, 2008.

²³ Taylor C.H. Hate Speech and Government Speech // Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 12:4. Apr.

²⁴ Haupt C.E. Regulating hate speech – damned if you do and damned if you don't: Lessons learned from comparing the German and U.S. approaches // Boston University International Journal, 2005. Vol. 23:299.

²⁵ Noriega A., Iribarren F. Quantifying Hate Speech on Commercial Talk Radio. A Pilot Study // CSRC Working Papers, 2011. № 1. Nov.

В исследовании рассматривается связь «языка вражды» с тонально-ритмическими характеристиками речи, что придает высказыванию дополнительные отрицательные коннотации и усугубляет стрессорность. Качественный контент-анализ указывает на тенденцию падения американской культуры речи.

Т. Вебб из Канзасского государственного университета критикует сложившееся отношение американского государства к проблеме «языка вражды». Он пишет, что правительство США под предлогом поощрения индивидуализма как «краеугольного камня» общества допустило криминализацию гражданской речи, которая все больше подстрекает к открытому насилию и непосредственно угрожает окружающим²⁶. Исследователь полагает ошибочным постулат, когда государство ставит свободу слова выше других прав, таких как человеческое достоинство и социальное благо. Вместе с тем, Вебб оговаривается, что регулирование «языка вражды» в штатах проблематично по причине существования Первой поправки американской конституции, которая предусматривает, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона..., ограничивающего свободу слова, или прессы...».

Между тем, согласно гипотезе Т. Вебба именно регулирование и ограничение «языка вражды» способно сохранить демократические принципы общества. В качестве примера им проводится анализ политики регулирования «языка вражды» в Канаде, Германии, ЮАР, Сингапуре, Великобритании и Австралии. На основании проделанного сравнительного анализа исследователь предлагает свои практические рекомендации по этому вопросу.

Коллективная монография «Содержание и контекст языка вражды. Переосмысление регулирования и предложения», вышедшая под редакцией М. Херца и П. Молнара, отвечает на следующие теоретические вопросы: опасен ли «язык вражды» до такой степени, чтобы вводить юридические ограничения?; какая уголовная ответственность необходима за разжигание ненависти? Работа в основном посвящена юридическому анализу феномена «языка вражды»²⁷.

Одним из авторов книги А. Рихтером рассматривается явление «экстремистского» и «террористического языка», форм политического инакомыслия на примерах России и стран постсоветского ареала. Исследователями А. Джейкобсоном и Б. Шлинком, как и Т. Веббом, отмечается криминализация «языка вражды» в США.

Я. Менгисту рассматривает опыт решения проблемы «языка вражды» в Эфиопии и других африканских странах. Западная метафора «рынка идей» оценивается им в качестве основания, создающего условия для противоречий в социуме. Тем не менее, исследователь предупреждает, что попытки регулировать «язык вражды» могут привести к запретам на политические дебаты. В работе рассмотрены стратегии Совета Европы по борьбе с «языком вражды». В этом же ключе изучается феномен спутниковой связи.

Т. Джей из Массачусетского колледжа свободных искусств представляет в дискурсе о «языке вражды» особое реабилитационное направление²⁸. Исследователь полагает, что в настоящее время нет научных работ, глубоко изучающих корреляции оскорбительной лексики и морального вреда. По его оценке, частая ругань является катарсисом, приемлемой заменой физической агрессии. Следовательно, полагает он, если просто запрещать «язык вражды», то в социуме могут возникнуть новые, более острые проблемы.

Отдельные исследователи считают, что степень агрессивности «языка вражды» зависит также от вектора интенциональной направленности высказывания. Негативная оценка пропозиции (субъект-объектные отношения) менее агрессивна, чем прямые оскорбления (субъект-субъектные отношения). При этом в обыденном общении речевая агрессия может восприниматься как языковая игра, шутка, когда коммуниканты не имеют агональных намерений²⁹.

Иногда анализируются парламентские неинституциональные речевые взаимодействия («переход на личности», оскорбления и даже драки)³⁰. Р. Браун и К. Фрэзер выделяют «сверх-цель», или глобальную цель взаимодействия (например, «свалить министра юстиции»), и «мини-цели», более частные задачи, соответствующие каждому отдельному речевому акту, произведенному в ходе взаимодействия, а также промежуточный уровень «эпизодов» (“tasks”).

²⁶ Webb T.J. Verbal Poison – Criminalizing Hate Speech: A Comparative Analysis and a Proposal for the American System // Washburn Law Journal, 2011. Vol. 50.

²⁷ The Content and Context of Hate Speech. Rethinking Regulation and Responses / Ed by M. Herz, P. Molnar. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.

²⁸ Jay T. Do offensive words harm people? // Psychology, Public Policy and Law. 2009. Vol. 15. №. 2.

²⁹ André-Larochebouvry D. La conversation quotidienne. P. : Didier-Crédif, 1984.

³⁰ Brown P., Fraser C. Speech as a marker of situation / P. Brown, C. Fraser // K.R. Scherer, H. Giles (éds) Social markers in speech. Cambridge : C.U.P., 1979.

Таким образом, изучение феномена «языка вражды» достаточно широко представлено в современной мировой гуманитаристике. Широта проводимых исследований, а также разработка особого методологического инструментария позволяет констатировать дисциплинарную институционализацию нового научного направления. Предметное поле последнего находится на пересечении лингвистики с иными областями гуманитарного знания. На настоящее время исследования «языка вражды» вплотную подошли к рубежу методологического прорыва, который представляется возможным за счет апробации применительно к анализу «языка вражды» новых для данного предмета исследовательских методик.

*Список использованной литературы
и электронных ресурсов*

1. Арама, Б.Е. Психолингвистический аспект категории модальности [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995.
2. Аронсон, Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление [Текст] / Э. Аронсон, Э.Р. Пратканис. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003.
3. Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы [Текст] /Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3.
4. Данилова, А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации [Текст]. – М. : Добросвет, 2009.
5. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Текст]. – М. : Алгоритм, 2004.
6. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием-2 [Текст] / С.Г. Кара-Мурза С.В. Смирнов. – М. : Эксмо: Алгоритм, 2009.
7. Купоросов, П.А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
8. Лебедев, С.А. Философские основания классической, неклассической и постнеклассической (постмодернистской) науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-19052.html?page=17#861922>
9. Мягкова, Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент слова [Текст]. – Курск, 2000
10. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: Методология анализа и практика исследований [Текст]. – М., 2002.
11. Немировский В.Г. Социология. Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности [Текст] : учеб. пособие / В.Г. Немировский, Д.Д. Невирко, С.В. Гришаев. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.
12. Носенко, Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности [Текст]. – Днепропетровск, 1975.
13. Пиотровская, Л.А. Лингвистическая природа эмотивных высказываний [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1995.
14. Ромашова, И.П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания [Текст] : автореф. дис. канд. филол. наук. – Омск, 2001.
15. Контроль сознания и методы подавления личности [Текст] / сост. С.В. Сельченко: хрестоматия. – М. : Изд-во АСТ, 2002.
16. Серёдкина, Е.В. Расширенное понятие диалога в рамках постнеклассической науки [Текст] // Учен. зап. студентов и аспирантов гуманит. фак. ПГТУ. – 2003. – № 9.
17. Соловьев, В.Р. Манипуляции: Атакуй и защищайся! [Текст]. – М. : Эксмо, 2011.
18. Черникова, И.В. Постнеклассическая наука и философия процесса [Текст]. – Томск : Изд-во НТЛ, 2007.
19. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст]. – Воронеж, 1987.
20. Юдина, Н.Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единиц [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973.
21. Alexanian, E.A. Les innovations du style narratif du XXe siècle [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.inst.at/trans/16Nr/05_1/alexanian16.htm
22. André-Larochebouvy, D. La conversation quotidienne [Text]. – P. : Didier-Crédif, 1984.
23. Benesch, S. Words as Weapons [Text] // World Policy Journal. – May. – 2012.
24. Berkhofer, R.F. Beyond the great story: History as text and discourse [Text]. – Cambridge; MA : Belknap Press, 1997.
25. Boromisza-Habashi, D. Hate speech as cultural practice [Text]. – University of Massachusetts Amherst, 2008.
26. Brink, D.O. Millian principles, freedom, of expression, and the hate speech [Text] // Legal Theory. – 2001. № 7.
27. Brown, P. Speech as a marker of situation [Text] /P. Brown, C. Fraser // K.R. Scherer, H Giles. (éds) Social markers in speech. – Cambridge : C.U.P., 1979.

28. Daniels, J. Race, Civil Rights, and Hate Speech in the Digital Era [Text] // Learning Race and Ethnicity: Youth and Digital Media / Ed. by Anna Everett. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning. – Cambridge; MA : The MIT Press, 2008.
29. Diana, R. Rice, Dominic Abrams, Constantina Badea, Gerd Bohner, Andrea Carnaghi, Lyudmila I. Dementi, Kevin Durkin, Bea Ehmman, Gordon Hodson, Dogan Kokdemir, Jaume Masip, Aidan Moran, Margit E. Oswald, Jaap W. Ouwerkerk, Rolf Reber, Jonathan Schroeder, Katerina Tasiopoulou and Jerzy Trzebinski. What Did You Just Call Me? European and American Ratings of the Valence of Ethnophaulisms [Text] // Journal of Language and Social Psychology. – 2010. – № 29.
30. Dijk, van Teun. Communicating racism. Ethnic prejudice in thought and talk [Text]. – Newbury Park : Sage Publishers, 1987.
31. Dijk, van Teun. Discourse as social interaction [Text]. – London : Sage, 1997.
32. Dijk, van Teun. Discourse as structure and process [Text]. – London : Sage, 1997.
33. Feagin, Joe R., Vera Hernan, Batur Pinar. White racism. The basics [Text]. – N.Y.; L. : Routledge, 2001.
34. Hacker, A. Malign neglect: The crackdown on African-Americans [Text] // The Nation. – 1995. Vol. 261. – № 2.
35. Haupt, C.E. Regulating hate speech – damned if you do and damned if you don't: Lessons learned from comparing the German and U.S. approaches // Boston University International Journal. – 2005. – Vol. 23:299.
36. Hodson, Gordon. Aversive racism in Britain: the use of inadmissible evidence in legal decisions [Text] / Gordon Hodson, Hugh Hooper, John F. Dovidio, Samuel L. Gaertner // European Journal of Social Psychology. – 2005. – Vol. 35.
37. Hodulik, P. Racist speech on campus [Text] // Wayne Law Review. – 1991. – № 37.
38. Hovland, C. Effects of the mass media of communication [Text] // Handbook of Social Psychology. – Cambridge; Mass. : Addison-Wesley, 1954. – Vol. 2.
39. Jay, T. Do offensive words harm people? [Text] // Psychology, Public Policy, and Law. – 2009. – Vol. 15. – № 2.
40. Kinney, T.A. Hate Speech and Ethnophaulisms [Text] // The International Encyclopedia of Communication, 2008.
41. Leader, Complexity and valence in ethnophaulisms and exclusion of ethnic out groups: What puts the “hate” into hate speech? [Text] / T.I. Leader, B. Mullen, D.R. Rice // Journal of Personality and Social Psychology, 2009.
42. Mihesuah, D.A. American Indians: stereotypes & realities [Text]. – Atlanta; Ga. : Clarity, 2002.
43. Mullen, B. Sticks and Stones Can Break My Bones, But Ethnophaulisms Can Alter the Portrayal of Immigrants to Children [Text] // Personal and Social Psychology Bulletin, 2004. – Febr.
44. Mullen, B. Cognitive representation in ethnophaulisms as a function of group size: The phenomenology of being in a group [Text] / B. Mullen, C. Johnson // Personality and Social Psychology Bulletin, 1993. – № 19.
45. Mullen, B. Linguistic factors: Antilocutions, ethnonyms, ethnophaulisms, and other varieties of hate speech [Text] / B. Mullen, T.I. Leader // On the nature of prejudice: Fifty years after Allport / J.F. Dovidio, P. Glick, & L. A. Rudman (Eds.), 2005. – Malden; MA : Blackwell, 2005.
46. Mullen, B. Ethnophaulisms and Exclusion: The Behavioral Consequences of Cognitive Representation of Ethnic Immigrant Groups [Text] / B. Mullen, D.R. Rice // Personal and Social Psychology Bulletin, 2003. – Aug.
47. Mullen B. Ethnophaulisms for ethnic immigrant groups: the contributions of group size and familiarity [Text] / B. Mullen, D. Rozell, C. Johnson // European Journal of Social Psychology, 2001. – Vol. 31. – Iss. 4.
48. Mullen, B. Immigrant suicide rates as a function of ethnophaulisms: Hate speech predicts death [Text] / B. Mullen, J.M. Smyth // Psychosomatic Medicine, 2004. – № 66.
49. Noriega, A. Quantifying Hate Speech on Commercial Talk Radio. A Pilot Study [Text] / A. Noriega, F. Iribarren // CSRC Working Papers. – 2001. – Nov. – № 1.
50. Nowak, J. Constitutional Law [Text] / J. Nowak, R. Rotunda, J. Yang. – St. Paul; MN : West, 1986.
51. Saad, H. The case for prohibitions of racial epithets I the university classroom [Text] // Wayne Law Review. – 1991. – № 37.
52. Stokkum, van. B. e.a. Godslastering, discriminerende uitingen wegens godsdienst en haatuitingen. Een inventariserende studie [Text]. – Gaaga, 2006.
53. Swain, Carol M. The new White nationalism in America. Its challenge to integration [Text]. – Cambr. : Cambridge University Press, 2002.
54. Taylor, C.H. Hate Speech and Government Speech [Text] // Journal of Constitutional Law. – 2010. – Apr. – Vol. 12:4.
55. Taylor, Paul C. Race. A philosophical introduction [Text]. – Cambr.; UK : Polity Press, 2004.
56. The Content and Context of Hate Speech. Rethinking Regulation and Responses [Text] / Ed by M. Herz, P. Molnar. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
57. Webb, T.J. Verbal Poison – Criminalizing Hate Speech: A Comparative Analysis and a Proposal for the American System [Text] // Washburn Law Journal. – 2011. – Vol. 50.

Раздел IV

Современные парадигмы обучения иностранным языкам

(Материалы международной конференции «Основные направления лингвистической и лингводидактической мысли в 21 веке». Рязань, РГУ имени С.А. Есенина, 24–26 апреля 2014 года)

УДК 378:004

*Л.П. Владимирова, канд. пед. наук,
(ИСМО РАО, Москва)*

Дистанционное обучение иностранным языкам: специфика и перспективы

Статья посвящена проблемам дистанционного обучения. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» подтверждает актуальность данной темы. В статье рассматриваются вопросы, отражающие особенности отбора содержания обучения иностранным языкам для дистанционного курса с учетом специфики предмета «Иностранный язык», а также особенности организации учебного процесса в дистанционной форме. В статье обозначена проблема педагогического характера: отсутствие четкого понимания, какие дидактические, психолого-педагогические задачи можно решать с помощью современных информационно-коммуникационных технологий и цифровых устройств в учебном процессе. Автор рассматривает интернет-ресурсы и технологии Веб 2.0 как одну из возможностей для увеличения объема речевого общения на иностранном языке в очном и дистанционном обучении, а блог – как платформу для организации дистанционного обучения.

дистанционное обучение, электронное обучение, специфика, иностранный язык, интернет-ресурс, блог, Веб 2.0.

В основе современных парадигм образования лежат научно-теоретические понятия, отражающие основные черты действительности. К ним относятся личностно-ориентированное обучение, индивидуализация и дифференциация учебной деятельности, формирование мотивации учения, саморазвитие обучаемых и др. Данные концептуальные идеи образования успешно реализуются в современной информационно-образовательной среде, обеспечивающей организацию учебного процесса с помощью информационно-коммуникационных технологий как очно, так и дистанционно. Современные парадигмы обучения иностранным языкам отражают основные черты современной системы образования. Рассмотрим дистанционное обучение (ДО) как одно из актуальных направлений модернизации образования, а также особенности дистанционного обучения иностранным языкам.

Роль иностранного языка как средства межкультурной коммуникации заметно возрастает в современных условиях социально-экономического и политического развития России. Компьютерные технологии, интернет-ресурсы, цифровые устройства, технологии Веб 2.0, дистанционное обучение все интенсивнее применяются в системе образования. Однако бессистемность, нерегламентированность использования современных информационных технологий в учебном процессе выявляет проблему педагогического характера: отсутствие у педагогов четкого понимания, какие дидактические, психолого-педагогические задачи можно решать с помощью новых технологий.

Процесс внедрения дистанционного обучения в систему образования в разных странах имеет свои особенности. Это зависит от государственной политики страны: либо дистанционное обучение признается одной из форм получения образования наряду с другими формами обучения, либо дистанционные образовательные технологии используются в системе образования как средства обучения.

Уточним понятия «дистанционное обучение», «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии».

Е.С. Полат рассматривает дистанционное обучение и как форму, и как одну из составляющих всей системы образования. «Дистанционное обучение – это форма обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся между собой осуществляется на расстоянии и отражает все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), реализуемые специфичными средствами интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность»¹.

Однако в новом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»² о дистанционном обучении как об одной из форм обучения в системе образования ничего не сказано. Называются только три формы обучения: очная, очно-заочная и заочная. А в качестве форм получения образования выделяются две: 1) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность; 2) вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность (в форме семейного образования и самообразования). Следует ли самообразование рассматривать как дистанционное обучение, так как без ресурсов Интернета и дистанционных курсов сегодня вряд ли возможно самообразование? И все же в данном случае такой вид обучения рассматривается только как форма получения образования, а не как самостоятельная форма обучения в общей системе образования.

В новом законе о дистанционных образовательных технологиях и электронном обучении говорится следующее³:

– Под *дистанционными образовательными технологиями* понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников.

– Под *электронным обучением* понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

Наша позиция основана на теоретических разработках дистанционного обучения Е.С. Полат. Сотрудниками лаборатории дистанционного обучения ИСМО РАО были разработаны модели ДО, педагогические технологии ДО, методика создания курса ДО, критерии оценки курса ДО. Дистанционное обучение мы рассматриваем как форму обучения в системе образования. Разработаны 4 основные модели дистанционного обучения:

1. Интеграция очного и дистанционного обучения.
2. Сетевое обучение:
  - автономный курс дистанционного обучения;
  - информационно-образовательная среда (виртуальная школа, кафедра, университет).
3. Сетевое обучение и кейс-технологии.
4. Видеоконференции, интерактивное телевидение.

Выбор модели зависит от целей обучения и от условий, при которых возможно осуществлять обучение в дистанционной форме. В зависимости от используемой модели обучения меняется деятельность педагога. Специфика каждой модели дистанционного учебного процесса обуславливает отбор и структурирование содержания обучения, методов, организационных форм и средств обучения. В настоящее время все обозначенные модели дистанционного обучения наблюдаются в практике образования – как за рубежом, так и в нашей стране.

Обратимся к обучению иностранным языкам в современной информационно-образовательной среде. Оно имеет свои особенности, обусловленные спецификой предмета «Иностранный язык». Последняя связана прежде всего с тем, что ведущим компонентом содержания обучения иностранному языку являются не основы наук, а *способы деятельности* – обучение различным видам речевой деятельности: говорению, аудированию, чтению и письму. Еще Л.В. Щерба указывал на то, что специфика

¹ Полат Е.С. Теория и практика дистанционного обучения : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. – М. : Академия, 2004.

² Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон. Гл. 2 : Система образования. Ст. 17: Формы получения образования и формы обучения.

³ Там же. Ст. 16: Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

этого предмета состоит в овладении речью, общением, в формировании речемыслительной деятельности⁴. Во второй половине XX века в работе «Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе» впервые была выделена особая группа предметов, в задачу которых входит формирование умений, связанных с общением. К таким предметам относятся языки: родной и иностранный.

Еще одной особенностью предмета «Иностранный язык» можно считать *беспредметность*, понимаемую как возможность общаться на любые темы, соответствующие возрасту и интересам обучающихся. Данный термин был предложен И.А. Зимней⁵, в дальнейшем он был уточнен И.Л. Бим с позиций отбора тематики общения на иностранном языке.

Язык есть носитель информации (сведения об истории, культуре страны изучаемого языка, сведения из других областей знания и др.). Цель обучения иностранному языку – это формирование коммуникативных умений (коммуникативной компетенции), а не изучение некоторого круга идей, понятий. Исключения составляют лингвистические понятия и знания о системе языка, необходимые для функционирования языка как средства общения. Таким образом, иностранный язык выступает и как цель, и как средство обучения.

Существенным отличием предмета «Иностранный язык» от предмета «Родной язык» является *плотность общения* (объем речевой практики). Сферы общения на родном языке обширны, а общение на иностранном языке ограничено рамками уроков (количеством часов в неделю). Авторы методики обучения иностранным языкам под редакцией А.А. Миролюбова в качестве специфики предмета «Иностранный язык» выделяют также *объем учебных действий*, необходимых для успешного общения на иностранном языке⁶. Очевидно, что высокая плотность общения, поддерживаемая на протяжении длительного времени, обеспечивает и большой объем общения. Эти особенности взаимосвязаны.

Специфика предмета «Иностранный язык» соотносится со спецификой дистанционного обучения, основными особенностями которого являются сетевое (удаленное) взаимодействие всех участников учебного процесса и сравнительно больший объем самостоятельной работы, проводимой в режиме “Just in time”, интерактивность, отбор и структурирование учебного материала (аутентичные тексты) и др.

Работа с информацией на основе чтения текстов и просмотра видеоматериалов на иностранном языке позволяет использовать ресурсы Интернета, расширяя содержание учебника за счет аутентичной и актуальной информации (последние события в мире – спортивные, культурные, политические и т.д., тексты носителей языка – речи политических деятелей на конференциях, семинарах, информация ведущих телепередач, фильмы, видеоролики, электронные библиотеки и др.). Актуальная информация способствует повышению мотивации к изучению иностранного языка. Потенциальное количество индивидуальных образовательных траекторий в этом случае оказывается существенно большим, чем в традиционном обучении. Однако в настоящее время далеко не любой текст из интернет-ресурсов удается использовать в учебном процессе, так как не все тексты пригодны непосредственно для учебных целей.

Увеличить объем речевого общения или плотность *общения* на иностранном языке как в устной, так и в письменной форме возможно средствами интернет-технологий, Веб 2.0 (блог, форум, чат, скайп и др.), мультимедийными средствами в рамках интеграции очного и дистанционного обучения; в рамках единой информационно-образовательной среды общего и дополнительного образования, а также в профильном обучении (элективный курс, сетевая модель дистанционного обучения).

В настоящее время в образовании широко используются блоги. Блог (blog) – это средство для публикации материалов в Сети с возможностью доступа к их чтению, а также платформа для дистанционного обучения⁷. Существует множество серверов для создания блогов, например, www.blogger.com: <http://www.ning.com>. С помощью блога можно решать такие дидактические задачи, как обучение различным видам чтения, письму, устной и письменной речи.

Одним из требований к содержанию современного учебника иностранного языка является наличие заданий, связанных с проектной деятельностью. С одной стороны, такие задания способствуют развитию творческой, исследовательской деятельности, с другой – формированию информационно-комму-

---

⁴ Щерба Л.В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики : учеб. пособие для студентов филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2003. 160 с.

⁵ Зимняя И.А. Педагогическая психология : учеб. для вузов. 2-е изд. доп., испр. и перераб. М. : Логос, 2004. 384 с.

⁶ Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А.А. Миролюбова. Обнинск : Титул, 2010. 464 с.

⁷ Тим О’Рейли. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра Online 2005. URL: <http://www.computerra.ru/Authors/233481/>

никационной компетенции школьников, так как в ходе проектного исследования привлекаются, как правило, образовательные ресурсы Интернета, которые, в свою очередь, требуют умения работать с информацией⁸.

Общение с носителями языка играет существенную роль в овладении школьниками и студентами иностранным языком. Именно участие в международных образовательных проектах позволяет реализовать общение на иностранном языке со сверстниками зарубежных стран, носителями языка. Приведем примеры сайтов международных проектов: Европейская школьная сеть (<http://www.eun.org>), I*EARN (<http://iearn.org>), KIDLINK (www.kidlink.org) и др. Используя возможности сайта для голосовой связи (www.voxorop.com), преподаватель может организовать студентов для голосового общения по учебной тематике on-line в рамках дистанционного курса, увеличивая тем самым объем речевого общения на иностранном языке.

Общение людей в современном информационном мире осуществляется с помощью цифровых устройств разных видов (мобильные телефоны, смартфоны, айфоны, планшетные компьютеры и др.). Увеличить плотность речевой практики на иностранном языке можно также за счет мобильного обучения, развивающегося в настоящее время в виде концепции BYOD-bring your own device и технологий “Just in time”.

Опыт дистанционного обучения иностранным языкам:

- Центр дистанционного обучения МГУ имени М.В. Ломоносова – <http://distance.ffl.msu.ru/>
- В гимназии 1576 (г. Москва) используются модели сетевого взаимодействия и обучения с использованием Сервиса COMDI.
- Форум учителей английского языка www.englishteachers.ru – профессиональное сетевое сообщество.
- 100 лучших по рейтингу вузов мира имеют консорциумы по дистанционному обучению:
- Интернет-университет ИТ (www.intuit.ru)
- Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ) – <http://www.mubint.ru/>
- Русский гуманитарный интернет-университет – <http://www.vusnet.ru/>
- EdX – <https://www.edx.org/>
- Coursera – <https://www.coursera.org/>

Возможные сферы применения дистанционного обучения иностранным языкам в учебных заведениях:

- профильное обучение (элективные курсы);
- интеграция формального и неформального образования;
- повышение квалификации учителей/преподавателей.

Перспективы развития дистанционного обучения иностранным языкам:

- Работа с информацией в перспективе позволит использовать средства автоматической подготовки текстов, получаемых непосредственно из Интернета, к применению их в учебном процессе.
- Объем учебных действий будет расти за счет применения развивающихся в настоящее время автоматизированных систем интеллектуального диалога, работающих как с текстом, так и с мультимедиа.
- Плотность общения в перспективе может еще более повыситься в результате применения технологий дополненной реальности (компьютерного устройства в виде очков, воспроизводящих внешний мир вместе с информацией о его объектах), которые выведут современную технологию QR кодов на новый уровень).

Основные выводы:

1. Дистанционное обучение является мотивирующим фактором в изучении иностранных языков, способствует достижению личностных, метапредметных и предметных результатов обучения, а, в конечном счете, достижению цели обучения иностранным языкам: формированию иноязычной коммуникативной компетенции.
2. Дистанционное обучение способствует реализации современных образовательных парадигм – таких, как индивидуализация и дифференциация учебной деятельности, самообразование и саморазвитие обучаемых.

⁸ Владимирова Л.П. Проблемы интеграции формального и неформального образования в условиях единой информационно-образовательной среды // Открытое образование : науч. практ. журн. № 5 (100). 2013.

3. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в обучение иностранным языкам выявляет педагогическую проблему. Перед педагогической наукой встает задача методического освоения существующих современных средств обучения и исследования новых технических средств, перспективных для обучения иностранному языку.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Владимирова, Л.П. Проблемы интеграции формального и неформального образования в условиях единой информационно-образовательной среды [Текст] // Открытое образование : науч. практ. журн. – 2013. – № 5 (100).
2. Зимняя, И.А. Педагогическая психология [Текст] : Учеб. для вузов. – 2-е изд. доп., испр. и перераб. – М. : Логос, 2004 – 384 с.
3. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность [Текст] / под ред. А.А. Миролубова. – Обнинск : Титул, 2010. – 464 с.
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования [Текст] : учеб. пособие для студентов. высш. учеб. заведений / Е.С. Полат [и др.]; под ред. Е.С. Полат. – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 2009. – 272 с.
5. Полат, Е.С. Теория и практика дистанционного обучения [Текст] : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений – М. : Академия, 2004 – 416 с.
6. Тим О’Рейли. Что такое Веб 2.0 [Электронный ресурс] // Компьютерра Online 2005. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/Authors/233481/>
7. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон (Сайт: минобрнауки.рф)
8. Щерба, Л.В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики [Текст] : учеб. пособие для студентов филол. фак. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2003 – 160 с.

УДК 378

*Tea Кэмерон-Фолкнер, д-р филол. наук
Thea Cameron-Faulkner, Ph.D.*

(Манчестерский ун-т, Манчестер, Великобритания)

Функциональный подход к языку: что он дает методике преподавания?

Pedagogical Insights from the Usage-based approach to language

В статье исследуются методические возможности, заложенные в лингвистических исследованиях, идущих от употребления языка в речи (Usage-based approaches). Особое внимание уделяется лингводидактическому потенциалу системной функциональной лингвистики (Systemic Functional Linguistics), разработанной М. Халлидеем в 70-х годах XX века. В этой теории подчеркивается взаимосвязь познания языка и культуры, а также контекстуальный характер порождения и восприятия смысла. Показано, что на основе идей М. Халлидея развивается педагогическая система жанрообусловленного обучения иностранным языкам. Иными словами, понимание и порождение речевого высказывания исходит из триады: “field”, “mode” and “tenor”, то есть «о чем сообщается», «кто и кому сообщает» и «каков характер общения». Таким образом, с самого начала обучения делается упор на функциональную грамотность.

функциональная лингвистика, обучение иностранным языкам, передача и порождение смысла, контекст, культура, жанр текста, функциональная грамотность.

In this paper I present some thoughts and reviews on the potential for Usage-based approaches to contribute to foreign language teaching methodology. The report is by no means exhaustive, or novel, but hopefully will provide some indication of the value of Usage-based theory for foreign language teaching and avenues for further investigation of the subject. Usage-based approaches eschew the language competence-language performance dichotomy as proposed by formal linguists¹, and instead highlight the centrality of experience and interaction in all aspects of linguistic knowledge. In the words of Bybee, 'Grammar is viewed as the cognitive organisation of one's experience with language'². One Usage-based approach that has been particularly successful in the field of foreign language teaching is Systemic Functional Linguistics³. In this approach, language is viewed as a semiotic system of meaning-making in which form and meaning are inextricably linked. This approach therefore lends itself to communicative language teaching methodologies in which the interpersonal nature of language is viewed with the same level of importance as its more formal features. Here I outline the key tenets of the Usage-based approach, construction grammar, and focus on Systemic Functional Linguistics (SFL) in particular.

Key tenets of the Usage-based approach

The term Usage-based refers to a range of theories which share a core set of assumptions. Firstly, Usage-based approaches are based on the claim that language use shapes linguistic representation (e.g. Bybee, 2006). That is the language that we hear and use affects its storage, processing, and production. Consequently we expect to see individual differences not only between language learners but also native speakers of a language. Indeed there is evidence that this is the case⁴. Secondly, the structural components of language can be stored at varying levels of schematicity dependent upon use. For example, grammatical units that are frequently used, such as the future marker 'going to' may be reduced and stored as a chunk (i.e. 'gonna'). Thirdly, language development both as a first, second or foreign language is a consequence of learning, and therefore involves a range of cognitive processes such as categorisation, analogy and memory⁵. Finally, language is considered to be culturally and contextually embedded⁶.

This brief outline should hopefully indicate the suitability and potential of the Usage-based approach to contribute to foreign language teaching pedagogy⁷. From the learner's first steps of language exposure they begin to 'grow' their grammar. In the early stages the grammatical knowledge of the learner will be rudimentary but over time structure and knowledge will emerge through interaction and experience.

Construction grammar

Usage-based researchers often integrate their research with construction grammar. Construction grammar is a theory in which linguistic knowledge is viewed as stored pairings of form-meaning units ranging from single words to abstract constructions⁸. The notion of a continuum between the lexicon and grammar is at the heart of the approach and consequently lexical items such as *book*, and *juice*, idioms (e.g. *Come thick or thin*) and also abstract constructions (e.g. the ditransitive) are all viewed as constructions. Grammatical information can be stored at varying levels of schematicity with some constructions containing a large proportion of lexically specific knowledge while other schemas/constructions are highly abstract and general⁹.

---

¹ E.g.: Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge ; MA : MIT Press, 1965.

² Bybee J. Usage-based grammar and second language acquisition // In Peter Robinson, Nick C. Ellis (Eds.). *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. Routledge, 2008.

³ E.g.: Halliday, M.A.K. *An introduction to functional grammar* (2nd ed.). London : Arnold, 1994.

⁴ Street J., Dabrowska E. More individual differences in language attainment: How much do adult native speakers of English know about passives and quantifiers // *Lingua*, 2010. № 120. P. 2080–2094.

⁵ E.g.: Tomasello, M. *Constructing a language: A usage-based approach of language acquisition*. Cambridge, MA. : Harvard University Press, 2003.

⁶ Tyler A. Usage-based approaches to language and their applications to second language learning // *Annual Review of Applied Linguistics*, 2010. № 30. P. 270–291.

⁷ De Rycker A., De Knop S. Integrating Cognitive Linguistics and Foreign Language Teaching – Historical Background and New Developments // *Journal of Modern Languages*, 2009. № 19. P. 29–46.

⁸ Croft W. *Radical Construction Grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford : Oxford University Press 2001; Goldberg, A.E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press 1995; Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Stanford : Stanford University Press 1987. Vol. 1.

⁹ Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Stanford : Stanford University Press 1987. Vol. 1; Idem. *Foundations of cognitive grammar*. Stanford : Stanford University Press. 1987. Vol. 2.

A key factor affecting levels of schematicity is frequency. Bybee¹⁰ discusses the role played by *token* frequency and *type* frequency on the storage of constructions by foreign language learners. Token frequency refers to the number of times a particular construction is repeated or encountered. Token frequency conserves and strengthens constructions thereby promoting the accessibility of memory representations¹¹. For example, more exposure to irregular low frequency items (e.g. *wept/crept*) will result in more accurate production and less chance of over-regularisations (e.g. *weaped/ leaped*). Bybee (2006) also discusses the reducing effect that results from high token frequency. That is, high frequency forms are often reduced in quality (e.g. *gonna* – for ‘going to’ as a future marker but not as a main verb as in ‘I’m going to the park’). Type frequency relates to the number of exemplars that are represented by a particular pattern. For example, Ellis¹² discusses the productivity of the past tense morpheme *-ed* which achieves its levels of productivity as a consequence of its high type frequency.

Of particular interest to researchers involved in developmental work is the contribution of prototype exemplars to the acquisition of constructions. As discussed by Ellis (2013) and Bybee (2008) there is evidence to suggest that learners benefit from initial exposure to high frequency prototypical verbs when learning a new construction. For example, Casenhiser & Goldberg¹³ investigated type/token frequency effects in language development and found that learning was facilitated by presenting a construction with a prototypical verb first and then introducing less frequently-occurring verbs later. Similarly, Ellis & Ferreira-Junior¹⁴ found that second language learners produced prototypical verbs in constructions earlier than other verb types (see Ellis 2013). In summary construction frequency in natural language is claimed to play an important part in language learning and highlights the need to base our pedagogy and curriculum on natural discourse. That is we need to know what counts as prototypical constructions before we can effectively use them in language teaching (see Ellis, 2013).

Systemic Functional Linguistics

A combination of the Usage-based approach and construction grammar provides us with compelling insights into the types of issues that may affect foreign language learners. However, the notion of communicative function has received less attention within construction grammar approaches but, as mentioned by Evans and Green¹⁵, forms the basis of other usage-based theories, namely Systemic Functional Linguistics. Systemic Functional Linguistics (SFL) was created by M.A.K Halliday in the 1970s. Halliday’s experience as a linguist, language teacher, and parent (see Halliday, 1975¹⁶) informed his theory and in collaboration with a number of insightful SFL researchers, provides us with a rigorous theoretical approach to language and language learning. (For an in-depth explanation of the theory see Halliday & Matthiessen, 2004¹⁷). Halliday highlights the contextual and culturally specific nature of language; in his words ‘In learning language we learn culture’¹⁸. SFL highlights the importance of genres with each involving a subtly distinct set of semiotic choices and constructions, or ‘linguistic bundles’¹⁹. Thus learning a language involves learning how to mean in different genres. Meaning is defined on a number of levels in SFL but for the purposes of this brief report the focus will be on the stratum of context. According to SFL, genres consist of three contextual elements: Field, tenor, and mode. The field relates to the topic of the particular genre (e.g. in the current report the field is *Usage-based approaches to language learning*). The tenor focuses on the social roles involving the participants of the genre (e.g. the current report is written by *a researcher for fellow researchers*). Finally the mode relates to the form of the interaction (e.g. *a written report* in a journal). Therefore learning a language involves the identification of the appropriate linguistic forms used within a specific configuration of field, tenor and mode. Educational linguists have built on Halliday’s work and developed genre-based instruction and curriculum (see Martin, 2009²⁰;

¹⁰ Bybee J. From usage to grammar: the mind’s response to repetition // *Language*, 2006. № 82. P. 711–733.

¹¹ Bybee J. Op. cit.

¹² Ellis N.C. Second language acquisition // In *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. In G. Trousdale, T. Hoffmann (Eds). Oxford : Oxford University Press, 2013.

¹³ Casenhiser Devin M., Goldberg Adele E. Fast-mapping between phrasal form and meaning // *Developmental Science*, 2005. № 8. P. 500–508.

¹⁴ Ellis N.C., Ferreira-Junior F. Construction learning as a function of frequency, frequency distribution, and function // *Modern Language Journal*, 2009. № 93. P. 370–385.

¹⁵ Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.

¹⁶ Halliday M.A.K. *Learning to mean – explorations in the development of language*. London : Edward Arnold, 1975.

¹⁷ Halliday M.A.K., Matthiessen C. *An Introduction to Functional Grammar*. Routledge, 2004.

¹⁸ Halliday M.A.K. *An introduction to functional grammar...*

¹⁹ Tyler A. Op. cit.

²⁰ Martin J. Genre and language learning: A social semiotic perspective // *Linguistics and Education*, 2009. № 20. P. 10–21.

Tyler, 2010;) which fits with the content-based instruction approach to foreign language teaching. Here the role of the teacher is “to make available resources for new and independent meaning-making on the part of the user”²¹. A good example of the SLF approach to genre-based teaching can be found in Colombi²² (2009) in which an SLF approach was used to advance the literacy skills of Spanish Heritage speakers in the United States. Not all Spanish heritage speakers in the US have formal education in Spanish and therefore some learners experience problems in the context of advanced literacy skills in their home language. Colombi (2009) outlines a programme involving thematic clusters of texts (e.g. issues relating to globalisation) and focussing on the analysis of the types of lexical and grammatical features used in the text. The programme is based on authentic texts only but covers a wide range of genres (e.g. short stories, poems, academic texts, and news articles). The students follow a scheme that involves a gradual shift from inter-personal, colloquial registers (e.g. interviews and plays) to more formal genres (e.g. academic texts), promoting discussion of the key functional dimensions outlined above (i.e. field, mode, and tenor). Colombi also focusses on the use of Grammatical Metaphor (GM). As Colombi states, “GM can be characterised as a resource that condenses information by expressing experiences and events in a incongruent form, as contrasted with the more customary congruent form that prevails in everyday language use”. That is students are led to the study and analysis of low frequency forms that form an integral part of the literacy genre. Colombi suggests that Systemic Functional Linguistics provided a valuable approach in developing the literacy skills of adults from heritage language backgrounds. By focussing on language as a form of meaning-making the key skills required for advancing literacy proficiency are highlighted from the very start of the programme.

In conclusion, language, culture, cognition, and social context are all part and parcel of language. Language cannot exist in the exclusion of any of these features. As linguists we tend to focus on specific aspects of the linguistic mix but in foreign language teaching all components need to be considered in equal measure. Recent studies have demonstrated the value of Usage-based approaches to second and foreign language teaching and highlight the importance of providing an integrated approach to the study of language and language development.

References

1. Bybee, J. From usage to grammar: the mind’s response to repetition [Text] // *Language*, 2006. – № 82. – P. 711–733.
2. Bybee, J. Usage-based grammar and second language acquisition [Text] // In Peter Robinson, Nick C. Ellis (Eds.). *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. – Routledge, 2008.
3. Byrnes, H. Systemic-functional reflections on instructed foreign language acquisition as meaning-making: An introduction [Text] // *Linguistics and Education*, 2009. – № 20. – P. 1–9.
4. Casenhiser, Devin M. Fast-mapping between phrasal form and meaning [Text] // Devin Casenhiser M., Adele E. Goldberg. – *Developmental Science*, 2005. – № 8. – P. 500–508.
5. Colombi, C.M. A systemic functional approach to teaching Spanish for heritage speakers in the United States [Text] // *Linguistics and Education*, 2009. – № 20.– P. 39–49.
6. Chomsky, N. *Aspects of the theory of syntax* [Text]. – Cambridge ; MA : MIT Press, 1965.
7. Croft, W. *Radical Construction Grammar: Syntactic theory in typological perspective* [Text]. – Oxford : Oxford University Press, 2001.
8. De Rycker, A. Integrating Cognitive Linguistics and Foreign Language Teaching – Historical Background and New Developments [Text] // A. De Rycker, S. De Knop. – *Journal of Modern Languages*, 2009. – № 19. – P. 29–46.
9. Ellis, N. C. Construction learning as a function of frequency, frequency distribution, and function [Text] // N.C. Ellis, F. Ferreira-Junior. – *Modern Language Journal*, 2009. – № 93. – P. 370–385
10. Ellis, N.C. Second language acquisition [Text] // In *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. In G. Trousdale, T. Hoffmann (Eds). Oxford : Oxford University Press, 2013.
11. Evans, V. *Cognitive Linguistics: An Introduction* [Text] / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.
12. Goldberg, A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure* [Text]. – Chicago : University of Chicago Press, 1995.

---

²¹ Byrnes H. Systemic-functional reflections on instructed foreign language acquisition as meaning-making: An introduction // *Linguistics and Education*, 2009. № 20. P. 1–9.

²² Colombi C.M. A systemic functional approach to teaching Spanish for heritage speakers in the United States // *Linguistics and Education*, 2009. № 20. P 39–49.

13. Halliday, M.A.K. Learning to mean – explorations in the development of language [Text]. – London : Edward Arnold, 1975.
14. Halliday, M.A.K. An introduction to functional grammar (2nd ed.) [Text]. – London : Arnold, 1994.
15. Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar [Text] / M.A.K. Halliday, C. Matthiessen. – Routledge, 2004.
16. Langacker, R. Foundations of cognitive grammar [Text]. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1.
17. Langacker, R. Foundations of cognitive grammar [Text]. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – Vol. 2.
18. Martin, J. Genre and language learning: A social semiotic perspective [Text] // Linguistics and Education, 2009. – № 20. – P. 10–21.
19. Street, J. More individual differences in language attainment: How much do adult native speakers of English know about passives and quantifiers [Text] / J. Street, E. Dabrowska. – Lingua, 2010. – № 120. – P. 2080–2094.
20. Tomasello, M. Constructing a language: A usage-based approach of language acquisition [Text]. – Cambridge ; MA. : Harvard University Press., 2003.
21. Tyler, A. Usage-based approaches to language and their applications to second language learning [Text]. – Annual Review of Applied Linguistics, 2010. – № 30. – P. 270–291.

УДК 37.013 + 372.881.111.22

*А.А. Колесников, канд. пед. наук
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)*

Обучающая профориентация в рамках профильного курса немецкого языка (10-11 классы профильной школы)

В статье обосновывается особый вид профессиональной ориентации: обучающая профориентация (профориентационное обучение) на базе профильного курса иностранного языка. Автор подчеркивает роль профориентационного обучения в решении задачи повышения мотивации учащихся к углубленному изучению именно немецкого языка в старшей профильной школе. Описана уровневая структура профориентационного обучения, подробно рассмотрены обязательный (формальный) и факультативный (неформальный) уровни обучающей профориентации.

профориентация, обучающая профориентация, профориентационное обучение немецкому языку, профильный курс, курсы по выбору.

Термин «профессиональная ориентация» понимается в отечественном образовании как «система научно обоснованных мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии с учетом особенностей личности и социально-экономической ситуации на рынке труда, на оказание помощи молодежи в профессиональном самоопределении и трудоустройстве»¹.

Профессиональная ориентация, будучи комплексной системой, включает в себя несколько взаимодействующих составляющих. В настоящее время выделяют три основных направления профориентационной работы:

1) *профессиональное просвещение*, представляющее собой ознакомление учащихся и выпускников учебных заведений с современными видами трудовой деятельности, социально-экономическими и психофизиологическими особенностями различных профессий, потребностями в квалифицированных кадрах, требованиями, предъявляемыми профессиями к человеку, возможностями профессионально-квалификационного роста и самосовершенствования в процессе трудовой деятельности;

© Колесников А.А., 2014

¹ Профессиональная ориентация (профориентация) // Российское образование : Федер. портал. 2011. URL : <http://www.edu.ru/abitur/act.15/index.php>

2) *профессиональное консультирование*, то есть помощь учащимся в профессиональном самоопределении и предоставлении рекомендаций о возможных направлениях профессиональной деятельности на основе результатов психологической, психофизиологической и медицинской диагностики;

3) *психологическая поддержка*: методы, способствующие снижению психологической напряженности, формированию позитивного настроения и уверенности в будущем. Психологические службы также призваны проводить психодиагностику на предмет способности и готовности к выполнению той или иной деятельности².

Кроме того, исследователи указывают на наличие таких компонентов профориентации, как:

- профессиональное воспитание;
- профессиональное развитие личности;
- профессиональный отбор;
- социально-профессиональная адаптация;
- профессиональная переподготовка³.

Очевидно, что система профориентации может эффективно функционировать только при условии полной реализации ее образовательных задач. Профориентация включает в себя все образовательные составляющие: обучение, развитие, воспитание (А.М. Кухарчук, А.Б. Ценципер, Н.С. Пряжников, А.Д. Сазонов, В.Д. Симоненко, В.С. Аванесов, С.Н. Чистякова, Н.Ф. Родичев и др.)³. Признавая это, большинство исследователей, однако, обходят стороной обучающий компонент профессиональной ориентации. Вместе с тем, именно обучение дидакты рассматривают как ведущий элемент образования, который воздействует на остальные⁴. Следовательно, профориентационная работа должна включать в себя, в том числе, и *профориентирующее/профориентационное обучение*, при котором обучающие возможности учебных дисциплин используются для ознакомления в первом приближении с основными формами и видами профессиональной деятельности. Полагаем, что профориентационное обучение должно опираться на знания, навыки, умения и способы деятельности, которые уже сформированы у школьника-старшеклассника или студента в рамках основных курсов (дисциплин) и помогать ориентировать развиваемые компетенции на профессиональное самоопределение обучающегося. Думается, дисциплина «Иностранный язык», в силу своей универсальности и многоаспектности, может в особой степени способствовать организации обучающей профориентации в профильных классах старшей школы.

Итак, профориентационное обучение (обучающий вид профориентации) мы рассматриваем как особый интегративный образовательный элемент, который, с одной стороны, представляет собой компонент профориентации как системы, а с другой – обладает способностью интегрироваться с той или иной образовательной подсистемой (например, со сферой иноязычного филологического образования) и сам приобретает системный характер за счет взаимодействия со всеми основными системными категориями обучения (целями, содержанием, принципами, технологиями обучения иностранным языкам и пр.), образовательными формами и уровнями.

Конкретизируем наши рассуждения на примере профориентационного обучения немецкому языку в профильной школе (10–11 классы)⁵. Попутно отметим, что представленное в этой статье обобщение проводимого нами исследования нашло отражение в курсе лекций по методике обучения иностранным языкам, читаемом в Институте иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, а также в авторском курсе по выбору «Профориентационное обучение иностранным языкам в 10–11 классах филологического профиля». В связи с этим, полагаем, материалы этой статьи могут представлять интерес для исследователей актуальных тенденций в области современной лингводидактики.

² Профессиональная ориентация (профориентация) // Российское образование : Федер. портал. 2011. URL : <http://www.edu.ru/abitur/act.15/index.php>

³ См.: Кухарчук А.М., Ценципер А.Б. Профессиональное самоопределение учащихся. Минск : Народная асвета, 1976. 128 с. ; Профессиональная ориентация учащихся / под ред. А.Д. Сазонова. М. : Просвещение, 1988. 223 с. ; Пряжникова Е.Ю., Пряжников Н.С. Профориентация. М. : Академия, 2008. 496 с. и др.

⁴ Ср.: Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М. : Педагогика, 1989. 192 с. ; Леднев В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы. М. : Высшая школа, 1991. 224 с. ; Логвинов И.И. Дидактика: история и современные проблемы. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 205 с. и др.

⁵ Анализ возможностей обучающей профориентации на старшей ступени общеобразовательной школы (профильные классы) опирается на положения концепции профильного обучения иностранным языкам И.Л. Бим, см.: Бим И.Л. Профильное обучение иностранным языкам на старшей ступени общеобразовательной школы. Проблемы и перспективы. М. : Просвещение, 2007. 168 с.

Хотелось бы также вкратце пояснить, почему предметом нашего исследования выступает профориентационное обучение именно немецкому языку.

В настоящее время, в эпоху господства английского как языка международного общения и lingua franca, немецкому языку довольно сложно бороться за статус первого иностранного языка, а также профильного учебного предмета на старшей ступени общеобразовательной школы. Сокращается количество учащихся, изучающих немецкий язык (здесь значительную роль играют родители, многие из которых ошибочно считают, что изучать следует исключительно английский), резко снижается количество абитуриентов, поступающих на факультеты иностранных языков, на отделение именно немецкого языка. Вместе с тем, такое положение вещей резко противоречит как общемировым тенденциям развития глобального общества, стремящегося к многополярности и поликультурности, так и актуальным потребностям нашей страны, имеющей тесные культурные, политические и экономические связи с Германией.

Консультации с коллегами-преподавателями из восточно- и центрально-европейских государств позволяют сделать вывод о том, что многие школьники и студенты в этих странах стремятся освоить немецкий язык в профессионально-ориентированном ключе. Причиной тому является высокое техническое и социально-экономическое развитие Германии, а также ее открытость для высококвалифицированных специалистов и стремление развивать международное сотрудничество в области техники и новых технологий, медицины, экономики, туризма и пр. Немецкий язык все чаще становится средством овладения какой-либо специализированной профессионально-ориентированной сферой деятельности. В этой связи углубленное изучение немецкого языка в профильной школе может открыть перед учащимся уникальные возможности стать востребованным на международном рынке труда специалистом.

На наш взгляд, именно средствами профессиональной ориентации можно повысить мотивацию учащихся к углубленному изучению немецкого языка в старшей профильной школе. Профориентация способна дать ученику отчетливое представление о практической пользе немецкого языка, сферах его профессионального использования, а также позволить старшекласснику оценить свои собственные способности и свою готовность к той или иной профессии, где могут понадобиться умения профессиональной иноязычной коммуникации, да и просто сделать уроки немецкого интереснее, увлекательнее для школьников.

В свете сказанного мы предлагаем ввести понятие *«профориентационное обучение немецкому языку»* на старшей ступени общеобразовательной школы (профильный уровень). Под таким обучением будем понимать ориентацию развиваемых в рамках дисциплины «Иностранный (немецкий) язык» компетенций (иноязычной коммуникативной и ключевых) на приобретение опыта знакомства как в познавательном, так и в деятельностном плане с некоторыми аспектами различных коммуникативно-ориентированных профессиональных областей; формирование на этой основе представлений о специфике той или иной профессиональной деятельности и оценку собственных возможностей и уровня готовности к данным профессиям. Учебным результатом профориентационного обучения немецкому языку является овладение некоторыми элементарными специализированными знаниями, навыками, умениями и способами деятельности, определяющими степень знакомства с профессиональными областями (где учащемуся может понадобиться владение немецким языком для эффективного выполнения профессиональных задач), с ситуациями профессиональной интеракции и жанрами профессионального дискурса; также развитие на этой основе профессионального самоопределения.

Думается, профориентационное обучение будет эффективным в том случае, если профессиональная ориентация затронет три образовательных уровня:

– **обязательный/формальный** (подключение профориентационного компонента к профильному курсу немецкого языка);

– **факультативный/неформальный** (разработка профориентационных курсов по выбору на немецком языке);

– **окказиональный/информальный** (индивидуальная познавательная деятельность, связанная с ориентированием в мире профессий, в том числе с помощью немецкого языка, реализуемая за счет собственной активности учащегося в окружающей культурно-образовательной среде, в том числе в процессе повседневной жизнедеятельности)⁶.

Полагаем, обучающая профориентация в рамках *профильного курса* (обязательный/формальный уровень) может быть реализована за счет специальных заданий, «встраивающихся» в процессуальную составляющую курса и придающих ей прикладную профессионально-ориентированную направ-

⁶ Ср.: Memorandum über lebenslanges Lernen. Brüssel : Kommission der Europäischen Gemeinschaften, 2000. 43 S.

ленность. «Подключение» процессуального профориентационного компонента к профильному курсу может осуществляться поэтапно. Мы предлагаем выделить *ознакомительный этап* (в рамках которого происходит развитие преимущественно когнитивного аспекта профориентационной компетенции⁷); *операционально-прикладной* (прикладное использование навыков и умений в различных видах речевой деятельности в рамках специализированной коммуникации); *ситуативно-моделирующий* (моделирование ситуаций профессиональной деятельности с учетом их языковых и неязыковых составляющих).

Задача профориентационного обучения на *ознакомительном* этапе видится в том, чтобы на основе изучаемого языкового и речевого материала познакомить учащихся с особенностями профессионально-ориентированной коммуникации, некоторыми условиями той или иной профессиональной деятельности, нацелить учеников на анализ собственных личностных характеристик, оценку готовности к соответствующей профессии. В рамках этого этапа могут быть решены следующие задачи профориентационного обучения немецкому языку:

- ознакомление с профессионально значимыми личностными качествами и работа с профессиограммами;
- ознакомление со спецификой профессиональных областей за счет расширения профориентационного материала учебника;
- ознакомление с профессионально-ориентированными жанрами.

Возьмем в качестве примера тему “Aus der Geschichte der Massenmedien” (учебник “Deutsch. Mosaik” для 11 класса авт. Л.Н. Яковлевой и др.⁸). Упражнения этого блока знакомят учащихся с видами средств массовой информации, понятиями «коммуникация», «массовая коммуникация», «формирование общественного мнения», «свобода прессы» и пр., а также вкратце – с историей газет. В конце данного блока можно осуществить профориентационную «вставку», за счет которой у учащихся может быть сформировано представление о задачах и функциях журналистики, о понятии «профессиограмма» и о требованиях профессии, предъявляемых к журналистам. Эта же вставка будет уместна в блоке “Journalisten oder Schmöcke?”, где ученики знакомятся с позитивными и негативными сторонами журналистской деятельности. Вот как могут быть сформулированы задания:

Wer ist Journalist? Die Organisation “der Deutsche Journalisten-Verband” (der DJV) hat festgesetzt, wer bei ihr Mitglied werden kann. So entstand das Berufsbild des DJV.

a) Sie kennen schon die Bedeutung des Wortes “Berufsbild”, oder? Erinnern Sie sich daran! Was enthält dieses “Bild”?

b) Schlagen Sie im Lexikon folgende Begriffe nach: *Anzeigenblatt, Medienunternehmen, Öffentlichkeitsarbeit, Nachrichtenagentur, Recherche, Berichterstattung.*

c) Lesen Sie jetzt einen Auszug aus dem Berufsbild des DJV und informieren Sie sich über die Aufgaben eines Journalisten. Beantworten Sie die Fragen nach dem Text.

Учащиеся читают выдержку из профессиограммы журналиста (раздел, посвященный описанию профессии, с сокращениями⁹), дают определения специализированным терминам, отвечают на вопросы по тексту, анализируют, что их лично привлекает/отталкивает в работе журналиста и почему.

На *операционально-прикладном* этапе (который опирается на ознакомительный и может включать его в себя) решается задача подключения профориентационной составляющей к операционально-деятельностному уровню коммуникации – сформированным в рамках профильного обучения навыкам и умениям. Как справедливо отмечает И.А. Зимняя, речевая деятельность в каждом из своих видов имеет профессиональное воплощение (например, лектора, писателя и пр.)¹⁰. Основная задача предлагаемых на данном уровне заданий – эксплицировать этот профессионально-ориентированный потенциал, наглядно показать учащимся, каким образом уже сформированные навыки и умения иноязычной речевой деятельности могут использоваться в своей прикладной функции в различных профессионально-коммуникативных сферах. Приведем пример использования умений межличностной коммуникации в специализированной профессионально-ориентированной ситуации (собеседование при приеме на

⁷ См. подробнее: Колесников А.А. Этапы развития профориентационной компетенции в системе иноязычного филологического образования // Иностранные языки в школе. 2013. № 11. С.8–14.

⁸ Яковлева Л.Н. Deutsch Mosaik : учеб. нем. яз. для 11 кл. шк.л с углубл. изучением нем. яз. / Л.Н. Яковлева, М.С. Лукьянчикова, М.Д. Бузоева, К. Штарк. М. : Просвещение, 2007.

⁹ См.: Berufsbild Journalistin/Journalist. (Beschlossen auf dem DJV-Verbandstag 1996, zuletzt geändert auf dem DJV-Verbandstag 2008) // Deutscher Journalisten-Verband. URL : http://www.djv.de/fileadmin/user_upload/Infos_PDFs/Flyer_Broschuren/Berufsbild_Journalistin_Journalist.pdf

¹⁰ Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М. : Просвещение, 1991. 222 с.

работу). Школьники знакомятся с необходимыми коммуникативными стратегиями в рамках профессионально-ориентированной ситуации, опираясь на умения вести диалог-расспрос. Так, учащиеся вначале определяют, что жанр «собеседование» соответствует в своей общей структуре диалог-расспросу, которым они уже хорошо владеют. Далее уточняются представления о формате/структуре этого вида диалога и происходит ознакомление с типичными речевыми клише, которые классифицируются в соответствии с коммуникативными задачами соискателя и работодателя. Систематизация речевых формул (многие из которых уже известны учащимся) может помочь школьникам выбрать наиболее удачную коммуникативную тактику для реализации стратегии, то есть решения коммуникативных задач, возникающих во время собеседования (как вежливо возразить? Как ненавязчиво, но убедительно выразить свое мнение? Как уточнить или переспросить? И т.д.). В качестве тренировки можно предложить задание, ориентирующее на отработку умения задавать вопрос от имени работодателя при наличии приведенной реактивной реплики собеседника-соискателя (или наоборот). Подобный вид тренировки хорошо знаком учащимся. Можно также использовать задание на соотнесение вопросов и ответов. Наконец, последнее задание этой серии может нацелить учащихся на разыгрывание фрагмента собеседования, следуя предложенному «сценарию разговора», где прописаны коммуникативные задачи для реплик обеих сторон:

Sie bewerben sich um die Stelle in einer PR-Agentur. Führen Sie ein Vorstellungsgespräch. Beachten Sie das folgende Gesprächsszenario.

Phase	Arbeitgeber	Bewerber
<i>Begrüßung und Vorstellung</i>	Begrüßt den Bewerber.	
		Begrüßt den Arbeitgeber.
<i>Ein kurzer Smalltalk</i>	Stellt ein paar Fragen im Smalltalk.	
		Beantwortet die Fragen.
<i>Selbstpräsentation des Bewerbers</i>	Fragt nach der Motivation des Bewerbers und den Gründen seines Interesses für diesen Beruf.	
		Erklärt seine Motivation und erläutert sein Interesse.
<i>Ausbildung</i>	Verweist auf die abgebrochene Ausbildung (was aus dem Lebenslauf folgt).	
		Erklärt, warum er/sie die Ausbildung abbrechen musste (z.B., wegen Geldmangels sollte er/sie einen Job suchen). Verweist darauf, dass er nach einem Jahr die Ausbildung fortsetzen konnte.
	Fragt, welche Weiterbildungskurse der Bewerber absolviert hat.	
		Nennt 2 Weiterbildungskurse und erklärt seine Bereitschaft zur weiteren Weiterbildung.
	Fragt nach seiner beruflichen Erfahrung.	
		Verweist auf sein halbjähriges Berufspraktikum.
...	...	...

Диалог строится на основе использования таких коммуникативных стратегий, как разъяснение, аргументирование, возражение, полное или частичное согласие и пр.

На основе этого примера могут быть разработаны серии заданий для отработки речевых умений в рамках самых разнообразных профессионально-ориентированных жанров межличностной и групповой коммуникации: интервью, судебные прения, обслуживание клиента гостиницы, телефонный деловой разговор, переговоры, совещание и пр.

Задания на *ситуативно-моделирующем* этапе призваны обеспечить моделирование профессионально-ориентированной ситуации (определяющей условия специализированной деятельности) при использовании знаний, навыков и умений, сформированных на предыдущих этапах (ознакомительном

и операционально-прикладном). Речь идет не только об организации коммуникативного взаимодействия, моделирующего профессиональную интеракцию, но и о воссоздании прочих, в том числе экстралингвистических условий ситуации: к примеру, соответствующее оформление классной аудитории, стиль одежды и даже размещение коммуникантов относительно друг друга (что важно, например, при моделировании деловых переговоров). Полагаем, это будет способствовать достаточно глубокому проникновению в атмосферу профессиональной среды (даже на уровне модели). Данный этап предполагает реализацию образовательных технологий: проектной деятельности, ролевой игры, профессиональной пробы и пр. Как известно, многие из названных технологий требуют существенных временных затрат (например, проектная деятельность), в то время как профильный курс имеет достаточно жесткую программу, что может в определенной степени затруднить «подключение» профориентационной составляющей. Выход видится в том, что в рамках профильного курса моделирование ситуаций может происходить в сокращенном варианте. Значительную часть подготовительной работы (например, подбор необходимых/дополнительных материалов; ознакомление с функциональными обязанностями того или иного специалиста, роль которого ученики исполняют в деловой игре и пр.) учащиеся смогут проводить во внеучебное время: для этого учитель должен подготовить материал для самостоятельного изучения и/или список дополнительных источников, где школьники получают необходимые сведения, а также задания для самостоятельной работы. На занятии реализуется упрощенная модель профессиональной коммуникативной ситуации; при этом необходимо познакомить учащихся с возможностями дальнейшего профориентационного моделирования – либо в рамках иноязычных элективных курсов, либо автономной профориентационной работы. Например, в классе ученики могут отработать некоторые элементы проведения экскурсии по городу; в полном объеме эта ситуация должна быть реализована как профессиональная проба в курсе по выбору “Deutsch im Tourismus”.

Приведем пример задания, ориентирующего на реализацию полноценной модели профессионально-ориентированной ситуации «редакционный совет».

VERLAGSWESEN: PRÄSENTATION EINES BUCHES

Im Rahmen der Hauslektüre haben Sie einige Erzählungen gelesen. Stellen Sie sich vor: es sind doch keine richtigen Bücher, sondern Manuskripte. Ob sie herausgegeben werden dürfen – das sollen Sie mit Ihren Kollegen in der Sitzung Ihres Verlags entscheiden.

Sie spielen die Rolle eines Verlegers. Sie haben eine Ausgabe eines neuen Buches vorbereitet und präsentieren es jetzt den Mitarbeitern Ihres Verlags. Die Kollegen sollen entscheiden, ob das Buch hoher Auflage wert ist und treten als Experten auf. Bei der Präsentation sollen Sie 3 Faktoren berücksichtigen:

- a) das Buch muss einen großen literarischen Wert haben;
- b) es muss für bestimmte Bevölkerungsschichten von besonderer Bedeutung sein;
- c) es muss dem Verlag Gewinn bringen.

Demgemäß müssen wir 2 Teams der Experten bilden:

- 1) Literarische Kritiker;
- 2) Soziologen und PR-Manager.

Um das Buch zu bewerten, müssen die Experten Antworten auf folgende Fragen bekommen:

- a) Wer ist der Autor? Ist er bekannt? Welche Bücher hat er geschrieben? Hatten diese Bücher Erfolg? Wurden sie verfilmt? Hatten diese Filme Erfolg? Hat dieser Autor irgendwelche literarischen Preise?
- b) Worum handelt es sich im Buch (Inhalt: kurz)? Welche literarische Bewertung können Sie dem Buch geben?
- c) Für welche Bevölkerungsschichten ist das Buch gedacht? Welche Altersgruppen (Kinder, Heranwachsende, Erwachsene, ältere Leute) sind am Buch besonders interessiert? Warum?
- d) Welche weiteren Faktoren können das Kaufinteresse der Kunden wecken?

Reihenfolge der Präsentation:

- 1) Rede des Referenten;
- 2) Fragen von Experten und ihre Bewertung;
- 3) Abstimmung

Как видим, моделируемое взаимодействие опирается на содержание профильного обучения ИЯ в рамках аспекта «домашнее чтение». Задание нацеливает на использование как индивидуальных, так и групповых форм работы и таких технологий, как обучение в сотрудничестве и деловая игра. Использование первой технологии выражается в том, что учащиеся разбиваются на микрогруппы, каждая из которых выполняет свою профессионально-ориентированную задачу при моделировании взаимодействия: группы социологов, PR-менеджеров, литературных критиков, а также докладчики, презентую-

щие книги. В рамках каждой группы учащиеся распределяют свои профессионально-ориентированные роли: кто-то собирает статистические данные о читательских интересах разных возрастных категорий, кто-то ищет дополнительную информацию об авторах, чьи произведения презентуются на редакционном совете, кто-то готовит возможные вопросы докладчикам и т.п. От эффективности группового сотрудничества учащихся в ходе подготовительной работы зависит успех самой деловой игры, моделирующей профессиональное коммуникативное взаимодействие в ходе заседания редколлегии.

Обратимся к краткой характеристике профориентационных курсов *по выбору* на немецком языке (факультативный/неформальный уровень обучающей профориентации). Опыт разработки последних¹¹ показывает, что наиболее удобной и рациональной является модульная структура курса. Модули выделяются в соответствии с задачей комплексного развития профориентационной компетенции учащегося средствами немецкого языка. Это обуславливает наличие определенных критериев формирования учебного модуля:

- в содержательном плане модуль должен опираться на один из наиболее значимых аспектов профессии (или профессионально-ориентированной подготовки), в котором ярко проявляется ее специфика (например, общественные и другие функции профессии, требования к квалификации и компетенциям специалиста, сферы профессиональной деятельности и пр.);
- модуль должен быть ориентирован на развитие всех компонентов профориентационной компетенции¹², опираясь при этом на иноязычную коммуникативную, ключевые компетенции, а также основы лингвистических знаний и умений, приобретаемых учащимися в филологическом профиле;
- модуль должен обеспечивать связь с формальным и неформальным образовательными уровнями, а также реализовывать преемственность со следующим образовательным этапом (профессионального образования);
- модуль должен мотивировать учащихся к дальнейшей автономной профориентационной работе и продолжению образования по данному профессиональному направлению.

Так, например, для курса “Einführung in die Journalistik” («Введение в журналистику») были отобраны следующие модули: 1. Journalistik stellt sich vor (Знакомьтесь: журналистика). 2. Journalismus und seine Funktionen (Функции журналистики). 3. Journalist: Berufliche Qualifikation (Профессиональная квалификация журналиста). 4. Journalistische Arbeitsfelder und Berufsprofile im Überblick (Сферы профессиональной деятельности журналиста). 5. Printmedien: Zeitungen (Печатные СМИ: газеты). 6. Printmedien: Zeitschriften (Печатные СМИ: журналы). 7. Hörfunk und Fernsehen (Радио и ТВ). 8. Journalismus: Zukunftsaussichten (Журналистика: перспективы развития).

Каждый модуль включает в себя следующие образовательные фазы:

1. *Фаза ознакомления.* Модуль начинается с общего введения в тот или иной аспект профессиональной деятельности. Вначале рекомендуется (на основе проблемных вопросов и/или с помощью заданий к коллажу) активизировать все имеющиеся у учащегося знания (полученные как в рамках профильного курса, так и самостоятельно) по рассматриваемому аспекту профессии, на которые будет опираться дальнейшее обучение.

2. *Фаза учебной коммуникации.* Учащиеся практикуются в применении изученного специализированного материала в рамках *обучающей коммуникации* – то есть коммуникации, направленной на тренировку в использовании специализированного лексико-грамматического и речевого материала для обсуждения актуальных профессиональных вопросов и проблем и дальнейшего знакомства со спецификой профессионального дискурса в условиях моделирования ситуаций.

3. *Фаза моделирования элементов профессиональной деятельности.* Итогом работы над модулем является *практическое* знакомство учащихся с тем или иным аспектом профессиональной деятельности за счет моделирования ситуации и создания авторского продукта профессионального дискурса (в нашем случае – публицистического текста). Таким образом, каждый модуль курса завершается проектной работой, вовлекающей учеников в элементы профессиональных ситуаций журналистской деятельности.

В заключение нашей краткой характеристики обучающей профориентации отметим, что основным препятствием для внедрения профориентационного обучения немецкому языку (как и другим иностранным языкам), на наш взгляд, является тотальная ориентация старшей школы на итоговое тестирование в формате ЕГЭ. Анализ ситуации в школах г. Рязани, где ведется углубленное обучение ино-

¹¹ См. изданное учебное пособие профориентационного элективного курса: Колесников А.А. Einführung in die Journalistik: Элективный курс на немецком языке : учеб. пособие для 10–11 кл. общеобразовател. учреждений (профильный уровень) и шк. с углубл. изучением нем. яз. Рязань : Узорочь, 2010. 184 с.

¹² Колесников А.А. Этапы развития профориентационной компетенции...

странным языкам, показывает, что школы не видят необходимости в дополнительных образовательных возможностях, предусмотренных образовательным стандартом (например, элективных курсах, профессиональных пробах, практиках и пр.), если эти курсы не нацелены на подготовку к ЕГЭ. Неправомерная, по нашему мнению, формализация итогового контроля резко ограничивает возможности развития личности учащегося за счет иностранного (в частности, немецкого) языка, мешает реализации широких потенциальных возможностей этого предмета, не позволяет в должной степени осуществлять развитие профессионального самоопределения средствами данной дисциплины.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии [Текст]. – М. : Педагогика, 1989. – 192 с.
2. Бим, И.Л. Профильное обучение иностранным языкам на старшей ступени общеобразовательной школы. Проблемы и перспективы [Текст]. – М. : Просвещение, 2007. – 168 с.
3. Зимняя, И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе [Текст]. – М. : Просвещение, 1991. – 222 с.
4. Колесников, А.А. Einführung in die Journalistik: Элективный курс на немецком языке [Текст]: учебн. пособие для 10–11 кл. общеобразовател. учреждений (профильный уровень) и шк. с углубл. изучением нем. яз. – Рязань : Узорочье, 2010. – 184 с.
5. Колесников, А.А. Этапы развития профориентационной компетенции в системе иноязычного филологического образования [Текст] // Иностранные языки в школе. – 2013. – №11. – С.8–14.
6. Кухарчук А.М. Профессиональное самоопределение учащихся [Текст] / А.М. Кухарчук, А.Б. Ценципер. – Минск : Народная асвета, 1976. – 128 с.
7. Леднев, В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы [Текст]. – М. : Высшая школа, 1991. – 224 с.
8. Логвинов, И.И. Дидактика: история и современные проблемы [Текст]. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 205 с.
9. Профессиональная ориентация (профориентация) [Электронный ресурс] // Российское образование : Федерал. портал. – 2011. Режим доступа: <http://www.edu.ru/abitur/act.15/index.php> (дата обращения: 30.04.2014)
10. Профессиональная ориентация учащихся [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / под ред. А.Д. Сазонова. – М. : Просвещение, 1988. – 223 с.
11. Пряжников Е.Ю. Профориентация [Текст] / Е.Ю. Пряжникова, Н.С. Пряжников. – М.: Академия, 2008. – 496 с.
12. Berufsbild Journalistin/Journalist. (Beschlossen auf dem DJV-Verbandstag 1996, zuletzt geändert auf dem DJV-Verbandstag 2008) [Electronic recourse] // Deutscher Journalisten-Verband. – Mode of access: http://www.djv.de/fileadmin/user_upload/Infos_PDFs/Flyer_Broschuren/Berufsbild_Journalistin_Journalist.pdf (дата обращения: 30.04.2014)
13. Memorandum über lebenslanges Lernen [Text]. – Brüssel : Kommission der Europäischen Gemeinschaften, 2000. – 43 S.

УДК 378 + 81'255+ 811.161.1

Нина Шань, доц.
(Чанчуньский ун-т, Чанчунь, Китай)

Место перевода в системе упражнений, обучающих логике связного высказывания

В статье обосновывается роль переводческих заданий для повышения эффективности связных продуктивных высказываний в плане их логичности, связности и уместности в конкретной коммуникативной ситуации. Мы считаем необходимым идти от анализа готовых высказываний к синтезу, причем анализ проводится по существенным компонентам коммуникативной ситуации. Перевод с родного языка на иностранный по-

могает уточнить задачу каждой речевой тактики как компонента общего коммуникативного намерения. При порождении высказывания перевод помогает облечь частное речевое действие в форму, обеспечивающую прагматическую уместность и связность частей высказывания, подчиненность каждой части общему замыслу и адекватность использования средств когезии. Исследование выполнено на материале русского языка как иностранного и китайского как родного.

перевод, анализ, синтез, коммуникативная ситуация, когезия, когерентность, коммуникативная тактика, замысел.

Логика построения связного высказывания определяется авторским замыслом, который включает коммуникативное намерение передать слушателю/читателю необходимую информацию и тем самым воздействовать на него, побуждая его использовать эту информацию для своих целей. При этом и автор высказывания, и адресат находятся в режиме постоянного взаимодействия. Первый старается ответить на вопросы воображаемого слушателя/читателя, второй пытается предвосхитить дальнейшее развитие мысли.

Переводчик, являясь посредником между автором высказывания и реципиентом, руководствуется обоими коммуникативными намерениями, – с одной стороны, предугадывая развитие мыслей говорящего автора, а с другой стороны, предвосхищая вопросы адресата. В переводчике, как видно из вышесказанного, соединяются две функции и, следовательно, способы их реализации. Поэтому переводчик никогда не ограничивается только анализом, а синтез при переводе никогда не бывает произвольным: он всегда зависит от результатов анализа.

В этом контексте принципиально важной для нас является *опора на анализ как путь к синтезу* в обучении продуктивному устному или письменному высказыванию. Анализ проводится по компонентам коммуникативной ситуации, влияющим на коммуникативное намерение говорящего/пишущего. Такой подход помогает полностью уйти от формального подражания по принципу «составьте свой монолог/диалог на основе образца». Студенты осознают, в какой степени речевая интенция диктует формулировку постулата, иерархию характеристик объекта высказывания, отбор слов и структур, и как исказится коммуникативное намерение, если переставить местами аргументы, поменять причинно-следственный союз или заменить один модальный глагол на другой. Подобный анализ позволяет модифицировать исходное высказывание или строить собственное по параметрам максимальной эффективности в данной коммуникативной ситуации.

И в том и в другом случае, при обучении составлению связного высказывания упражнения в переводе не являются процессуально чужеродными. Более того, перевод привлекает внимание студентов к использованию средств когезии и когерентности, обеспечивающих связность высказывания, последовательность изложения информации и, безусловно, целостность высказывания. М.А.К. Хэллидей рассматривает когезию как набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, отличает текст от «не текста» и служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст; она выявляет, как текст организован в семантическое целое¹. В понимании И.Р. Гальперина когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.² Когезия текста тесно связана с его когерентностью (монотематичностью и целостностью), при которой развивается последовательно одна тема во всех предложениях, при наличии структурных связей между ними, а также – с коммуникативной внутренней организацией текста, то есть динамизмом высказывания от «данного» к «новому» вследствие опоры каждого последующего предложения на предыдущее³.

Когерентность и когезия, цементирующие текст, коммуникативные тактики, предопределяющие его развитие, коммуникативная ситуация, свидетельствующая о его эффективности и уместности – все это определяет логику высказывания. Эта логика достигается с помощью упражнений, среди которых упражнения в переводе являются частью общей системы. При создании связных высказываний необхо-

¹ Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.

² Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

³ Лопатухина Т.А. Категории, характеристики и сферы функционирования текста как средства обучения
URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4106

димо использовать уточняющие характеристики. Здесь трудность состоит в том, что учащийся должен выбрать нужную характеристику, для чего ему необходимо подобрать языковую единицу, соотнести ее с имеющимся контекстом и тем самым определить ее эффективность.

Однако если нашей задачей является логичность высказывания, а не припоминание лексической единицы и особенностей ее употребления, то перевод снимает вышеупомянутые трудности. Например: *Выберите оптимальную характеристику объекта:* «这曾是一个不大、舒适, 但.....的房间。这曾是 一间不大的舒适的, 但... (неопрятная 不整洁的, старомодная 老式的, темная 黑暗的) комната». Впоследствии можно дать упражнения на самостоятельный поиск лексической единицы. Подобные упражнения используют при подборе деталей, позволяющих рассматривать один и тот же предмет и одно и то же явление с разных сторон.

При переводе выясняется задача каждой из коммуникативных тактик и соответствие этой задачи условиям коммуникативной ситуации, предполагающей уместность высказывания и его эффективность. Перевод помогает определить соответствие формы выражения мысли замыслу высказывания. Так, при описании какого-либо объекта перевод его характеристик может создать образ этого объекта.

Приведем пример: «На табурете было неудобно сидеть, потому что не было спинки, на которую можно было бы облокотиться, но в комнате не было стула, и пришлось довольствоваться табуретом». Задание состоит в том, чтобы дать дефиницию слову «стул» с опорой на вышеприведенный контекст. Для того чтобы перейти к обучению «объяснению путем описания», лучше всего начать с перевода, т.к. на родном языке учащимся легче следовать логике построения дефиниции:

椅子是一种有靠背、有的还有扶手的坐具 «стул» – предмет мебели со спинкой, на которую можно облокотиться, когда на него сядешь.

Обучение последовательности изложения информации в связном высказывании начинается обычно с плана высказывания, но он требует глубокого анализа исходного текста и последующей формулировки пунктов плана на иностранном языке, что является достаточно большой трудностью для студентов-филологов, а тем более студентов-нефилологов, поэтому упражнение в анализе и выделении ключевых слов в тексте может предварять составление плана. В этом случае эффективным упражнением может быть перевод ключевых слов уже прочитанного текста с родного языка на иностранный («обратный перевод») при одновременном установлении порядка их следования, соответствующего логике развития текста. Так студенты не только уясняют значение каждого ключевого слова или каждой фразы, но воспринимают их как вехи развертывания мысли. Дальнейшее упражнение в переводе-парафразе с иностранного языка на родной может способствовать обучению составлению плана, и, наконец, перевод средств связи с иностранного языка на родной и установление их контекстуальной значимости дает возможность определить логическое соответствие каждой коммуникативно значимой части текста своему месту в последнем и тем самым способствует безошибочности логики пересказа-переложения текста с родного на иностранный язык.

Таков путь составления пересказа-переложения текста с родного языка на иностранный. Как видно из вышесказанного, этот порядок соответствует соблюдению правил когерентности и когезии. В дальнейшем, как показывает практика, такая последовательность упражнений является хорошим средством обучения самостоятельному высказыванию, особенно в тех случаях, когда соблюдается последовательность обучения письменному выражению мыслей от описания и повествования к объяснению и полемике.

Приведем примеры заданий, направленных на обучение письменному пересказу-изложению текста на иностранном языке.

Текст дается на русском как *иностранном языке*:

Я думаю, что реклама – это маленький спектакль, который за короткое время может убедить читателя в высоком качестве товара, и это очень интересный спектакль. Например, я часто вижу на улице рекламу сигарет (хотя считаю, что такой рекламы не должно быть на улице). Издали ты думаешь, что там повисла большая сигаретница. А на самом деле просто художник пользуется стереометрией, создавая изображение настоящей коробки. В общем, такую рекламу трудно описать, надо своими глазами увидеть, но такая реклама выполняет свою роль, – привлекает внимание прохожих и водителей.

Задание 1

Прочитайте текст на русском языке и выберите предложение, наиболее точно отражающее его содержание.

- 1) Рекламы сигарет не должно быть на улице, даже если эта реклама – настоящий спектакль.
- 2) Рекламу трудно описать, надо своими глазами увидеть.
- 3) Реклама – маленький спектакль, который привлекает прохожих и водителей.

Третье предложение наиболее точно соответствует замыслу автора текста, так как отражает одновременно форму рекламы и ее функции.

Задание 2

Изложите текст на китайском языке (см. образец ниже).

我认为广告就像一场小型戏剧演出，它能使读者在短时间相信产品的质量，并且是很有趣的一场演出。例如，我经常在街道上看见香烟的广告（虽然我认为这样的广告不应该在街道上出现）。在远处你就会想一个大香烟盒悬挂在那。而实际上是艺术家利用立体几何学创建真盒子的图像。总而言之，很难描述这样的广告，应该亲眼目睹一下，但是这样的广告起到吸引过路人和司机的作用。

Перевод текста на китайский язык снимает трудности в понимании содержания текста.

Задание 3

Переведите ключевые слова на китайский язык (словосочетания даны в произвольном порядке) и установите их последовательность в соответствии с содержанием текста.

Ключевые слова	Перевод на китайский
большая сигаретница	大香烟盒
настоящая коробка	真盒子
выполнять роль	起作用
привлекать внимание	吸引注意力
маленький спектакль	小型戏剧演出
короткое время	短时间
высокое качество	高质量
реклама сигарет	香烟广告

Задание 4

Составьте фразы на китайском языке, включающие данные словосочетания, переведите их на русский язык.

Например, 广告就像一场小型戏剧演出。

Реклама – это маленький спектакль.

Подчеркните средства связи, обеспечивающие когезию в тексте.

(Например, я думаю, интересный спектакль, часто, на улице, реклама, она и др.).

Составьте план текста на китайском языке.

а) 广告的作用，相信产品的质量

Роль рекламы, убеждение в качестве товара;

б) 举例说明广告的重要性

Пример, подтверждающий важность роли рекламы

с) 使用现代化手段做广告

Использование современных средств для привлечения внимания к рекламе.

Ключевые словосочетания, выстроенные студентами в порядке их появления в тексте, распределяются в соответствии с пунктами плана, а затем переводятся на русский язык. Потом обучающиеся составляют структурный каркас текста, пользуясь ключевыми словами и средствами когезии и когерентности.

Когезия текста обеспечивается местоимениями, синонимическими заменами, лексическими повторами и т.д.

Что же касается когерентности, то она объективно присутствует в тексте благодаря содержанию и расположению его частей. Ее можно выявить при членении текста по коммуникативным блокам⁴,

⁴ Колкер Я.М., Устинова Е.С. Коммуникативный блок и сверхфразовое единство как инструменты выявления функций членения художественного текста на абзацы // Иностранные языки в высшей школе. 2006. Вып. 4.

расположенным на разных уровнях членения текста по отношению к постулату, который располагается на самом высоком (первом) уровне членения (равно как и подтвержденный постулат, завершающий текст).

1. Постулат: реклама – интересный и убедительный спектакль (аналогия)
2. Пример уличной рекламы (с оговоркой, что ее предмет, согласно мнению автора, не должен рекламироваться на улицах):
  3. Упоминание рекламируемого товара
  4. Визуальное впечатление, создаваемое рекламой
  5. Способ создания визуального эффекта.
  4. Необходимость видеть рекламу своими глазами, чтобы оценить ее.
1. Подтвержденный постулат: подобная реклама выполняет свою роль – привлекает внимание.

Мы позволили себе привести эту логическую схему текста для того, чтобы подчеркнуть, что последний может быть когерентным даже при отсутствии эксплицитных средств связи. В данном тексте когерентность эксплицитно выражена упомянутыми средствами когезии, в других текстах когерентность создается самой логикой организации предложений, составляющих текст, и единиц больше предложения. И перевод здесь играет свою роль, – особенно суммирующий перевод, где конкретные средства когезии могут претерпеть изменения, но логика развертывания мысли остается прежней.

Приведем пример учебного текста, который давался студентам-нефилологам с целью формирования умения вычленять основные мысли автора и выражать свое отношение к ним:

Сейчас нетрудно поступить в университет. Можно заплатить деньги за обучение, и ты – студент! Это хорошо – у всех есть шанс получить хорошую профессию. Но не все понимают, что самое трудное – впереди. Нельзя купить знания! Их надо получать каждый день все четыре года учебы. Надо хотеть учиться и уметь учиться. И важно любить то, что ты делаешь. Я хочу учиться и люблю свою специальность. Я знаю, что могу стать хорошим инженером.

Текст, написанный как аутополемика, призван доказать, что знания надо получать упорным ежедневным трудом. Основные речевые тактики – изначальная ирония (заплатил деньги – и ты студент!) и серьезный аргумент в поддержку платного обучения, который уравнивается контраргументом «Нельзя купить знания!» Эта мысль далее конкретизируется с помощью расчленения на конкретные требования (ежедневное обогащение знаниями, умение и желание учиться, любовь к избранному делу) и на следующем уровне членения подкрепляется собственным примером. В тексте очень скупо представлены эксплицитные средства когезии: союзы *и, но*; местоимение *это* как заместитель предыдущего предложения, антонимия модальных структур *можно заплатить – нельзя купить*, повтор местоимения *я*. Однако логическая структура высказывания прозрачна.

1. Сейчас нетрудно поступить в университет	1. Но не все понимают, что самое трудное – впереди.		
2. Можно заплатить деньги за обучение, и ты – студент!	2. Нельзя купить знания!		
3. Это хорошо – у всех есть шанс получить хорошую профессию.	3. Их надо получать каждый день все четыре года учебы.	3. Надо хотеть учиться и уметь учиться.	3. И важно любить то, что ты делаешь.
	4. Я хочу учиться и люблю свою специальность. Я знаю, что могу стать хорошим инженером.		

Затем на китайском языке дается линейная развертка высказывания, представленная только средствами когезии. Эти *потенциальные* единицы текста (то есть имплицитно представленные на иностранном – русском – языке: *С одной стороны, сейчас ....., так как можно .....* *Но с другой стороны, ..., ибо нельзя. .... Это означает, что, во-первых, ..., во-вторых, ..., и в-третьих, ...* *Так, например, я .....*) выстраиваются достаточно объективно за счет схемы. Их китайский аналог может выглядеть следующим образом:

1. 现在考大学不容易。	1. 但不是所有的人都明白，最难的还在以后呢。		
2. 交上学费，你就是大学生了！	2. 用金钱买不到知识。		
3. 所有人都有获得一份好职业的可能性，这一点很好。	3. 大学四年每天都要学习。	3. 要想学习并且会学习。	3. 重要的是喜欢你做的事情。
		4. 我想学习并且喜欢自己的专业。我知道，我会成为一名好的工程师。	

Задача студентов – создать высказывание на русском языке, отвечающее этой схеме, со всеми логическими связками. Задание допускает известную степень вариативности.

Другой вид задания – обратный перевод с родного языка на иностранный (на основе прочитанного текста) с иной комбинаторикой предложений в связном высказывании. В зависимости от линейной последовательности предложений, объединенных в связную реплику, высказывание может звучать пессимистично или оптимистично, давать отрицательную или положительную оценку объекта, означать согласие или отказ и т.п. Например, студенты переводят предложения в заданной последовательности, а затем на иностранном языке выбирают соответствующий постулат. При этом предложения надо объединить союзами. Ср.:

我希望能获得一份好的工作。/我担心我不能得到一份好的工作。
我没有经验。我善于并且喜欢工作。我喜欢学习一些新东西。
我善于并且喜欢工作。我喜欢学习一些新东西。我没有经验。

Надеюсь, что я смогу / Боюсь, что я не смогу получить хорошую работу.

а) У меня нет опыта. ... Я умею и люблю работать. ... Мне нравится учиться чему-то новому.

б) ... Я умею и люблю работать. ... Мне нравится учиться чему-то новому. .... У меня нет опыта.

В результате студенты убеждаются в весомости сильной финальной позиции, меняющей точку зрения говорящего.

Как видно из приведенных соображений и из заданий в практике построения письменного текста, обучение логике создания такого текста становится более эффективным, если в процессе обучения использовать перевод как опору, способствующую установлению связи между коммуникативно значимыми частями текста.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст]. – М. : Наука, 1981.
2. Колкер, Я.М. Коммуникативный блок и сверхфразовое единство как инструменты выявления функций членения художественного текста на абзацы [Текст] // Я.М. Колкер, Е.С. Устинова Е.С. – Иностранные языки в высшей школе. РГУ имени С.А. Есенина. – 2006. Вып. 4.
3. Лопатухина, Т.А. Категории, характеристики и сферы функционирования текста как средства обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4106
4. Halliday, M.A.K. Cohesion in English [Text] / M.A.K. Halliday, R. Hasan, London, 1976.

Раздел V

Институт Конфуция: Проблемы современной синологии

УДК 378 + 81'342 + 811.581.11

*Хань Биншуан, ст. преподаватель
(Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)*

Замечания относительно сложностей преподавания фонетического аспекта китайского языка иностранцам¹

Обучение фонетике является основным и одним из важнейших этапов процесса обучения иностранных студентов китайскому языку, а также нередко является «камнем преткновения» для учащихся. В статье рассмотрены основные сложности, возникающие при обучении фонетике, обобщен опыт и экспериментальные данные, полученные исследователями, а также представлены выводы, сделанные автором, которые могут быть полезны для решения рассмотренных проблем.

обучение иностранных студентов китайскому языку, обучение фонетике, трудности обучения.

Овладение фонетикой – основа изучения любого языка, и обучение фонетическому аспекту китайского языка составляет одну из важнейших частей учебного процесса в целом. Проблемы с произношением существуют у множества иностранных студентов. Нередко наличие явного акцента проявляется даже у тех, кто изучает язык в течение относительно длительного времени, следовательно, значимость обучения фонетическому аспекту языка неоспорима. На материале собственного опыта и опыта других педагогов автором был проведен анализ некоторых сложностей, возникающих в вышеуказанном процессе. Возможно, проделанная работа поможет облегчить пусть овладения студентами фонетикой китайского языка.

I. Сложности, возникающие в процессе обучения фонетическому аспекту китайского языка.

1) Интерференция родного языка

Вне зависимости от типологических характеристик родного языка учащихся, при изучении китайского каждый студент время от времени допускает типичные для своих соотечественников ошибки, в речи каждого проявляются негативные последствия лингвистической интерференции.

Например, студенты из англоязычных стран нередко сталкиваются с проблемой при произнесении звука [h]: несмотря на старание учащихся, очень часто он звучит неточно, а произнесение сочетаний слогов с этим звуком соответственно оказывается еще более сложным. Причиной этому является тот факт, что в английском языке звук [h] – фарингальный, поток воздуха выходит прямо из легких, голосовая щель и ротовая полость не играют особой роли при его произнесении, место возникновения щели – глотка, а не ротовая полость, как в китайском. Поэтому сложность произнесения сочетаний, подобных “huánghé hěn hǎo”, для таких студентов вполне очевидна.

Что касается студентов-выходцев из таких азиатских стран, как Южная Корея или Япония, то для них особой сложностью является произнесение звука [r], так как в их родных языках подобные звуки отсутствуют. Крайним проявлением такой интерференции является замена звука [r] на [l], например, слово “人民” [rénmín] (народ) в устах студентов приобретает вид [lénmín].

© Хань Биншуан, 2014

¹ Перевод с китайского языка выполнен ассистентом кафедры восточных языков и методики их преподавания РГУ имени С.А.Есенина Левиной (Клочковой) Маргаритой Вячеславовной.

2) Сложности, связанные с овладением четырьмя тонами китайского языка.

Китайский – тоновый язык, тоны в нем выполняют смысловоразличительную функцию, именно поэтому овладение четырьмя тонами имеет исключительное значение при изучении китайского языка. При обучении аудированию и говорению овладение тонами является необходимым фактором развития способностей восприятия речи на слух, а также для устного выражения собственных мыслей. В большинстве случаев понятие тона как неотъемлемого элемента формы слова отсутствует в родных языках обучающихся, соответственно студентам сложно дается понимание и усвоение незнакомого явления, часто возникают трудности с развитием способности различения тонов. Следовательно, этап изучения и отработки тонов может быть рассмотрен как одна из основных сложностей и ключевых моментов в процессе изучения китайского языка в целом.

Сложности в освоении тонов китайского языка – нередкое явление, на начальном этапе «акцент» в речи студентов неизбежен. При этом можно выделить два основных типа произносительных трудностей, связанных с овладением тонами китайского языка.

Учащимся, родной язык которых не является тоновым, сложно свыкнуться с излишней, как им кажется, мелодичностью китайского; таким студентам нелегко определить верную тональность, и, следовательно, постоянно присутствует подозрение в неверности произнесенного. Например, российские и южнокорейские студенты испытывают особые трудности при овладении восходящим и нисходящим тонами.

Что касается студентов, которые знакомы с явлением тона как обязательного компонента формы слова, благодаря тому, что оно присутствует в их родном языке, их основная сложность заключается в точности различения тонов. Для учащихся из Вьетнама, Таиланда типичные ошибки возникают при изучении и отработке ровного и нисходящего тонов.

На начальном этапе знакомства с тонами, нисходяще-восходящий тон сложнее всего поддается усвоению, однако после достаточного количества узконаправленных тренировок произношение учащихся в целом достигает нужного тонального значения. В то же время сложности могут возникнуть и при произнесении двусложных элементов, каждый из слогов которого имеет нисходяще-восходящий тон. Основная причина подобной проблемы – незнание или непонимание студентами необходимости изменения тона в подобных ситуациях. В китайском языке существует ощутимое различие между тоном отдельных слов и тоном элементов в естественном потоке речи. На начальном этапе студентам, как правило, предлагается освоить тоны отдельных слов, что вызывает сложности при дальнейшем произнесении их сочетаний или высказываний. Например, некоторые обучающиеся в предложениях “我想请你看电影” [wǒ xiǎng qǐng nǐ kàn diànyǐng] («Я хочу пригласить тебя в кино») или “好好写作业” [hǎohǎo xiě zuòyè] («Тщательно выполните письменное домашнее задание») произносят глагол 想 [xiǎng] и сочетание 好好 [hǎohǎo] с полным нисходяще-восходящим тоном вместо неполного. Все вышперечисленные трудности достаточно типичны для студентов, изучающих китайский язык как иностранный.

II. Современное состояние традиционной методики преподавания и исследований в области методов обучения фонетике.

В традиционных подходах к обучению фонетике на начальной ступени, как правило, вводится узкоспециализированный блок упражнений, направленный исключительно на развитие и отработку произносительных навыков.

Однако при небольшом количестве учебных часов (2–3 раза в неделю) нередко происходит следующее: в процессе обучения фокус смещается на овладение лексическим, грамматическим и другими аспектами языка, а отработка фонетических навыков постепенно отходит на второй план. Часто подобное упущение приводит к тому, что произношение студентов не получает должной коррекции в «идеальный» для этого период; а позже, когда неверные произносительные привычки уже сформировались, преподавателю нередко бывает не под силу их исправить.

Благодаря результатам многолетней практики и методических исканий преподавателей китайского языка, работающих с иностранной аудиторией, редакторы некоторых учебных пособий постепенно меняют их структуру, отказываясь от традиционного однофазного этапа изучения фонетического аспекта языка. Например, в учебном пособии 《初级汉语课本》 [chūjí hànyǔ kèběn] («Начальный курс китайского языка») нет отдельного модуля, посвященного исключительно фонетике; в данном УМК комплексно вводятся фонетический, лексический и грамматический аспекты².

² Чэн Тан. Некоторые вопросы обучения иностранных студентов фонетике китайского языка // Преподавание и изучение иностранных языков. 1996.

Кроме того, некоторые современные исследователи полагают, что при обучении фонетике необходимо избегать упражнений, построенных на материале отдельных слов; использование в целях отработки произносительных навыков словосочетаний, цельных высказываний, отрывков и т.п. оказывает более благоприятное воздействие на развитие фонетических навыков, минимизируя вероятность возникновения произносительных трудностей в естественном потоке речи³.

III. Анализ трудностей, возникающих при обучении фонетическому аспекту языка.

Известно, что понимание природы явления происходит по схеме практика – осознание – повторная практика – повторное осознание. Чжао Юаньжэнь в своей работе «Проблемы языка» указал: «Фонетический аспект языка – самый сложный и самый значимый»⁴. Именно поэтому изучение фонетики – самый противоречивый этап на начальной стадии овладения китайским языком, и достаточная отработка произносительных навыков – обязательное его условие.

Как бы то ни было, по мнению автора, необходимо отдать должное традиционным методам: каждый подход к обучению уникален и имеет собственные преимущества, избирая различные аспекты языка в качестве ключевых. Соответственно, мы считаем, что традиционный метод введения единичного модуля, направленного на изучение фонетики, и современный комплексный подход, при котором развитию произносительных навыков уделяется внимание на протяжении всего начального этапа, отнюдь *не противоречат друг другу* – второй является *логичным развитием* первого, дополняя его. На этапе изучения фонетики закладывается необходимая основа, а в дальнейшем, при изучении грамматики и лексики, фонетические навыки продолжают развиваться, что позволяет добиться более эффективных результатов при минимальной затрате сил.

Проанализировав многочисленные трудности, возникающие в учебном процессе, а также суммировав опыт предшественников, мы сделали следующие выводы:

Во-первых, для эффективного обучения преподавателю необходимо безупречное владение языком, требуются знания о языке, о его культурном и (что является ключевым) фонетическом аспекте (о месте и способе артикуляции конкретного звука и т.п.). Своевременная коррекция ошибок, допускаемых студентами, также необходима, поскольку она формирует точные произносительные навыки, а также закладывает прочную произносительную основу для последующих этапов изучения иностранного языка. Таким образом, повышается качество и темп усвоения материала.⁵

Во-вторых, так как ритм и темп в родных языках учащихся отличается от китайского, в котором особое значение придается мелодичности и плавности речи, необходимо с самого начала обращать внимание студентов на эти особенности, во избежание явления «проглатывания» или излишней протяжности звуков, а также для развития верного чувства темпа и «мелодичности».

Желательно также включать в обучение фонетическому аспекту языка коммуникативные задания, что позволяет студентам осознать изменения тонов *в потоке речи*, таким образом, упрощая процесс овладения тонами и повышая коммуникативность обучения.

Выше были рассмотрены только некоторые из трудностей обучения иностранцев фонетике китайского языка. Автор в равной степени опирался на методические исследования и на собственный опыт.

Однако следует отметить, что большое количество проблем все еще нуждается в эмпирическом анализе и поиске эффективных решений.

Список использованной литературы

1. Майцзи, В.Ф. Исследование преподавания иностранных языков [Текст]. – Изд-во Пекин. ин-та. ин. яз., 1990.
2. Чжао, Сяньчжоу. Теория преподавания китайского языка иностранным студентам [Текст] / Сяньчжоу Чжао, Вэйминь Ли, Шанхай. изд. дом, 1990. – С. 58.
3. Чжао Юаньжэнь. Вопросы языка [Текст]. – Пекин : Коммерч. изд. дом, 1980.
4. Чэн Тан. Некоторые вопросы обучения иностранных студентов фонетике китайского языка [Текст] // Преподавание и изучение иностранных языков, 1996.

³ Чжао Сяньчжоу, Ли Вэйминь. Теория преподавания китайского языка иностранным студентам. Шанхай. изд. дом, 1990. С. 58.

⁴ Чжао Юаньжэнь. Вопросы языка. Пекин : Коммерч. изд. дом, 1980.

⁵ Майцзи В.Ф. Исследование преподавания иностранных языков. Изд-во. Пекин. ин-та иностр. яз. 1990. С. 454.

Языковые и жанрово-композиционные характеристики китайских интернет-произведений¹

Статья продолжает обсуждение проблемы, поднятой в предыдущей публикации (см.: «Иностранные языки в высшей школе». Вып. 2014, 28(1)), и рассматривает интернет-произведения по ряду параметров формы и содержания, позволяющих судить о типичных особенностях современной интернет-литературы в Китае и о качестве сетевой литературы. В статье, в частности, рассматриваются такие параметры, как фигура повествователя (от чьего лица ведется повествование), соотношение вымысла и изложения подлинных событий, наличие непосредственного диалога с читателями как фактора, влияющего на развитие повествования, а также наиболее типичные сюжеты интернет-произведений.

литературность, фигура повествователя, дневниковая запись, автобиографичность, автокатарсис, сюжет, интерактивность.

Статья посвящена анализу «литературности» современных интернет-сочинений, публикуемых на китайском языке. В нашей предыдущей публикации на эту тему² был дан экскурс в историю возникновения и развития сетевых сочинений и анализировалась полемика по поводу правомерности признания интернет-сочинений художественной литературой. В данной статье мы сосредоточимся на ряде параметров формы и содержания произведений сетевой литературы.

1. «Ты говоришь правду?» – Повествование от первого лица.

Говоря о манере повествования, следует заметить, что основная масса классических китайских произведений написана на байхуа (白话 báihuà)³. Рассказчик, которому при этом отводится особая роль, занимает позицию «всеведущего наблюдателя». Такая форма получила достаточно широкое распространение в китайской литературе.

В 40–50-х годах прошлого столетия фигура повествователя исчезает, а рассказчик и автор произведения становятся единым целым; в начале 1980-х годов под влиянием запада в произведениях передовых китайских авторов появляется «многоголосие»; на сегодняшний же день тенденция такова, что множество писателей-реалистов, сосредоточиваясь на форме повествования, делают его минимально эмоциональным.

Большая часть сочинений на форумах в сети Интернет – истории рассказчика от первого лица о себе, приобретенном опыте, событиях, непосредственным участником которых случилось побывать и т.п.: придумывать новые сюжеты и рассказывать о выдуманном, «фантазийном» мире при чрезвычайно быстром ритме современной жизни кажется совершенно излишним. Как следствие, практически каждое такое сочинение носит оттенок документальности, описывая события, по-настоящему происходившие с реальным человеком. Совершенно естественно, что сомнения читателей в подлинности описываемого в большинстве случаев безосновательны, что, возможно, и послужило причиной «повального» увлечения сетевой литературой.

Единственным случаем, когда интернет-авторы намеренно добавляют вымысел в собственные работы, является попытка избежать так называемого явления «жэньжоу» (“人肉” Rénròu, сокр. от “人肉探索” Rénròu sōusuǒ)⁴.

© Чжан Цюаньфэн, 2014

¹ Перевод с китайского языка выполнен ассистентом кафедры восточных языков и методики их преподавания РГУ имени С.А. Есенина Левиной (Клочковой) Маргаритой Вячеславовной.

² Чжан Цюаньфэн. Проблема литературности китайских интернет-сочинений // Иностранные языки в высшей школе, 2014. 1(28). С.89–95.

³ Байхуа (白话 báihuà) – современный китайский литературный язык, созданный на основе пекинской устной речи (прим. пер.)

⁴ Жэньжоу соусо (人肉搜索 Rénròu sōusuǒ) – поиск, зачастую коллективными силами, в реальной жизни людей, проявивших себя в Интернете.

«Я» в сетевых произведениях – это и автор, и рассказчик, что не вполне соответствует основным тенденциям современной западной литературы. Тип повествования от первого лица выполняет несколько немаловажных функций: во-первых, служит движущей силой развития сюжетной линии, «оформляя» структуру произведения; во-вторых, делает сочинение глубоко эмоциональным и даже в некоторой степени сентиментальным; в-третьих, слияние автора и рассказчика в повествовании от первого лица не столько придает читателю уверенности в подлинности описываемых событий, сколько раскрывает психологию обоих⁵.

Полностью отвечающие перечисленным выше характеристикам произведения действительно редко вызывают у читателя сомнения в правдивости; если же подобное недоверие возникает, то у последнего есть возможность выяснить все непосредственно у автора. Однако в большинстве случаев работы, размещаемые в сети Интернет, являются ничем иным как литературным изложением реальных событий.

2. Личные записи как литературная форма.

Психологическое повествование (I-novel, или «сисесецу») как литературная форма, структурным ядром и смысловым центром которой является личность («я»), раскрывающая перед читателем свой внутренний мир, физические и душевные переживания (т.е. построенная на приеме «*самоэкспозиции*»), появилось в Японии и оставалось на пике популярности в течение некоторого времени. Роман Мисимы Юкио «Исповедь маски» можно считать ее классическим примером.

Обладатель Нобелевской премии по литературе Оэ Кендзабуро также заявлял, что большая часть его работ, по сути, представляет собой полуавтобиографические личные записки⁶.

В Китае в 90-х годах прошлого столетия появилась группа женщин-авторов (Линь Бай, Чэнь Жэнь и т.д.), работающих в схожем с вышеупомянутым, глубоко личном стиле: «Война одного» Линь Бай, «Личная жизнь» Чэнь Жэнь, «Шанхайская крошка» Вэй Хуэй, «Сладость» Мянью Мянью и т.д.

В сетевых произведениях концентрация на «Я» автора-рассказчика и его внутреннем мире как новая литературная и даже идеологическая форма также приобрела чрезвычайную популярность⁷. Однако стиль, творческий подход, ценностные ориентиры и даже образ жизни ничуть не схожи у современных сетевых авторов, у китайских писательниц 90-х годов XX века и у создателей японских психологических повествований.

По словам Оэ Кендзабуро, выбор формы повествования от первого лица в большинстве его сочинений был обусловлен структурной необходимостью: в его романах сливаются в единое целое не только реальность и вымысел, но даже прошлое, настоящее и будущее; однако, по собственному признанию писателя, он не написал ни одного в полной мере автобиографического произведения.

В традиционной китайской литературе, напротив, даже при концентрации всего произведения на единственной личности и ее переживаниях, авторы редко предпочитали повествование от первого лица.

Однако в сетевых сочинениях это стало основной тенденцией: «я» – это «маленький человек»; высокая степень неформальности языка и интернет-символы как нельзя лучше передают его малейшие душевные переживания, изменения настроения; посредством чрезвычайной откровенности и искренности авторы потрясают читателя до глубины души.

Кстати, об искренности: китайскому читателю свойственны доверие и чувство непосредственной близости к описываемому, то есть, как правило, неприятия литературных сочинений не наблюдается, если они не носят слишком нравоучительный или пропагандистский характер. Кроме того, сострадание угнетенным и помощь слабым занимают особое место среди традиционных китайских морально-этических ценностей, чем иногда пользуются интернет-авторы, добавляя вымысел в повествования о собственных неудачах.

Необходимо отметить, что сетевые сочинения нередко имеют форму личных (дневниковых) записей, при этом писатели намеренно отказываются от прямой связи персонажа и сюжета – развитие последнего в большей степени определяется диалогом между автором и читателем: читатель задает вопрос, на который получает ответ в следующей части «записей»; таким образом, происходит прямой обмен мнениями, который нередко заставляет автора менять свой первоначальный замысел.

⁵ Ван Кайчжи. Форма повествования в литературном произведении / Лэшан. пед. ин-тут. Изд-во Отд. обществ. наук. 1997. № 1.

⁶ Ли Сюанься. Задушевная беседа с господином Оэ Кендзабуро: записи интервью // Вестн. японистики. 2009. № 2.

⁷ Ю Цзюнь. Ориентиры и ценности персонализированной интернет-литературы // Культурная панорама. 2008. № 4.

3. Автокатарсис и отсутствие намеренной ориентации на предпочтения читателя.

Среди неотъемлемых характеристик интернет-произведений необходимо выделить эмоциональный выплеск со стороны автора и удовлетворение его (ее) психологических потребностей. Такого рода автобиографичность и бескорыстие в плане отсутствия преследования выгоды и определяет привлекательность подобных сочинений для широкого круга читателей.

Возможности сети Интернет позволяют выразить те состояния и эмоции, о которых трудно поведать самым близким: как правило, читатели блогов – совершенно не знакомые автору люди. Свобода личного пространства и личная свобода в Сети создают превосходную площадку для каждого, кто желает избавиться от одиночества современной жизни, найдя отклик и понимание, а именно такие настроения нередко отличают интернет-авторов.

Автобиографичность сетевых сочинений притягательна для читателя, поскольку в них он находит отражение собственной жизни с ее печалью и радостями, и, более того, открывает для себя то, что ему еще неизвестно. Неудивительно, что некоторые произведения оказываются ему настолько близки, что возникает ощущение прямой причастности к написанному.

Безграничность авторского самовыражения позволяет читателю прочувствовать едва уловимые изменения настроения, при этом читатель нередко берет на себя роль «наставника» для автора: утешая последнего, часто приводя в пример свой собственный опыт. Случается, что комментарии читателей разрастаются, оформляясь в относительно самостоятельное сочинение, и становятся отдельными произведениями и темами для обсуждения среди читательской аудитории. Такое явление непосредственной интерактивности литературных произведений возможно только в сети Интернет.

Говоря о форме сетевых сочинений, можно провести аналогию с исповедью. Однако, делаясь своими сомнениями и горестями с Богом, невозможно незамедлительно получить необходимый ответ.

Согласно китайской поговорке, «ропщет тот, кто обижен»; многие авторы определяют свое место в обществе только после того, как высказанное ими (как правило, собственное) недовольство поднимет резонанс среди читательской аудитории.

В то же время Цянь Чжуншу в своей работе «Стихи тоже ропщут» утверждает: «Недовольство Хань Юя не имеет ничего общего с обывательской неудовлетворенностью и мелочным ворчанием. Напротив, кроме искреннего негодования, в нем можно разглядеть и светлую радость». Иными словами, «недовольство», о котором говорит Цянь Чжуншу, подразумевает отсутствие невозмутимого спокойствия, всю гамму человеческих чувств – то есть нечто значительно большее для творческой личности, чем простое недовольство. Таким образом, размещая свои глубоко искренние и эмоциональные работы в сети Интернет, авторы добиваются того, чего не получает человек на исповеди: оставаясь неизвестными для аудитории, они тем не менее делятся тем, что не в силах держать в себе, получая на это незамедлительный отклик и удовлетворяя собственные духовные потребности.

Говоря объективно, большая часть авторов все же руководствуется предпочтениями потенциальной читательской аудитории при работе над сочинением, поэтому произведения целенаправленно ориентированы на определенную категорию читателя. Привлекательность их, как правило, повышается за счет тщательной проработки сюжетной линии, характерного авторского стиля и т.п. Однако склонный к критическому анализу современный читатель легко разоблачает вымысел, выдаваемый за правду, и не принимает его; а истинная подлинность, напротив, вызывает у аудитории интерес и одобрение.

Таким образом, реальность описываемого как одно из основных свойств сетевых сочинений представляет собой настоящий вызов профессиональным писателям.

4. Острсюжетные проявления литературной фантазии.

К этой группе интернет-произведений относятся сетевые романы о расхитителях гробниц «дао-му»⁸, о путешествиях во времени «чхуаньюэ»⁹ и фантастические интернет-романы «сюаньхуань»¹⁰.

В целом, создатели фантастических романов «сюаньхуань» – ориентированная на читателя категория авторов, находящаяся между любителями и профессиональными писателями. Как литературное

⁸ Даому (盗墓小说 dàomù xiǎoshuō) – направление в китайской интернет-литературе; в основе сюжета произведений, как правило, лежит история расхитителей гробниц.

⁹ Чхуаньюэ (穿越小说 chuānyuè xiǎoshuō) – популярное направление в современной интернет-литературе, в основе сюжета произведений лежит путешествие во времени.

¹⁰ Сюаньхуань (玄幻小说 xuānhuàn xiǎoshuō) – популярное направление в современной китайской литературе. В настоящее время большая часть произведений размещается в сети Интернет, в основе повествования – история отдельного вымышленного мира, эпохи, часто на фоне военных событий; схоже с европейским жанром фэнтези.

направление «сюаньхуань» окончательно оформилось после относительной популяризации и широкого распространения сетевых сочинений, поскольку Интернет предоставил авторам возможности свободного творчества и обмена опытом. Издание столь несерьезных (по сравнению с классическими) произведений было невозможным, поэтому романы «сюаньхуань» достигли пика своей популярности именно как интернет-публикации.

В качестве «классического» примера фантастического интернет-романа «сюаньхуань» можно привести «Чжу Сянь» Сяо Дина. Что касается других популярных направлений интернет-сочинений, ярким примером «даому» является роман «Чертовы происки» (《鬼吹灯》 Guǐ chuī dēng) Ба Чхан, а роман «Воины, плывущие по течению» можно рассматривать как образец произведений «чхуаньюэ».

Несмотря на существующие недостатки в технике писателей-непрофессионалов, сам факт появления и развития нескольких направлений есть не что иное, как свидетельство развития сетевой литературы в целом. Оттенок общенародности и общедоступности интернет-сочинений постепенно исчезает, на смену ему приходит дерзкая фантазия автора. По словам Е Цзяин, «истинную литературу отличает особая, поэтическая сущность»¹¹.

Именно безудержная фантазия интернет-писателей, проявляющаяся в новых направлениях, позволяет разглядеть ту самую истинную «поэтическую сущность», несмотря на застой в современной литературе в целом.

Считается, что переход от пергамента к бумаге изменил судьбу рядового читателя, значительно повлияв на уровень его образованности; с той же уверенностью можно утверждать, что постепенное распространение интернет-литературы предоставило читателю безграничные возможности для собственного творчества.

Таким образом, процесс развития сетевой литературы ускоряется за счет повышения общего уровня образования читательской аудитории и накопления ею творческого опыта.

5. Разговорный стиль речи и индивидуальный авторский стиль – «карнавал» языка.

М.М. Бахтин отмечал, что свойственная человеку любовь к карнавалам и фестивалям универсальна и определяется исключительной привлекательностью единственного закона, действующего на карнавале, – свободой каждого, включая зрителей¹².

Такой особенностью, которая придает оттенок свободной «карнавальности» сетевым сочинениям, можно назвать интернет-язык, являющийся в определенной степени нарушением норм. В первую очередь нарушаются нормы грамматические, поскольку первоначальной и основной целью интернет-произведения является коммуникация между писателем и читательской аудиторией, а грамматически правильное изложение вторично. Более того, нередко возникают ситуации, когда несоблюдение правил отнюдь не препятствует пониманию авторского замысла.

Кроме вышеуказанного явления, в сетевых сочинениях наблюдается широкое распространение новой знаковой системы (например, комбинация «555» означает плач, “3ks” – «спасибо»¹³ и т.д.), что также противоречит традиционным языковым нормам и направлено исключительно на непосредственное общение автора и читателя.

В действительности же обозначенные явления обладают лингвистической лаконичностью и ясностью (недвусмысленностью), тем самым преодолевая «оковы», сдерживающие классическую литературу, написанную на «байхуа».

Свободное использование языка повышает его гибкость и выразительные возможности. Несмотря на то, что большинство предложений в интернет-сочинениях грамматически неправильны, в рамках всего произведения они приобретают особый ритм и смысл, которые были бы утеряны в результате коррекции ошибок.

6. «Черновой» формат как одна из особенностей сетевых произведений.

Несмотря на перечисленные достоинства интернет-произведений, нельзя отрицать существование таких недостатков, как чрезмерная простота литературного замысла, излишняя неформальность языка, неравные по качеству и силе зачин и развязка и т.д.

¹¹ Е Цзяин. Сборник стихотворений эпох Тан и Сун. Изд-во Пекин. ун-та. 2007.

¹² Бахтин М.М. Полное собрание сочинений. Пер. Ли Бэйлинь [и т.д.]. Хэбэй. образоват. изд-во. Т. 6. 1998.

¹³ “3ks”, транскрипция [sānks] интернетный слэнг, образованный по аналогии звучания с англ. “thanks” (прим. пер.).

В последние несколько лет наблюдается тенденция снижения уровня преподавания китайского языка в образовательных учреждениях, что не могло не сказаться на качестве интернет-сочинений. Таким образом, на сегодняшний день наблюдается довольно неоднозначная ситуация: в сети Интернет публикуются как по-настоящему талантливые, так и относительно слабые работы.

Стоит отметить, что даже авторам качественных интернет-произведений не удается полностью преодолеть недостатки во владении языковыми средствами. Причина этому, как правило, – отсутствие первоначальной ориентации на полноценное произведение как на результат: множество писателей, начиная свои сочинения, не имеют представления о конечном замысле и часто даже не рассчитывают на создание чего-либо серьезного. На продолжение работы авторов наталкивает резонанс среди читателей и общение с ними. Как следствие, на выходе часто получается лишь «черновой» вариант произведения, что и отличает интернет-литературу от неоднократно редактируемой традиционной.

7. Переход диахронии в синхронию – сосуществование мнений автора и читателя.

При сравнении с европейскими литературными салонами XIX века, где личность писателя была известна, а общение с читателями сведено к минимуму, можно утверждать, что феномен скрытости автора и открытости произведения мог возникнуть только в эпоху развития интернет-технологий, предоставляющих для этого все возможности.

Сеть Интернет преобразовала диахронию процесса чтения в синхронию: автор может практически моментально узнать реакцию аудитории на собственное произведение, понять ее ожидания, внести коррективы и повысить «посещаемость» собственной страницы.

Что же касается писателей, «творящих» исключительно «по зову сердца» без принятия во внимание настроений читателя, основной проблемой является частое отсутствие понимания аудиторией авторского замысла.

С другой стороны, дополнительную привлекательность сетевым сочинениям добавляет возможность узнать больше о личности автора и, возможно, о его творчестве, посетив личные страницы в блогах, проанализировав выбранные никнеймы в QQ и т.д. Таким образом, контекст интернет-произведения становится более объемным и многоплановым по сравнению с традиционными литературными сочинениями.

8. «Грубая сила» – излишняя свобода интернет-литературы.

М.М. Бахтин отмечал, что площадь – идеальное место для безудержного веселья (*карнавала*) простого народа, она поглощает, на ней забывают о социальном положении и дают волю чувствам¹⁴. С развитием новых технологий сеть Интернет стала такой же «карнавальной площадью», с еще более свободными нравами, анонимностью участников и размытыми социальными границами.

Как следствие, в Сети стали регистрироваться случаи грубого нарушения человеческих прав. В одном из выпусков журнала «Ляован» (《瞭望》 Liàowàng) была опубликована статья «Интернет-шарлатаны», посвященная проблеме покупки и продажи рейтинговых мест на литературных сайтах и в блогах.¹⁵ Это явление противоречит самой сущности интернет-литературы, ее свободе и гибкости: произведения оцениваются, и рейтинги создаются без участия в этом читателей. По признанию заместителя начальника отдела сетевого администрирования департамента кибербезопасности полиции Пекина Чжана Цзюня, рейтинг более 50 % интернет-публикаций поднимается искусственно¹⁶.

Другие проявления грубости наблюдаются в самом процессе чтения и комментирования произведений: несдержанная критика и нападки в адрес автора отнюдь не редкое явление.

Как отдельную проблему необходимо рассматривать уже упоминавшееся выше «Жэньжоу соус» (раскрытие анонимности автора против его воли) и размещение рекламы непосредственно в тексте произведений, что, безусловно, мешает как полноценному творческому процессу со стороны автора, так и восприятию произведения аудиторией.

9. Место литературных интернет-ресурсов: исторический момент в развитии интернет-литературы.

Понятию «интернет-литература» чуть более десяти лет, несмотря на то, что относительно его сущности по-прежнему существует множество споров, нельзя отрицать одного: возможность литературного самовыражения привлекла как пассивных (читателей), так и активных (авторов) пользователей сети

¹⁴ Чжу Лиюань. Теория современной западной литературы. Изд-во шанхай. вост.-китай. пед. ун-та. 2005.

¹⁵ Агентство Синьхуа. URL: <http://www.lwgcw.com/NewsShow.aspx?newsId=1864>

¹⁶ Агентство Синьхуа. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/1026/13867507.html>

Интернет. В то же время популяризация технологий расширила границы понятия «литература», сделав ее поистине общенародным явлением.

«Искусство берет начало в повседневной жизни»: народность была неотъемлемой чертой китайской литературы на протяжении всей истории ее развития. Множество работ из первого поэтического сборника «Книга Песен» («Ши Цзин») ¹⁷ – результат народного творчества. Произведения эпох Хань, Тан, Сун и Юань также имели явный оттенок народности.

По мере распространения интернет-технологий литература может пойти по одному из двух возможных путей развития: либо полностью изолироваться от предоставленных возможностей Всемирной сети, либо подвергнуться «кибернетизации». Как бы то ни было, более 400 миллионов интернет-пользователей уже осознали свое право на свободу слова, тем самым делая современную литературу самым неоднородным явлением за всю историю своего развития.

С точки зрения развития технологий, Интернет обеспечивает реализацию свободы мысли, что вдохновляет на творчество множество непрофессиональных авторов.

Выше мы уже приводили слова Е Цзяин: «истинную литературу отличает особая, поэтическая сущность». Хотя сочинения интернет-авторов нельзя назвать полноценными литературными произведениями, им нельзя отказать в определенной доле поэтичности: будучи представителями совершенно разных социальных слоев, профессий, взглядов, все они в состоянии поделиться собственными, абсолютно индивидуальными, опытом и переживаниями.

Такая общедоступность, с одной стороны, умаляет статус интернет-сочинений, однако, с другой стороны, свобода творчества в интернет-пространстве подразумевает полную «духовную свободу» ¹⁸, характерную для истинного литературного творчества. Поэтому существует мнение, что современная эпоха общенародных произведений сменится эрой истинной литературы.

В то же время, по сравнению с печатной литературой, на сегодняшний день, когда ПК и доступ к Всемирной сети стали неотъемлемыми элементами повседневной жизни, реализовать собственное право на свободу слова значительно легче в интернет-пространстве. Кроме того, нельзя не учитывать и экономического фактора: чтение сетевых произведений не требует затрат на приобретение книг, что во многих случаях и определяет предпочтение интернет-литературы читательской аудиторией.

Что касается печатной литературы, то объемы изданий постепенно сокращаются, и нередко единственным оппонентом автора во все более академичной полемике относительно достоинств произведения становится не рядовой читатель, а литературный критик. При этом наблюдается весьма интересное явление: для более широкой популяризации достаточно качественного произведения, изданного в традиционной форме, становится практически необходимым размещение его в интернет-пространстве, в то же время сетевые сочинения нередко издаются уже после обретения ими значительной популярности.

Такое взаимодействие и пересечение традиционных и сетевых произведений стало особенностью литературы современной эпохи интернет-технологий. Однако такого рода взаимодействие отнюдь не оптимистично: как правило, в литературных произведениях привлекательность сюжета противопоставляется идейности, при этом сюжет очень часто носит развлекательный характер. Соответственно, издание в печати изначально сетевых сочинений не является гарантией высокого качества работы.

Для сравнения, доступность творчества тайваньской писательницы Цюн Яо в 80–90-е годы прошлого столетия и вульгарность работ представителей популярного течения «Писателей мандаринок и бабочек» ¹⁹ были обусловлены соответствующими требованиями аудитории. В современном мире писатели–приверженцы пуристической литературы не могут быть уверены, что их работы, размещенные в Сети, будут прочитаны интернет-пользователями и оценены по достоинству, в то же время нельзя утверждать, что каждое издаваемое в печатной форме сетевое сочинение представляет собой качественное литературное произведение.

Аналогично с взаимосвязью между привлекательностью сюжета и развлекательным характером можно выявить прямое соотношение между идейностью (*смысловой наполненностью*) произведения

¹⁷ Книга песен (《诗经》 Shījīng) – один из древнейших памятников китайской литературы. Отбор и редакция произведений приписывается Конфуцию.

¹⁸ Чжан Нин. Золото и Мусор: два полюса критики современной китайской литературы // Янчэнь Ваньбао, 2009. 16 нояб.

¹⁹ «Писатели мандаринок и бабочек» – литературное направление в Китае конца монархии и начала Республики, избравшее главной темой любовные сюжеты и отличавшееся вульгарностью стиля и содержания (прим. пер.)

и уровнем его «истинности» («литературной чистоты»). Говоря об интернет-сочинениях, нельзя не отметить преобладание сюжетной занимательности над его смысловой наполненностью. Однако писательница Ван Аньи утверждает, что рассказать интересную для каждого читателя историю и является единственной целью ее работ²⁰.

Сетевая литература (включая публикации в блогах) во многом строится на повествовании от первого лица вокруг личности автора-рассказчика. Благодаря такому построению произведения читателю нелегко судить о подлинности или вымышленном характере событий, о которых идет речь, что нередко вызывает у читателя чувство правдивости переживаний, которое усиливается с развитием сюжетной линии – в этом заключается одно из основных свойств интернет-литературы. Оно проявляется в нескольких аспектах: во-первых, в основе «правдивого» сюжета лежит реальный опыт автора; во-вторых, само произведение нередко имеет форму личного дневника, в котором действия разворачиваются глава за главой; в-третьих, интернет-произведение всегда интерактивно, то есть читатель может оставить комментарий, выразив свое мнение, а писатель – ответить ему. С течением времени литературные интернет-ресурсы стали чем-то сродни литературным салонам прошлого, а также подходящим местом для новых знакомств по интересам. В-четвертых, при написании произведения языковым нормам уделяется минимум авторского внимания, в то же время язык сетевых сочинений, как правило, отличается яркостью и выразительностью; удачное авторское решение в плане лексики или словотворчества нередко получает широкое распространение в Сети и входит в состав интернет-сленга.

До и после Движения за народность литературы²¹ (白话文运动 Báihuà wén yùndòng) никогда еще язык китайской литературы не был настолько «народным»: свободным и неформальным. По словам писательницы Сю Кунь «После знакомства с возможностями сети Интернет очень хочется освободиться от традиционной манеры письма, с ее многочисленными правилами и стандартами. Это напоминает переход языка литературы от Вэньяня²² к байхуа: это процесс, с одной стороны, неожиданный, а с другой – необратимый»²³.

Свобода интернет-пространства раскрепостила не только язык, но и стереотипы мышления. Отсюда – возникновение упоминавшихся выше новых направлений в китайской литературе: «сюаньхуань», «даому» и «чхуаньюэ».

Безусловно, имеют место попытки коммерциализации интернет-литературы среди тех «писателей», чьей единственной целью является рейтинг, однако такая тенденция наблюдается в литературе в целом. Главный редактор периодического издания «Шоухо» Чэн Юнсинь заметил: «С наступлением нового века авторы, осознанно или неосознанно, ориентируются на “читабельность” произведения и привлекательность сюжета, делая акцент на том же, что и теле- и киноиндустрия: человеческих взлетах и падениях, острых противоречиях и конфликтах».

Литературную критику можно считать в своем роде проявлением свободы слова, которая в интернет-пространстве реализуется отнюдь не читательской аудиторией; держатели этого права – профессиональные аналитики и исследователи, и именно их мнение имеет вес и ценность. В то же время нельзя отрицать право современного читателя на высказывание собственного мнения и открытый поиск литературного смысла произведения.

Несмотря на неоспоримую свободу слова, основная масса критической оценки сетевых произведений исходит от исследователей литературы традиционной. Однако ценность традиционной критики неоспорима: интернет-сочинения нередко имеют «черновой» формат, который не позволяет считать их полноценными литературными произведениями.

Сеть Интернет – это масштабная экспериментальная площадка, на которой разрабатываются новейшие приемы письма, но при этом в процессе разработки допускаются упущения в области языковой выразительности, но отказ от старого не всегда означает развитие достойной замены новым. Современные литературные интернет-конкурсы нацелены на привлечение большего количества людей к творческой деятельности в Сети; в действительности же, интернет-литературе недостает совсем другого – разработанной теории и практики. Начинающим авторам было бы полезно квалифицированное наставничество.

²⁰ Ван Аньи. Истории и искусство повествования. Изд-во Фудан. ун-та, 2011.

²¹ Движение за народность литературы (白话文运动 Báihuà wén yùndòng) – движение за популяризацию произведений, написанных на общенародном языке «байхуа».

²² Вэньянь (文言 wényán) – древний китайский литературный язык.

²³ Сяо Чжун. Интернет-язык: Популярные диалекты современности. URL: <http://www.chinanews.com/zhonghuawenzhai/2000-12-01/new/%2827%29%201.html>

На сегодняшний день неоправданно мало внимания уделяется интернет-поэзии. Однако весьма вероятно, что малый размер, лаконичность и концептуальная целостность стихотворения как литературной формы вскоре станет новым вектором в развитии сетевых произведений.

Интернет-литература, несмотря на периоды своего расцвета или упадка, постоянно меняется, оказывая определенное влияние и на и всю современную мировую литературу.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Агентство Синьхуа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lwgcw.com/NewsShow.aspx?newsId=1864>
2. Агентство Синьхуа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politics.people.com.cn/GB/1026/13867507.html>
3. Бахтин, М.М. Полное собрание сочинений [Текст] / пер. Ли Бэйлинь [и т.д.]. – Хэбэй. образоват.издат., 1998. – Т.6.
4. Ван, Аньи. Истории и искусство их рассказывать [Текст]. – Изд-во. Фудан. ун-та, 2011.
5. Е, Цзяин. Сборник стихотворений эпох Тан и Сун [Текст]. – Изд-во Пекин. ун-та, 2007.
6. Ли, Сюанься. Задушевная беседа с господином Оэ Кендзабуро: записи интервью [Текст]. – Вестн. японистики. – 2009. – № 2.
7. Сяо, Чжун. Интернет-язык: Популярные диалекты современности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chinanews.com/zhonghuawenzhai/2000-12-01/new/%2827%29%201.html>
8. Чжан, Нин. Золото и Мусор: два полюса критики современной китайской литературы [Текст] // Янчэнь Ваньбао, 2009. – 16 нояб.
9. Чжу, Лиюань. Теория современной западной литературы [Текст]. – Изд-во Шанхай. вост.-китай.пед. ун-та, 2005.
10. Ю, Цзюнь. Ориентиры и ценности персонализированной интернет-литературы [Текст] // Культурная панорама. – 2008. – № 4.

УДК: 811.581 + 811.521 + 801.7:003

*Чжао Чуньгуан, преподаватель
(Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)*

Краткий анализ культуры иероглифических знаков китайского и японского языков ¹

Китайский и японский языки являются языками двух разных народов, но объединяет их иероглифическая письменность. Это результат влияния конфуцианства на культурное развитие двух народов в ходе истории, а также формирование индивидуальных особенностей и достижений. Иероглифическая письменность сыграла роль связующего звена между двумя языками. Процесс взаимного заимствования лексических единиц в китайском и японском языках показывает формирование разных культурных особенностей на различных этапах развития двух языков.

*иероглифика, культура иероглифической письменности, японские источники иероглифики и лексики,
обратные заимствования.*

© Чжао Чуньгуан, 2014

¹ Перевод выполнен Лакеевой Анной Валерьевной, ассистентом кафедры восточных языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

I. Иероглифы китайского и японского языков

Китайский и японский языки принадлежат к одной группе иероглифической письменности. Китаец, не знающий японский язык, впервые сталкиваясь с японской речью, почувствует, что языки близки, поэтому с легкостью может овладеть японской речью, так как в японском языке содержится большая часть китайских иероглифов. Но эти два языка не принадлежат к одной языковой семье, – более того, не являются родственными языками. В Китае используется фонетическая транскрипция (фонетический латинизированный алфавит), как в других странах. При изучении японского языка используется более удобный способ. Иероглифы японского языка делятся на следующие группы:

1. Изоморфы/омоформы и синонимы (имеют одинаковое написание и значение): в японском языке существует определенное количество китайских иероглифов, которые записываются такими же иероглифами, как и в китайском языке, и имеют такое же значение. Например, 人 rén – «человек», 花 huā – «цветок», 椅子 yǐzi – «стул», 大学 dàxué – «высшее учебное заведение, университет», 世界 shìjiè – «мир, всемирный», 教室 jiàoshì – «учебный класс, аудитория» и др., но читаются эти слова в японском языке по-другому. Однако при прочтении и на письме их значения понятны. Поэтому китайцы с легкостью овладевают японским языком, и китайский язык для японцев прост в изучении.

2. Слова, имеющие одинаковое написание, но разное значение: иероглифы и слова такого рода имеют одинаковую форму слова (морфологическую структуру), но абсолютно разные значения. Например, китайское слово 勉强 miǎnqiǎng – «с трудом, заставлять» в японском языке передается через 学习, что в свою очередь на китайском означает «учиться»; китайское 怪我 guài wǒ – «моя вина» на японском передается посредством 受伤 (на китайском «быть раненым»); еще одно китайское слово 手纸 shǒuzhǐ – «туалетная бумага» на японском записывается как 信函 (на китайском же это «письмо, почтовая корреспонденция»). Если этому факту не придавать значения, то будет буквальное понимание написанного, что приведет к ошибочному толкованию или ошибочным представлениям сообщаемой информации. Так, например, китаец, увидев в тексте иероглиф 娘 niáng сразу предположит, что он близок по значению слову 母亲 mǔqīn – «мать» (одно из значений слова 娘 niáng – женщина, мать), но для японца данный иероглиф 娘 синонимичен по значению слову 女儿 nǚér – «дочь». Это важно не только для того, чтобы избежать недопонимания, но и чтобы не вводить собеседника в заблуждение.

3. Иероглифы разной структуры/формы, но с одинаковым значением: это связано с тем, что китайские иероглифы прошли несколько стадий упрощения в написании и унификации. Однако японские иероглифы не претерпели упрощения или же способ упрощения имеет отличия. Например, японские слова 復習 – «повторять», 記録 – «записывать», 掃除 – «убирать, очищать», 服務 – «служить, обслуживать» имеют аналоги в китайском языке в традиционном (сложном) написании. Но слова 檢查 – «проверять», 真實 – «истинный», 图画 – «иллюстрация, рисунок», 團結 – «сплачивать, соединять» и подобные им в японском языке имеют своеобразный способ упрощения. В результате же данные слова отличаются графической формой, но являются лексическими эквивалентами. В китайском языке они имеют следующие соответствия: 检查 jiǎnchá, 真实 zhēnshí, 图画 túhuà, 团结 tuánjié.

4. Специфические иероглифы японского языка: эти иероглифы были созданы японцами самостоятельно в соответствии с законами построения иероглифа. На японском языке такие иероглифы называются 国字 (kokuji – традиционные иероглифы, полного написания) или 和制汉字 (huózhì hànzi). В китайском языке, например, нет таких иероглифов, как 畑 – «суходольное поле», 働 – «труд» (соответствует китайскому 动 dòng), 沖 – «взморье» (в китайском ему соответствует 冲 chōng), 込 – «быть людным».

II. Взаимозаимствования иероглифов в китайском и японском языках

Использование иероглифического письма – черта, объединяющая китайский и японский языки, связующее звено между ними. Между двумя странами наблюдается процесс взаимного заимствования на уровне лексики, что несравнимо с заимствованиями на других уровнях языка. Согласно истории, в период правления династии Суй (581–618) японское правительство отправляло в Китай многих студентов для изучения различных систем общественного устройства, культуры, архитектуры и других передовых сфер. В то время китайские иероглифы были заимствованы в японский язык. Это стало основным средством небывалого подъема в общественно-культурной жизни Японии. До периода реформ Мейдзи японское правительство взяло курс на изучение Китая. Китайская культура оказала

огромное влияние на японское общество. После проведения политики реформ и открытости в Китай устремилось много студентов из Японии. Между двумя государствами началось небывалое активное взаимодействие в культурной и экономической сферах. За последние несколько лет особое влияние произошло в сфере выпуска CD с телевизионными драмами, аниме, которые транслируются на китайском телевидении. Влияние также проявилось в популярности некоторых звезд вокального искусства и народных песен. Это привело к тому, что большая часть иероглифов японского происхождения влилась в китайский язык. Уже имеется много японских слов, закрепившихся в китайском языке. Мы называем их словами японского происхождения. Такого рода лексика, вопреки явлению заимствования, имеет определенный социальный фон и особенности использования.

1. Социальный фон

Япония и Китай по географическому положению находятся недалеко друг от друга. Эти страны близки по истокам культурного развития. В японском языке изначально существовало большое количество китайских иероглифов. Проникновение китайской письменности в японский язык само по себе было удобно. Например, мы много раз слышали слова 料理 liàolǐ – «управлять», 茶道 chá dào – «воспитание духа путем проявления изысканного вкуса к чаю», 株式会社 zhūshì huìshè – «акционерное общество», 出演 chūyǎn – «выступать» (на сцене, с трибуны) и др. Это слова частого использования. Присутствие японских слов и иероглифов в современном китайском языке достигло высокой степени. Основная масса заимствований – слова и выражения, используемые в повседневной жизни. С одной стороны причина кроется в том, что такие слова и выражения, в отличие от 肯德基 kěndéjī – KFC (*сеть ресторанов быстрого питания*), 因特网 yīntèwǎng – «Интернет», 桑拿浴 sāngnáyù – «сауна» содержат в себе западные веяния. Сразу можно догадаться, что эта лексика заимствована с Запада (США и Англии). С другой стороны, из-за идеографических особенностей китайских иероглифов снижается вероятность возникновения у нас ощущения “*жаме вю*” (фр. *Jamais vu* – никогда не виденное), то есть состояния, противоположного “*дежа вю*”, внезапно наступающего ощущения, что хорошо знакомое место или человек кажутся совершенно неизвестными. В то же время мы удовлетворены объяснениями новых понятий, которые выражены иероглифами японского происхождения, но прочно укоренившимися в китайском языке.

Китай и Япония принадлежат к одной группе языков культурного влияния конфуцианства. Можно сказать, что культура конфуцианства Китая послужила основой для культуры Японии, а именно в сфере японского этикета, традиционной одежды, обычая, а также идеологии, мировоззрения. В Японии в первую очередь ввели разного рода новые понятия, идеологические представления; одновременно это было реализовано на уровне устной речи и письменности. Это привело к изменениям в лексике японского языка. Например: в современном обществе высокая степень напряжения на работе и перегрузки вызывают у людей физическое и психическое переутомление, что приводит к скоростной смерти. Такое явление раньше всего возникло в Японии и получило название “*过劳死*” (кит. Guòláosǐ, яп. Karoshi, рус. кароси – *смерть, наступившая от переутомления или излишнего нервного напряжения, связанного с работой*). В китайском языке нет эквивалента данному выражению, поэтому оно было заимствовано. Это словосочетание даже включили в Оксфордский словарь английского языка².

2. Особенности использования

Иероглифы общего использования являются своего рода посредниками, которые способствуют заимствованию китайской лексики японским языком. Структура многих китайских иероглифов является источником пополнения лексики в японском языке, их структура и способ написания в китайском и японском языках одинаковы, даже в китайско-японских омографах, но если говорить о семантике слов, то здесь происходят большие изменения. Значение слова либо расширяется, либо сужается, либо полностью изменяется. Это можно увидеть на примере следующего слова: “*弁当*” (еда в коробке, контейнере) изначально записывалось как “*方便盒饭*”. Связано это с тем, что в китайском языке нет иероглифа 弁, при заимствовании написание изменилось на 便当 biàndāng (бэнто, еда в коробке), более того – так появилось понятие «*фастфуд*». При заимствовании в китайский язык значение исходного слова расширилось до «*пищевых полуфабрикатов быстрого приготовления*»³. В некоторых иероглифах

² Чжоу Ган, У Юэ Японские источники новых иностранных заимствований обиходной лексики за последние 20 лет // Изучение китайского языка. 2003. № 5. С. 67.

³ Там же С. 47

японского происхождения после перехода в систему китайского языка происходит сужение значения. Так, например, слову 道具 *dàoju* (реквизит, бутафория), в японском языке соответствует 多种工具 *duōzhǒng gōngjù* (разнообразные инструменты) или средство, которое используется для достижения какой-либо цели “手段” *shǒuduàn* (средство, метод). В китайском же языке данное понятие используется только в значении «реквизит», то есть инструменты, используемые в театральном искусстве⁴. Кроме того, есть еще часть слов японского происхождения, в семантике которых после их заимствования в китайском языке произошел сдвиг. На эти слова мы также должны обратить внимание. В основном имеются в виду случаи, когда претерпевает изменения выражаемый словом концепт. Например, слово “空手道” *kōngshǒudào* (карате) изначально в японском языке имело значение «борьба без оружия» (цюаньшу). Но в китайском языке оно стало означать метод кроссированных сделок с ценными бумагами или спекуляции на бирже, а также «пустые рассуждения», «фиктивный»⁵.

Из японского языка были также заимствованы аффиксы, послужившие образованию новых слов китайского языка. Эти слова связаны с разного рода инновациями, концепциями. Это тоже своего рода способ заимствования лексических единиц японского языка в словарный состав китайского языка. Заимствование других лексических единиц не смогло бы привести к такому явлению. Например, использование суффикса “屋” *wū* с семантическим компонентом – «здание, дом, помещение». Этот иероглиф в китайском языке только указывает на существительное “房子” *fángzi* – «дом, помещение», но в японском языке данное слово имеет также значение “店铺” – *diànpù* «лавка, магазин». В течение последних нескольких лет семантика этого слова постепенно проникла в китайский язык. Появилось много таких слов, как “精品屋” *jīngpǐnwū* – «бутик», 啤酒屋 *píjiǔ wū* – «бар», 咖啡屋 *kāfēiwū* – «кофейня, кафе», 面包屋 *miànbāowū* – «хлебная лавка» и др. Данный структурный элемент, в частности, указывает на небольшой магазин, по-особенному декорированный и в котором осуществляется продажа некоторых товаров⁶.

С точки зрения норм словообразования, значительная часть слов в китайском языке – японского происхождения. К ним относятся, например, “景气” *jǐngqì* – «экономический подъем», бум, 写真 *xiězhēn* – «фотография, фотосессия», 物语 *wùyǔ* – «рассказ, сказание, монологари» (*роман в традиционной японской прозе*), 家政 *jiāzhèng* – «домоводство, управление домом», 人间蒸发 *rénjiān zhēngfā* – «пропасть, исчезнуть» и др. С появлением подобных слов пришло осознание того, что мы начали образовывать неологизмы по мере возникновения новых явлений и предметов. Это заставляет нас испытывать чувство, что мы имеем дело с чем-то незнакомым. Поэтому мы используем фонетическое письмо пиньинь для передачи звуковой формы различных лексических единиц, заимствованных с Запада. Заимствования не имеют богатого колорита, к тому же из-за особенностей выражения иероглифических знаков степень похожести китайских слов и заимствований из японского языка высока. В связи с этим мы легко и быстро принимаем такие лексические единицы. Вслед за частыми трансляциями телевизионной драмы “杜拉拉升职记” (*Dù lā lā shēng zhí jì*), выражение 职场 *zhíchǎng* (рабочее окружение, служебное положение) вошло в обиход. На самом деле в китайском языке уже имелся эквивалент “单位” *dānwèi* (рабочее место, рабочая единица). Но люди предпочли уподобить конкуренцию на рабочем месте сражению на поле боя, чтобы дать человеку возможность пережить такую ситуацию. Современная молодежь предпочитает модное выражение 职场 *zhíchǎng* более традиционным способам выражения того же смысла “工作” *gōngzuò* – «работа, работать» “上班” *shàngbān* – «идти на работу», идентичные “职场”, что собственно и является рабочим местом (职 – «служба, работа», 场 – «площадь, место, сцена»). Только вступаешь в жизнь, сразу же оказываешься на рабочем месте. Каждый человек стремится на «профессиональном фронте» создать нового себя. Так люди неосознанно восприняли новое слово вместе со всеми его коннотациями.

III. Влияние китайских слов японского происхождения на китайскую культуру и их роль в ней

1. Влияние слов японского происхождения на китайскую культуру

В век информационных технологий ускорился ритм жизни людей. В результате в языке появилась новая специфическая лексика, используемая в основном молодежью. Предпочитая неологизмы,

⁴ Чжан Гуанпин, Чжан Цинин. Японские слова в китайском языке и их влияние на китайский язык // Вест. Шаньдун. технол. ун-та. 2004. № 9. С. 49.

⁵ Чжоу Ган, У Юэ. Указ. соч. С. 57.

⁶ Гу Цзяньпин. Исследование и анализ проникновения лексических заимствований современного японского языка в китайский язык // Культура китайской иероглифической письменности. 2000. № 1. С. 53

молодые люди тем самым показывают, что идут в ногу со временем, не отстают от прогресса и не оперируют избитыми/банальными фразами. К тому же произошла китаизация появившихся понятий посредством китайских слов японского происхождения. Если говорить о китайцах, то они с легкостью теперь научились разбираться в этих понятиях и использовать их, что, следовательно, отвечает психологии китайского народа. Так, например, вместо слов 故事 gùshi – «повесть, рассказ», 传说 chuánshuō – «легенда, предание» предпочтительнее использовать 物语 wùyǔ – «рассказ, история, сказание» (яп. моногатари – роман в традиционной японской прозе); вместо 菜肴 cài yáo – «блюдо» лучше использовать 料理 liàolǐ – «пища, еда, кушанье» (яп. рёри – готовить пищу, стряпать); вместо 照相 zhàoxiàng и 拍照 pāizhào – «фотографировать» китайцы говорят 写真 xiězhēn (яп. сясин). С одной стороны, такое явление отражает новомодные тенденции в лексике, с другой – психологические особенности носителей языка в их стремлении соответствовать моде.

Более того, китайский и японский языки представляют собой *идеографическое* письмо, что в полной мере выражается в этих двух языках. Например, в иероглифах японского языка между значением иероглифического знака и значением слова в целом существует определенная связь, также как и связь между знаком и словом в китайском языке. Поэтому высока степень схожести между китайскими словами и словами японского происхождения (заимствований из японского языка). Понимать значение слова буквально – вполне привычный для китайца способ мышления. В словарном составе языка имеются знаки, которые содержат информацию, заставляющую нас испытывать чувство, близкое к некоему культурному просвещению. Такие знаки легко усваиваются и широко используются⁷. Например, в словах 特卖场 tè mài chǎng (场 магазин, отдел в магазине), 特卖专柜 tè mài zhuānguì (专柜 отдел в магазине), 特卖区 tè mài qū (区 район, зона) семантический компонент 特卖 со значением «продажа по специальной сниженной цене» является японским. Таким образом, значение приведенных слов мы понимаем буквально, а именно 特价销售 tè mài xiāoshòu переводится как «продавать по специальной стоимости, по сниженной цене». В силу четкого и простого понимания слово 特卖 используется в торговых центрах, газетных статьях, рекламных объявлениях, что, в свою очередь, стало средством быстрого продвижения продукции⁸.

Есть еще одно особое явление в лексическом составе китайского языка – запрет на использование в СМИ слов, записанных алфавитными знаками. Но вследствие современных тенденций слова WTO, GDP, CEO, IT и подобные им используются уже давно. Ярким примером может служить слово 卡拉 OK kǎlāok – караоке, пришедшее из японского языка. После того как слово перешло в лексический состав китайского языка, оно быстро популяризовалось, в результате появилось слово “卡拉 OK”, которое используется как существительное. Например, в предложении “下班后，我们一起去唱卡拉 OK 吧！Xiàbān hòu, wǒmen yìqǐ qù chàng kǎlā OK ba!” «Пойдем после работы вместе попойм караоке». Может также использоваться как глагол: “周末咱们放松地卡拉 OK 一下吧！Zhōumò zánmen fàngsōng dì kǎlā OK yíxià ba!” – «Давай на выходных отдохнем в караоке!»⁹. (В русском языке данное слово является только существительным). Этот пример демонстрирует толерантность принимающей культуры и гибкость в адаптации заимствованного слова к нуждам коммуникации. Он помогает осознать изменения, происходящие в обществе и культурной психологии народа.

2. Роль заимствований в развитии китайской культуры.

Использование большого количества слов японского происхождения явилось результатом культурного взаимодействия двух государств, которое также положительно повлияло на развитие китайского языка. С одной стороны, обогатилась лексическая система современного китайского, язык стал более выразительным, пополнился экзотическими словами, которые приобрели огромную популярность среди молодежи. Например, “新干线” xīngànxiàn – “Синкансэн” (*сеть японских скоростных железных дорог*) изначально в японском языке использовалось в значении 高速铁路 gāosù tiělù – скоростная железная дорога, но в Китае было преобразовано в 影视新干线 yǐngshì xīngànxiàn – кино и телевидение “Синкансэн”, что привело к появлению у людей новых ощущений. В буквальном понимании значение слова сводится к следующему: «непрерывная трансляция новых фильмов». По сравнению со словосочетаниями 影视专栏 yǐngshì zhuānlán – «особый раздел кино и телевидения»

⁷ Фу Чуаньфен. Психология и культура китайцев с точки зрения японских заимствований // Язык и литература. 2007. № 9. С. 73.

⁸ Чжан Шаоянь. О японских лексических заимствованиях в современном китайском языке // Вестн. Океанол. ун-та г. Циндао. 2001. № 1. С. 61.

⁹ Чжан Шаоянь. Указ. соч. С. 62

и yǐngshì kuàixùn – «экстренное сообщение на телевидении», «кино и телевидение “Синкансэн”» имеет большую выразительность¹⁰. С другой стороны, из-за стремительного развития китайского общества, быстрой коммерциализации заимствованные слова из сферы торговли быстро входят в обиход. Слово 量贩 liàng fàn хоть и является японским по происхождению, но китайцы только увидев его, сразу понимают, что иероглиф 量 имеет значение «в большом количестве», а 贩 означает «торговать, скупать», и само слово переводится как «продавать оптом». Но для людей значение указанного заимствования сводится к следующему: «продавать с маленькой прибылью, но при быстром товарообороте». В результате слово довольно быстро входит в разряд часто используемых.

Любое явление обладает двойственной природой, и японские заимствования в китайском языке – тому пример. Одно слово имеет несколько толкований, что приводит к его дедифференциации (к неразличению его значения). Ярким примером является слово 日产 rìchǎn – Нисан (название японского автопроизводителя). Изначально оно использовалось для наименования японской компании, занимающейся производством автомобилей. В процессе заимствования в самих словах была использована форма японских иероглифов, и в переводе слово было представлено как 日产株式会社 rìchǎnzhūshì huìshè – «акционерное общество “Ниссан”», а для записи названия продукции, которое использовалось к повседневной речи, применялся метод транскрибирования иероглифических знаков, что в переводе значило как 尼桑 nísāng. Произошло заимствование графической формы и звучания. В результате получилось выражение 日本日产汽车株式会社出产的尼桑牌汽车 Riběn rìchǎn qìchē zhūshì huìshè chūchǎn de nísāng pái qìchē – «японская акционерная компания “Ниссан” по производству автомобилей марки “Ниссан”». Скорее всего, это связано с маркетинговой стратегией. Но путанице в кальке – это пример нетипичного заимствования¹¹.

Вследствие ускоренной глобализации обособленность и закрытость стали невозможны, что отражается на языке и культуре. Заимствованные слова появляются в результате разного рода взаимных контактов в экономической, идеологической, культурной и других сферах. Японские заимствования, проникая в китайский язык, сохраняют свои особенности. Влияние Китая в мире с каждым днем становится все сильнее. Изучение китайского языка стало своего рода модной тенденцией. И у нас есть основания полагать, что в будущем появится больше возможностей для развития культуры китайской письменности.

Список использованной литературы

1. Гу, Цзяньпин. Исследование и анализ проникновения лексических заимствований современного японского языка в китайский язык [Текст] // Культура китайской иероглифической письменности. – 2000. – № 1.
2. Лю, Сяоя. Влияние японского языка на китайский язык с точки зрения японских заимствований [Текст] // Познание японского языка. – 2001. – № 5.
3. Фу, Чуаньфен. Психология и культура китайцев с точки зрения японских заимствований [Текст] // Язык и литература. – 2007. – № 9.
4. Чжан, Гуанпин. Японские слова в китайском языке и их влияние на китайский язык [Текст] / Гуанпин Чжан, Цинин Чжан // Вестн. Шаньдун. технолог. ун-та. – 2004. – № 9.
5. Чжан, Шаоянь. О японских лексических заимствованиях в современном китайском языке [Текст] // Вестн. Океанолог. ун-та г. Циндао. – 2001. – № 1.
6. Чжоу, Ган. Японские источники новых иностранных заимствований обиходной лексики за последние 20 лет [Текст] / Ган Чжоу, Юэ У. // Изучение китайского языка. – 2003. – № 5.

¹⁰ Лю Сяоя. Влияние японского языка на китайский язык с точки зрения японских заимствований // Познание японского языка. 2001. № 5. С. 24.

¹¹ Чжан Шаоянь. Указ. соч. С. 63.

Раздел VI

Художественный перевод с комментариями переводчика

(к 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова)

УДК 81'255.4

Я.М. Колкер, канд. пед. наук
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Великие стихи, великий романс

В статье рассматриваются некоторые жанрообразующие характеристики романса как синтетического лингвомузыкального произведения. Так как статья посвящена юбилею великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, то вполне естественно, что материалом исследования послужили его произведения («Выхожу один я на дорогу», «Парус» и «Отчего»). Стереотипы, столь свойственные текстам романсов, хотя иногда и встречаются в произведениях Лермонтова, ни в коей мере не сказываются отрицательно на выразительности его стиха, но, напротив, способствуют усилению эмотивности и экспрессивности текста. Перевод на английский язык становится инструментом исследования, и с его помощью выясняются причины огромной популярности произведений Лермонтова. Риторика построения поэтического текста, когезия и когерентность его составляющих в их непосредственном отношении к музыке позволяют определить структуру синтетического художественного образа и показать, в какой-то мере, процесс его создания.

романс, стандартизация, синтетический образ, эмотивность, экспрессивность, перевод.

Категоричность суждений иных ученых не может не поражать, особенно тогда, когда, чувствуя себя неопитом, вторгаешься за справкой в далекую от тебя сферу знаний. Так, в литературной энциклопедии И. Эйгес пишет: «Обычно же под романсом разумеют единение стихотворения и музыки, как пение под аккомпанемент фортепиано (редко другого инструмента или оркестра). Это неправильно обозначают как переложение стихов на музыку, тогда как переложить, перевести можно только музыку с одного инструмента на другой, а “переложить” поэзию на музыку немислимо. Композитор творит музыку под впечатлением текста и поручает исполнение мелодии голосу. При этом текст вполне подчиняется музыке, а не наоборот. Музыка вовсе не следует за текстом в качестве его иллюстрации, но слова, например, растягиваются, сообразуясь с музыкой, так что одна гласная может длиться в течение нескольких музыкальных тактов и т.п. Следовательно, в “романсе”, собственно, не текст сопровождается музыкой, как обычно говорят, но музыка, то есть голос (пение) с аккомпанементом сопровождается словами текста, которых можно даже и не слушать»¹.

Эта весьма длинная для короткой статьи цитата приводится даже не потому, что ее содержание крайне нелогично (как может композитор творить под впечатлением текста, который можно и не слушать?), но потому, что она приводит к целому ряду вопросов и соображений.

Почему, например, М. Мусоргский и А. Бородин писали сами слова к музыке некоторых своих романсов? Если слова так мало значат для выразительности романса, то почему тогда эти великие композиторы не писали свои произведения в почтенной форме вокализа?

Если не принимать во внимание ранее выраженную точку зрения И. Эйгеса, то возникает настоятельная необходимость определить взаимоотношения между музыкой и текстом. Об упрощении текста, к которому прибегают либреттисты (вспомним либретто оперы «Евгений Онегин») и композиторы-пе-

© Колкер Я.М., 2014

¹ Эйгес И. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. / под ред. Н. Бродского [и др.]. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. URL : <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7271.htm>

сенники, говорил еще Л. Бернштейн в своей знаменитой книге “The Joy of Music”², впервые опубликованной более полувека назад. Но когда речь идет о поэтических шедеврах А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета и других, можно ли допускать мысль о «простом» тексте, рассчитанном на то, что музыка доскажет, почувствует, дофилософствует? Вряд ли эти авторы рассчитывали, что их стихи будут когда-либо положены на музыку. Вероятнее всего, тексты величайших поэтов вступают с музыкой в несколько иные отношения. Это не два медведя в одной берлоге, но это и не взаимоотношения между ведущим и ведомым. В большинстве случаев музыка пишется на лирические стихи, и совсем не потому, что композитор находится под впечатлением текста и ему пришла идея создать интерсемиотический перевод. Музыка в романсе – не переложение, не перевод, не аккомпанемент; это средство создания, наряду с текстом, художественного образа, принципиально отличного от образа, создаваемого мелодией без текста. Здесь явно требуются жертвы, но последние иногда требуются и от текста (незапланированные поэтом повторы, растяжка гласных и сонорных звуков вопреки ритму, найденному поэтом, и др.). И получается то, что у Н. Заболоцкого в стихотворении о портрете Струйской: «Два тумана <...> два обмана...», то есть при взаимодействии систем образов двух и более видов искусства обеспечивается простор для создания и восприятия уникальных по своей природе синтетических средств воздействия. И образов, навеянных словами и музыкой романсов, может быть сколь угодно много. Так, один текст стихотворения может быть причиной создания романсов (а следовательно, образов), перечисление которых занимает несколько страниц. Например, романсы, основой которых явились стихотворения М. Лермонтова «Парус» и «Выхожу один я на дорогу», начали создаваться сразу же после смерти поэта и продолжают создаваться до сих пор – в России и за рубежом³. Слияние слова и музыки в единый лингвомузыкальный образ – важный фактор для этой статьи, так как ее задача – показать переводчику, что *синтетический образ – основная жанрообразующая характеристика романса*. Поэтому переводчику необходимо понимать, что такие часто выделяемые характеристики русского романса, как «психологический пейзаж», императивные структуры, вопросы, междометия «Увы!» и «Ах!» и т.п.⁴ приобретают экспрессивность и эмотивность, то есть образную выразительность, только в том случае, когда они способствуют развитию прагматико-риторической структуры, в которой был написан романс: монолог, обращенный к самому себе, нередко выступающий в форме аутодиалога, а также драматический монолог, в котором удобнее всего и понятнее для слушателя/читателя выражать свое отношение к действительности. За счет музыкальной составляющей усиливается пауза между вопросом и ответом, что придает дополнительную интригу тексту. Что же касается подтекста, то он объективируется (выводится на поверхность) музыкой, и это делает романс наряду с песней самым искренним синтетическим жанром.

Стандартизацию и стереотипизацию романса, касающуюся отнюдь не количества императивных конструкций и вопросов, а содержания, тоже следует считать жанрообразующей характеристикой. При этом стандартизация может определять не только ограниченность содержания, но и способствовать классификации романсов.

Так как статья посвящена предпереводческому анализу романсов М.Ю. Лермонтова, то некоторые важные для специалиста свойства этого жанра будут рассматриваться по ходу сопоставительного анализа оригинала и перевода с позиций выявления и преодоления переводческих трудностей.

Обратимся к романсу М.Ю. Лермонтова – Е.С. Шашиной «Выхожу один я на дорогу». Как известно, стихотворение было написано за несколько недель до гибели поэта, что переводчику важно знать, так как предчувствие смерти отражается в организации стиха и выборе лексического материала. Совет переводчику обратиться к образу, созданному Лермонтовым и Шашиной, закономерен, ибо из многочисленных романсов именно этот наиболее известен и должен быть у переводчика на слуху. Впрочем, можно было бы избрать любой другой образ, потому что принципиально подход к лингвистическому анализу остается тем же. В тексте романса есть многое из того, на что обращают внимание исследователи, занимающиеся лингвомузыкальной теорией романса: неизбежные риторические вопросы («*Что же мне так больно и так грустно? Жду ль чего? Жалею ли о чем?*»), неизбежный «психологический» пейзаж с неким космическим оттенком ... Признаки стандартизации налицо. И все-таки гениальный лермонтовский текст ничего общего не имеет с ходульными, набившими оскомину аксессуарами заурядного романса.

² Bernstein L. The Joy of Music. Amadeus Press? 2004. 320 p.

³ См. URL: <http://cyclowiki.org/wiki> (здесь перечисляются десятки композиторов).

⁴ Кривошей И.М. Слово-образ «простор» как художественная константа поэтики русского романса. // Поэтика и семантика музыкального текста. 2009. № 2(5). С.175–180; Хорошко Е.Ю. Лингвостилистические особенности русского романса : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 196 с.

Текст произведения «Выхожу один я на дорогу» можно было бы считать нарочито стереотипным, если бы не возвышенная философия, которой насыщена каждая строка.

В первой строке, предполагающей повествование, звучит мотив одиночества, что типично для романса. Но вторая строка с ее пространственной перспективой снимает сентиментальность первой и создает ощущение Млечного Пути, начинающегося на земле. И тогда уже вполне естественно в космический пейзаж включается Земля как центр спокойного торжества бытия. И совершенно оправдан выбор слов во второй строфе: «торжественно и чудно» с их органичным дыханием. После этого совсем не обыденным кажется стереотип, бытующий в романсах: вопрос–ответ, усилительное «уж» («*Уж не жду от жизни ничего я*»), потому что эти строки укладываются в метафизический аутодиалог, разрешающий гамлетовское сомнение героя, для которого смерть – приемлемый выход: она гораздо легче, чем «первая кончина» в сонетах Джона Донна. Здесь нет ожидания страшного суда, как у британского поэта. Есть желание слиться с вечной гармонией вселенной, стержнем которой является любовь.

Метафизическая философия Лермонтова – далеко не единственная трудность, которую предстоит преодолеть переводчику. Романс «Выхожу один я на дорогу» – это романс оттенков и полутонов, что предопределяет выбор лексики. Так, например, из всего синонимического ряда словарных единиц, обозначающих путь, слово “causeway” больше всего соответствует контексту, потому что в его многочисленных значениях сочетаются и вымощенная дорога, и насыпная дорога, а главное – дорога, по обеим сторонам которой могут быть водные пространства, где отражается звездная ночь, что образует единую сферу (небесную и земную). Слово “sky” в переводе было использовано во множественном числе не только потому, что в оригинале Лермонтов говорит о небесах, но прежде всего потому, что редко употребляемая в английском языке форма “skies” в сочетании с “blue” приобретает почти такую же религиозную окраску, что и «в небесах». Слова “solemn” и “adoration”, поставленные в одну строку, сливаются в один семантический аккорд, в котором сонорные [m] и [n] сохраняют мелодию, а чередования высокого и низкого звукового регистров делают тон более сдержанным. Финальность мужской рифмы в первой строфе (*road – abode*) несколько смягчается за счет дифтонгов. Иными словами, «индивидуальная образность может проявиться через усиление чувства звука, цвета и т.д.»⁵. Остается надеяться, что певцу будет удобно исполнять романс на английском языке. Впрочем, экспериментальная проверка может подтвердить это предположение. К такому эксперименту часто прибегал С.А. Аверинцев, комментируя во время публичных выступлений свои переводы древнеримских поэтов. Читаются вслух четные строки на языке оригинала, а нечетные – на языке перевода, и наоборот.

Приводим оригинал стихотворения и наш перевод на английский язык.

Михаил Лермонтов Выхожу один я на дорогу	Mikhail Lermontov Lonesome, I Come onto the Road:
Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездой говорит.	Lonesome, I come onto the road: In the dark the gleaming causeway lies. How peaceful is the Lord's abode... And the stars are talking in the skies.
В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сияньи голубом... Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ли о чем?	Solemn is the night in adoration. And the earth sleeps tight in rays of blue. Why am I in pain and in frustration? Dear Lord, I cannot find a clue.
Уж не жду от жизни ничего я, И не жаль мне прошлого ничуть; Я ищу свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть!	Nothing in my life will give me pleasure And the past will never make me weep. Peace of mind – the only thing I treasure – I would like to keep, then fall asleep.
Но не тем холодным сном могилы... Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;	And it's not the coldest sleep of graveyards That I'd like to chill my endless rest. But I'd wish the living breeze to safeguard Gentle feelings in my heaving breast,
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел, Надо мной чтоб вечно зеленея Темный дуб склонялся и шумел.	And all day, all night, my soul caressing, The dark oak to rustle from above, And from heaven, as eternal blessing, A sweet voice to sing me songs of love.

⁵ Валгина Н.С. Теория текста. Словесный (художественный) образ. URL: – <http://evartist.narod.ru/text14/18.htm>

Еще один романс (М. Лермонтова, музыка А. Варламова) об одиночестве называется «Парус». Стихотворение было написано М. Лермонтовым в 1932 году, а музыку сочинил А. Варламов в 1948 году, уже после смерти поэта. И если «Выхожу один я на дорогу» – это попытка осмыслить бытие и понять место человека в космическом пространстве, то образ, созданный М. Лермонтовым и А. Варламовым, направлен на иное. В начале XIX века романтики хотели определить, каково человеку, которого захлестывают стихии, которым управляют страсти и который, осознавая свою неизбежную гибель, продолжает существовать в двух «измерениях»: измерении любви и измерении смерти. «Белеет парус одинокий» – строка, придуманная не Лермонтовым. Это начало неоконченной поэмы «Андрей – князь Переяславский» А.А. Бестужева-Марлинского:

Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло,
И грустен путник светлоокый,
У ног колчан, в руке весло.

Строка была взята Лермонтовым для своего стихотворения уже после смерти А.А. Бестужева-Марлинского. Так почему же она стала известной только в стихотворении М. Лермонтова и почему о ней мало кто знал, когда ее написал А.А. Бестужев-Марлинский? Достаточно посмотреть на первое четверостишие поэмы, чтобы дать ответ на этот вопрос. Вторая строка четверостишия заземляет порыв первой. Художественное сравнение «как лебединое крыло» не имеет дальнейшего развития. И образ паруса, так хорошо придуманный А.А. Бестужевым-Марлинским, выглядит статичным. В результате в стихотворении нет ощущения простора. В этом беда любого художественного сравнения. У Лермонтова вторая строка дает простор развитию образа в прямом и переносном смысле.

Итак, стихи «Парус» – романтический манифест, прославление вечной неуспокоенности и вечного движения. Вот что спасает романс Лермонтова–Варламова от давления стереотипов. Он показывает, что «романс (...) может демонстрировать яркое разнообразие эмоций, не ограничиваясь сентиментальностью»⁶. Здесь опять же есть все, что присуще романсу, кроме упоминаемого всеми исследователями императива. Здесь есть сентиментальное «Увы!», структура вопрос–ответ, пейзаж – в данном случае, морской. Так что же делает образ М. Лермонтова и Д. Варламова уникальным, не похожим на другие? Прежде всего следует говорить об аутодиалоге. И это не просто вопрос–ответ, это желание пытливого ума определить цель существования, сентиментальное «Увы!» звучит вовсе не сентиментально. Это не сожаление и не разочарование, а междометие, определяющее возможность заглянуть в будущее.

И пейзаж здесь – не просто сопутствующее обстоятельство, а контраст между красивой успокоенностью («*струя светлей лазури, луч солнца золотой*» – чего еще надо?) и жадной борьбы, столь свойственной романтикам.

К этим соображениям относительно концептуального аспекта романса можно присоединить открытость проблемы. Стихотворение закончено, а проблема осталась.

Напевность стихотворения, столь отчетливо представленная в первой строфе оригинала, сохраняется в переводе за счет сонорных звуков в сильной (финальной) позиции. И, казалось бы, совершенно безнадежная глухая рифма “mist – miss” опять-таки сохраняет звучность благодаря сонорному [m].

При написании музыки А. Варламов, безусловно, понимал, что создание синтетического образа будет зависеть от того, насколько удастся расставить музыкальные акценты на ключевых словах в каждой строке. Дело в том, что строфы используют разные формы выражения мысли. Так, в первой строфе М. Лермонтову было необходимо описание и контраст между «далекой» и «родном». Он дает описание, в котором ключевыми словами, кроме уже упомянутых, являются «одинокий» и «голубом». Во второй строфе, регистрирующей движение, акцентируются глаголы, создающие динамическую картину, в которой передается сложное, беспокойное состояние объекта. Глагольная рифма здесь – не недостаток, а достоинство, так как она убыстряет ритм и усиливает настроение непокоя. Третья строфа – полемическая; она включает все предыдущие образы, что требует акцентов на прилагательном, глаголе, но в основном на существительных в двух последних строках. Ощущение некоторой незаконченности достигается с помощью «как будто», а в переводе – за счет значения глагола “deem”. Соблюдение последовательности дискурсивных форм – описание (статическая картина), описание (динамическая картина), полемика – обязательно для переводчика, так как это способствует распределению акцентов на ключевых словах.

⁶ Гендлер И.В. Своеобразие комического в русском романсе // Урал. филол. вестн. 2012. № 2. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. С. 134.

Приведем оригинал стихотворения и наш перевод.

Михаил Лермонтов Парус	Mikhail Lermontov The Sail
Белеет парус одинокой В тумане моря голубом. Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?	The lonely sail, white and unbending, Still shows through the azure mist. What is the message it is sending? What does it hope for or miss?
Играют волны, ветер свищет, И мачта гнется и скрипит; Увы! – он счастья не ищет И не от счастья бежит!	The mast under the wind is creaking, The waves are playing in the sun. It's not delight the sail is seeking And not from happiness it runs.
Под ним струя светлей лазури, Над ним луч солнца золотой: А он, мятежный, просит бури, Как будто в бурях есть покой!	The sky of blue spreads like an ocean, The sea beneath it spreads like fleece. Why should it look for storm and motion And deem that mutiny brings peace?

Третий романс не похож на два предыдущих и тем интересен и сложен для переводчика. С одной стороны, он написан в достаточно традиционной для романса форме драматического монолога. Но с другой стороны – коммуникативная ситуация не предполагала широкой популярности текста. Стихотворение, написанное М. Лермонтовым в 1840 году, было обращено к княгине М.А. Щербатовой, но не было рассчитано на то, чтобы об этом знали многие.

В тексте романса нет никаких признаков стандартизованности, которые присущи, по свидетельству многих исследователей, жанру романса (императивные структуры, вопросы, междометия, определяющие сентиментальную слезливость тона). И все-таки можно думать, что стандартизация как жанрообразующая характеристика свойственна романсу М. Лермонтова–А. Даргомыжского, так как отношения «толпа – любовь, клевета – искренность, не допускающая обмана и подвоха», находились и находятся в эпицентре романтического сюжета (ср. стихотворение Дж. Байрона “When we two parted”).

Музыка, которая обычно и помогает, и мешает переводчику, в данном случае далеко не у всех на слуху, и только профессионал может определить ее влияние на перевод. Наиболее известен романс А. Даргомыжского, хотя есть и другие синтетические образы, созданные, в частности, Н. Балакиревым и Н. Римским-Корсаковым.

Название, которое дал стихотворению М. Лермонтов («Отчего»), может быть перефразировано как вопрос «Почему мы так по-разному относимся к тому, что происходит и еще может произойти». А. Даргомыжский (1848) своим названием «Мне грустно» констатирует эмоциональное состояние героя и определяет тональность синтетического образа.

Приводим оригинал и наш перевод.

Мне грустно Михаил Лермонтов – Александр Даргомыжский
Мне грустно, потому что я тебя люблю, И знаю: молодость цветущую твою Не пощадит молвы ⁷ коварное гоненье. За каждый светлый день иль сладкое мгновенье Слезами и тоской заплатишь ты судьбе. Мне грустно... потому что весело тебе.
It Makes Me Grieved
It makes me grieved to see my love is so strong. I know that your youth, which blossoms like a song, The slander of the world will never want to spare. And every moment sweet and every minute rare Will be by ruthless fate destroyed, forsaken, buried. It makes me grieved to see that you are so merry.

⁷ В других вариантах – «толпы» (прим. автора)

Текст написан шестистопным ямбом, допускающим гораздо большую свободу изложения, чем четырехстопный ямб («Парус») и пятистопный хорей («Выхожу один я на дорогу»). Размеренность шестистопного ямба сглаживает «острые углы» и категоричность мужской рифмы, которая преобладает в стихотворении.

Вывод, который хотелось бы сделать из всего сказанного, состоит в том, что текст как неотъемлемую часть синтетического образа ни в коем случае нельзя упрощать, о чем всегда должен помнить переводчик, как и о том, что образ, создаваемый поэтом и композитором, – образ синтетический.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Валгина, Н.С. Теория текста. Словесный (художественный) образ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://evartist.narod.ru/text14/18.htm>
2. Гендлер, И.В. Своеобразие комического в русском романе [Текст] // Урал. филол. вестн. – 2012. – № 2. – Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – С.134–138.
3. Кривошей, И.М. Слово-образ «простор» как художественная константа поэтики русского романа. [Текст] // Поэтика и семантика музыкального текста. – 2009. – № 2(5). – С.175–180.
4. Хорошко, Е.Ю. Лингвостилистические особенности русского романа [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 196 с.
5. Эйгес, И. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. [Электронный ресурс] / под ред. Н. Бродского [и др.] М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – Т. 2. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7271.htm>
6. Bernstein, L. The Joy of Music [Text]. Amadeus Press, – 2004. – 320 p.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

(Аннотированное содержание на английском языке)

Part I

Concept-Centred Studies of Language and Discourse

Stepanov, Valentin, Ph.D., Professor
(MUBiNT, Yaroslavl', Russia)

Interpretation of the Concept of “Kraft” (“force”) In the works of Wilhelm von Humboldt

The article examines the concept of “Kraft”, which is traditionally employed in the German humanitarian studies, though it often lacks terminological precision. Therefore, the word requires a more precise scientific definition as an epistemological concept and a unit of contemporary humanitarian knowledge. The article analyses the usage of “Kraft” chiefly in the works of Humboldt, with just a few examples from the works of his contemporaries – Kant, Hegel, Jenisch, and Steinthal, so as to reconstruct and describe the structure of the „Kraft“ concept as a unit of an epistemological system.

Wilhelm von Humboldt, concept, force, Kraft, spirit, Geist, „history of concepts“, Begriffsgeschichte.

Sheina, Irina, Ph.D., Professor
(RSU named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Russian Borrowings in the Yupik Eskimo Language

The article presents a study of Russian borrowings in the language of Yupik spoken by Alaskan Eskimo people. The semantic structures of Russian borrowings reflect the consequences of the cross-cultural and cross-linguistic contacts which produced a crucial impact on the Eskimo's world view. The article emphasizes the role of semantic borrowings in manifestation of the drastic changes in the Eskimo spiritual values which resulted from adoption of Orthodox Christianity.

conceptual worldview, linguistic worldview, concept, borrowing, the semantic structure of a word.

Part II

Linguistic Pre-Requisites of Adequate Translation

Hans-Harry Drößiger, Ph.D.
(Vilnius University, Vilnius, Lithuania)

Theoretical Foundations of Translation: Ontology, Equivalence, Metonymy

Culture-bound words refer to cultural knowledge, which has to be delivered to the speakers/writers of other language and culture communities when translating. The structures of cultural knowledge can be theoretically depicted by such terms as ontology, equivalence, and metonymy. The article discusses, surveys, and evaluates foundations to these terms presented by Information Science, Translation Theory, and Cognitive Linguistics. The article focuses on basic problems of translation theory and presents theoretical foundations from an interdisciplinary perspective of translation in general. Also, this article offers general ways of handling culture-bound words when translating.

Ontology, equivalence, conceptual metonymy, culture-bound words, translation.

Maryanovskaya, Elena, Ph.D., Associate Professor
(RSU named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Translation as a Vehicle for Teaching Reading and Understanding Fiction)

The author of the paper shows that translation may become a vehicle for teaching reading fiction. The author suggests that the pragmatic value of a word in a phrase, in a sentence, or in a communicative block may be explored only in the process of translation analysis. Translation analysis in its turn is viewed as a unity

of pre-translation analysis, during translation analysis, and post-translation analysis. Only used in combination these three types of translation analysis enhance effectiveness while teaching reading fiction.

translation of fiction, pre-translation analysis, analysis during translation, post-translation analysis, translator as a reader, R. Kipling, "How the First Letter was Written", "How the Alphabet was Made", system of presuppositions.

Naumova, Olga, Ph.D., Associate Professor

(Nizhny Novgorod State Linguistic University named for N.A. Dobrolubov, Nizhny Novgorod, Russia)

"The Proper", "the Other", "the Diverse": Multicultural Dialogue and the Challenges of Translating Surzhyk in the English Texts by M. Lewycka

The article focuses on the texts by M. Lewycka, a modern British writer, who depicts the problems of national identity of a certain immigrant diaspora – "*The Ukraine Abroad*". The linguistic aspect is a means of probing the national self-awareness: the recent "others" turn into "alien". Due to the hyphenated identity of the author, the hybrid language of the fictional characters, a specific crossbreed lingual image is represented. In translating the author's idiolect into Russian, surzhyk – an active agent sociolect and an ethnic concept – may serve as an adequate transmitter of the "mongrel language". However, the usage of surzhyk as the predominant stylistic tool is a debatable issue, as it lends a "regional" colouring to the translated text.

The exploitation of surzhyk is not the only way of reflecting multicultural dialogue. Various means might be suggested – such as transliteration, loan translation and calque, neologisms, nonce words, authentic cultural elements for the instrumentation of the ethnic and linguistic differences – in an age of globalization and political correctness.

national self-awareness, hybrid language, sociolect, ethnic concept, surzhyk, stylistic predominant in translation, "The Proper", "the Other", "the Diverse", M. Lewycka, "A Short History of Tractors in Ukrainian", "Two Caravans"

Part III

Analysis of Written Text as Discourse

Boyko, Galina, Ph.D., Associate Professor

(RSU named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Linguistic Representation of the System of Values in the Works of W. Borchert

The article is devoted to values-oriented worldview in the works of Wolfgang Borchert, a German-speaking writer of the forties. The article shows how different linguistic means represent the value-centred worldview, the typical themes and the fundamental values in the works by W. Borchert. The author suggests that the analysis of Borchert's literary heritage from the perspective of predominant spiritual values can blaze the trail for re-examination of different approaches to values formation.

value-oriented worldview, dominant values, post-war generation, German short story.

Loginova, Elena, Ph.D., Associate Professor

(RSU named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Bringing Orderliness through Analogy as the Basic Function of a Sign

The article examines the possibilities of repetition as one of the means to assure orderliness at different levels of discourse: phonetic, lexical, syntactical and pragmatic. The author assumes that repetition, being a mechanism of the fractal modeling, functions as a sign which helps to define the under-the-surface organization of form and content relationships which stimulate communication, and thus it helps to investigate the logic of discourse development. Analysis of the drama of the absurd (S. Beckett, E. Ionesco, H. Pinter, A. Wesker) leads to creating a precise classification of cases of repetition and to elaborating the idea of bringing orderliness through analogy, which can be characterized as a universal means of sorting out linguistic and extralinguistic experience and, as such, a basis for intersemiotic interpretation of experience.

orderliness, analogy, experience, sign, semiotic system, fractal, repetition, discourse, the drama of the absurd, explicit and implicit information.

Rogatin, Vladimir, Ph.D., Associate Professor
(RSU named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Discoveries of Shakespeare in Enlightenment Fiction

In this paper, we look into the genre affinities that the novel formed with earlier British national heritage, quoting and adapting Shakespeare to suit the new popular genre, the novel. The focus is on Henry Fielding and on his masterpiece, *History of Tom Jones, Foundling*. In this novel, the narrator's characterization method is deeply indebted to the playwright, and the context of the story enables him to pronounce several deeper judgments than those voiced by professional critics.

English literature, Enlightenment, novel, quote, allusion, parody, deterioration, familiar quotation, context, personage.

Khromenkov, Pavel, Ph.D., Professor
(MSRU, Moscow, Russia)

“Hate speech” Studies as a Branch of Linguistic Research

This article analyzes the contemporary discourse on global issues of “hate speech” as a specific linguistic and cultural phenomenon. The article outlines the genesis of “hate speech” studies in the western humanities. “Hate speech” is highly expressive and is directly related to the speaker's or writer's psycho-emotional condition. It is indicated in the article that the texts examined by conflict management researchers represent a very specific communication system. The article refers to the role of the mass media, including online resources, in spreading “hate speech”. The paper analyses a feasible classification of speech aggression expressions in the field of ethnic relations. It also disuses the role of political technologies and their impact on the formation of “hate speech”. Refraction of “hate speech” is considered in the analysis of representatives of the various humanities disciplines. The conclusion is made that the institutionalization of a new interdisciplinary branch of studies is presently taking place.

hate speech, verbal aggression, conflict, philosophy of culture and language, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics.

Part IV

Contemporary Paradigms of Foreign Language Education

Vladimirova, Lyudmila, Ph.D, Senior Researcher
(Institute of content and methods of teaching,
Russian Academy of Education, Moscow, Russia)

Distance Foreign Language Education: Specific Characteristics and Prospects

The article is devoted to problems of distance education. Federal law on education in the Russian Federation confirms the relevance of this topic. The article considers the issues of content selection for foreign language distance education, as well as the issues of organizing such a course. The article deals with the didactic aspects of distance foreign language education and confirms that the goals and objectives of such a course, with all the opportunities modern technologies offer, are still highly debatable. The author considers Internet resources and Web 2.0. technologies as an opportunity to increase the amount of verbal communication in a foreign language in full-time and distance learning, and regards the blog a platform for distance learning.

distance learning, e-learning, specificity, foreign language, internet-resource, blog, Web 2.0.

Cameron-Faulkner, Thea, Ph.D.
(Manchester University, Manchester, UK)

Pedagogical Insights from the Usage-Based Approach to Language

The paper explores the language education potential of usage-based approaches to linguistic research, with a specific focus on Systemic Functional Linguistics (SFL), – a theory developed by M. Halliday in the 1970s. This theory highlights the contextual and culturally specific nature of language. It attaches great significance to learning how to communicate in different genres, which are characterized by three contextu-

al elements: field, tenor, and mode. The author maintains that usage-based linguistic theories pave the way for developing an integrated approach to the study of language and language development. Recent studies have demonstrated the value of Usage-based approaches to second and foreign language teaching and highlight the importance of providing an integrated approach to language education.

Usage-based approach, language studies, education, meaning-making, context, culture, genre, integration.

Kolesnikov, Andrei, Ph.D., Associate Professor

(RSU named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Instructive Professional Orientation in an Advanced Placement German Language Class (10th–10th grades)

The article regards professional orientation of high-school senior students through language instruction in an advanced placement German language class. By profession-oriented instruction the author means not only advanced German language studies but also an introduction to a profession for which the German Language can serve as a vehicle. The article describes the levels of profession-oriented language education, with a special emphasis on the mandatory (formal) and optional (informal) levels of profession-oriented German language instruction.

instructive professional orientation, German Language studies, advanced placement class, mandatory, optional, elective course.

Shan, Nina, Associate Professor

(Changchun University, Changchun, China)

The Place of Translation in the System of Exercises Aimed at Teaching the Logic of a Coherent Utterance

The article examines the role of translation as a strategy aimed at teaching to produce effective utterances in the foreign language. By effectiveness we mean, above all, the logic, coherence and appropriateness of utterances in a specific communicative situation. We find it necessary to start with the *analysis* of extended utterances as a pre-requisite to *productive* tasks. The analysis should be based on the relevant aspects of the communicative situation. Translation from the mother tongue (Chinese) into the foreign language (Russian) makes it possible to view the goal of each speech act as part of the overall communicative intention. Translation as a bridge between the intention and speech production helps to make each sentence pragmatically relevant and to ensure coherence and cohesion of the entire utterance.

translation, analysis, synthesis, communicative situation, cohesion, coherence, communicative strategy, intention

Part V

Confucius Institute: Issues of Contemporary Sinology

Han Binshuan, Senior Lecturer

(Changchun University, Changchun, China)

On the Challenges of Teaching Practical Phonetics to Foreigners

Acquisition of adequate Chinese pronunciation is the starting point and an extremely important stage in learning the Chinese Language. And it often proves to be the main stumbling block. The paper addresses the main challenges of teaching Chinese phonetics to foreigners. The author examines the chief difficulties encountered by users of different mother tongues and comes up with certain recommendations proceeding equally from theoretical and experimental data. Thus, the author insists that phonetics should be practiced not only during the opening stage but throughout the curriculum, that phonetic challenges require a conscious approach, and that phonetic practice ought to be communicative.

teaching Chinese to foreigners, challenges, cognition, communication.

Zhang Quanfeng, M.A., Senior Lecturer
(Changchun University, Changchun, China)

The Language and Narrative Techniques of Chinese Internet Literature

This article continues the discussion of contemporary internet literature (see our publication in the previous issue of the journal). Modern internet fiction is examined from the viewpoint of its subject-matter, focalization, language register, composition, genre variety, and choice of vocabulary. One other vital factor is that internet authors can communicate with the readers much more directly, and the reader's emotional response can sometimes affect the development of an internet novel.

literary quality, narrator, diary entry, autobiography, auto-catharsis, plot, interaction.

Zhao Chunguan, Senior Lecturer
(Changchun University, Changchun, China)

A Brief Analysis of the Culture of Chinese and Japanese Characters

The Chinese and Japanese languages, though quite different, are brought together by sharing the same system of writing – characters. This resulted from the great influence of Confucianism on the historical development of both cultures. But the writing systems of the two nations also proceed from their peculiarities and achievements. Hieroglyphic writing has served as a link between the two languages. The process of reciprocal lexical borrowings in Chinese from Japanese and vice versa shows how these languages were developing and acquiring their specific features throughout the ages.

system of Chinese characters, the culture of hieroglyphic writing, Japanese sources of characters and vocabulary, back borrowings.

Part VI

Translation of Poetic Discourse and Translator's Commentaries *(on the bicentenary of Mikhail Lermontov's birth)*

Kolker, Jacob, Ph.D., Professor
(RSU named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Great Verse, Great Music

The article establishes grounds for a synthetic linguo-musical piece of art usually vaguely termed as "romance". The term is often specified as "Russian romance" and acquires the meaning of "a confession of emotion", a highly personal expression of feeling through words and music – expression of joy, adoration, suffering, and death. The article examines three Russian romances written by Lermontov ("*Lonesome, I Come onto the Road*", "*The Sail*", and "*I am Grieved*") and set to music, respectively, by Shashina, Varlamov and Dargomyzhsky. The article regards the synthetic images as rhetorical structures representing a soliloquy, a piece of autodialogue, and dramatic monologue. It gives the genre-shaping characteristics of a Russian romance setting it apart from other musical genres. The translations of the three pieces under examination, done by the author of the article, are used as instruments of research.

Russian romance, stereotyping, synthetic image, emotiveness, expressive potential, translation.

Сведения об авторах

Бойко Галина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес (раб.): 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, ауд. 19в. Тел. (раб.): 8(4912) 21-57-25. Электронный адрес: g.boyko@rsu.edu.ru

Владимирова Людмила Павловна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории дидактики иностранных языков Института содержания и методов обучения Российской академии образования. Почтовый адрес: 108062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, комн. 108. Тел. (раб.): 8(495) 625-29-35. Электронный адрес: vludmilap@mail.ru

Дрессигер Ганс-Гарри (Dröbiger, Hans-Harry) – доктор филологических наук (“doctor philosophiae” – 1986, Эрфурт, Германия, “doctor habilitatus” – 2008, Вильнюсский ун-т). Профессор кафедры Германской филологии Каунасского гуманитарного факультета в Вильнюсском университете (Литва). Раб. адрес: Литва, г. Каунас, ул. Муйтинес, 8, ЛТ-44280. Дом. адрес: Литва, г. Вильнюс, ул. Вяркю, 1–6, ЛТ-08218. Тел. (личный): +370-5-275-08-87. Электронный адрес: hdroessi@gmail.com

Колесников Андрей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, заведующий Лабораторией исследования проблем непрерывного образования. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21-57-25. Электронный адрес: kolesnikow@list.ru, a.kolesnikov@rsu.edu.ru

Колкер Яков Моисеевич – кандидат педагогических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, почетный работник профессионального образования России, член Союза российских писателей (отделение перевода – поэзия). Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21-57-23. Электронный адрес: ya.kolker@rsu.edu.ru

Кэмерон-Фолкнер, Теа – доктор филологических наук, доцент, преподаватель лингвистики и английского языка, факультет искусств, языков и культур Манчестерского университета. Почтовый адрес: Великобритания, г. Манчестер, M13 9PL, Манчестерский университет, корпус им. Сэмюэля Александра – NG14, факультет искусств, языков и культур. Электронный адрес: t.cameron@manchester.ac.uk

Логинова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германских языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): (4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.loginova@rsu.edu.ru

Марьяновская Елена Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков, директор НОП «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

Наумова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова. Почтовый адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, НГЛУ, кафедра зарубежной литературы и ТМК, тел. 8(831) 416-60-56. Электронный адрес: zarub@lunn.ru

Розатин Владимир Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21-57-23. Электронный адрес: v.rogatin@rsu.edu.ru

Степанов Валентин Николаевич – профессор, доктор филологических наук, проректор по научной работе, заведующий кафедрой массовых коммуникаций и социально-культурного сервиса Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Почтовый адрес: 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80. Тел.: +7 915 969-90-60. Электронный адрес: stepanov@mubint.ru

Хань Биншун – старший преподаватель (китайского языка как иностранного) Института международного образования Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Цзилинь, 130022, г. Чанчунь, ул. Вейсинлу, 6543. Электронный адрес: 462114902@qq.com

Хроменков Павел Николаевич – кандидат филологических наук, профессор, ректор Московского государственного областного университета. Почтовый адрес: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, МГОУ, ректорат. Тел.н (раб.): +7 499 261-22-28. Электронный адрес: rectorat@mgou.ru

Чжан Цюаньфэн – магистр, старший преподаватель Института иностранных языков Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Цзилинь, 130022, г. Чанчунь, ул. Вейсинлу, 6543. Тел.: +7 (951) 100-51-85. Электронный адрес: Victorzhang0405@gmail.com

Чжао Чуньгуан – старший преподаватель факультета японского языка Института иностранных языков Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Цзилинь, 130022, г. Чанчунь, ул. Вейсинлу, 6543. Электронный адрес: 1968086388@qq.com

Шань Нина – заведующая кафедрой иностранных языков, доцент Института международного образования Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Цзилинь, 130022, г. Чанчунь, ул. Вейсинлу, 6543. Электронный адрес: shanyu486@163.com

Шейна Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой восточных языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21-57-23. Электронный адрес: i.sheina@rsu.gyazan.ru

List of Authors

Boiko, Galina – Ph.D., Associate Professor, Dpt. of Second Foreign Language and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Tel.: 8(4912) 21-57-25. Tel.: 8 (4912) 21-57-25. E-mail: g.boyko@rsu.edu

Cameron-Faulkner, Thea – Ph.D. Lecturer in Linguistics and English Language, School of Arts, Languages and Cultures at the University of Manchester, UK. Postal address : Samuel Alexander Building-NG14, School of Arts, Languages and Cultures, University of Manchester, Oxford Road, Manchester, M13 9PL UK. E-mail: t.cameron@manchester.ac.uk

Dröbiger, Hans-Harry – Ph.D., Professor, German Philology Dpt., Kaunas Humanitarian Faculty at Vilnius University. Postal address: 8 Muitines St., LT-44280, Kaunas, Lithuania. Tel.: +370-5-275-08-87. E-mail: hdroessi@gmail.com

Han, Bingshuang – Senior Lecturer (teacher of Chinese to foreigners), College of International Education, Changchun University. Postal address: 6543 Weixinglu, Changchun, 130022, Jiling Province, China. Contact e-mail: 462114902@qq.com

Khromenkov, Pavel – Ph.D (Linguistics), Professor, Rector of Moscow State Region University. Postal address: MGOU, 10A Radio Str., Moscow, 105005, Russia. Tel.: +7 499 261-22-28. E-mail: rectorat@mgou.ru

Kolesnikov, Andrei – Ph.D., Associate Professor, Dpt. of Second Foreign Language and Language Teaching Methodology, Head of Continuous Education Laboratory, Institute of Foreign Languages at Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46, Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Tel.: 8 (4912) 21-57-25. E-mail: kolesnikow@list.ru, a.kolesnikov@rsu.edu.ru

Kolker, Jacob – Ph.D., Professor of Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation, Member of the Professional Organization “Union of Russian Writers” (poetry). Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8 (4912) 21-57-23. E-mail: ya.kolker@rsu.edu.ru

Loginova, Elena – Ph.D., Associate Professor, Head of Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: (4912) 21-57-23. E-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

Maryanovskaya, Elena – Ph.D., Associate Professor, Head of Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Co-Head of Confucius Institute, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46, Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Tel.: 8 (4912) 21-57-23. E-mail: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

Naumova, Olga – Ph.D., Associate Professor, Professor of the Dpt. Of Foreign Literature and Theory of Intercultural Communication, Nizhegorodsky State Linguistic University named for N.A. Dobroliubov. Postal address: 31-a, Minin St., Nizhny Novgorod, 603155, NSLU, Dpt. of Foreign Literature and TIC. Tel.: 8 (831) 416-60-56, E-mail: zarub@lunn.ru

Rogatin, Vladimir – Ph.D., Associate Professor, Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages at Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., room 38, Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8 (4912) 28-13-14. E-mail: v.rogatin@rsu.edu.ru

Shan, Nina – Associate Professor, Head of Foreign Languages Dpt., Institute of International Education, Changchun University, China. Postal address: 6543 Weixinglu, Changchun, 130022, Jiling Province, China. Tel.: 135 789-102-51. E-mail: shanyu486@163.com

Sheina, Irina – Ph.D., Professor, Head of Dpt. of Oriental Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages at Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46, Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Tel.: 8 (491) 221-57-23. E-mail: i.sheina@rsu.edu.ru

Stepanov, Valentin – Ph.D., Doctor of Philology, Professor, Deputy Rector for Research, Head of Dpt. of Mass Communication and Sociocultural Service, International University of Business and New Technologies (MUBiNT). Postal address: 80 Sovetskaya St., Office 116, 150003, Yaroslavl, Russia. Tel.: +7 4852 25-66-76. Fax: +7 4852 32-09-62. E-mail: stepanov@mubint.ru

Vladimirova, Lyudmila – Ph.D., Senior Researcher at the laboratory of didactics of foreign languages of the Institute of Content and Teaching Methods of the Russian Academy of Education. Postal address: 5/16 Makarenko St., room. 10., Moscow, 108062, Russia. Tel.: 8 (495) 625-29-35. E-mail: vludmilap@mail.ru

Zhang Quanfeng – M.A., Senior Lecturer, English Language Dpt., Institute of Foreign Languages, Changchun University. Postal address: 6543 Weixinglu, Changchun, 130022, Jiling Province, China. Tel.: +7 135 787-234-55. E-mail: victorzhang0405@gmail.com, 17835934@qq.com

Zhao Chunguan – Senior Lecturer, Japanese Language Dpt., Institute of Foreign Languages, Changchun University. Postal address: 6543 Weixinglu, Changchun, 130022, Jiling Province, China. E-mail: 1968086388@qq.com

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года. С 2009 года его периодичность – один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 23 ноября 2012 года. **Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731.**

Подписной индекс журнала – № 36852 в каталоге «Роспечать».

Журналу присвоен международный индекс ISSN 2072-7607.

В журнале «Иностранные языки в высшей школе» представлены рубрики, посвященные филологии и лингвистике, теории и практике перевода, методике преподавания иностранных языков и теоретических дисциплин в вузе (в том числе теории и практике глобального образования). В 2012 году была открыта новая рубрика – «Художественный перевод с авторскими комментариями».

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках: немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.
2. Редакционный совет журнала принимает статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.
3. К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.
4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
5. В 2014 году публикации остаются бесплатными для всех категорий авторов. Гонорар авторам не выплачивается.
6. Основанием для включения статьи в состав журнала «Иностранные языки в высшей школе» является получение положительной рецензии на статью от признанных ученых в данной области научных знаний.
7. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционной коллегией журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

№ п/п	Индекс	Название специальностей	науки
1.	13.00.02	Теория и методика обучения и воспитания	Педагогические
2.	10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	Филологические
3.	10.02.19	Теория языка	Филологические
4.	10.02.04	Германские языки	Филологические
5.	10.02.05	Романские языки	Филологические

6.	10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	Филологические
7.	10.01.08	Теория литературы. Текстология	Филологические
8.	10.01.03	Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	Филологические
9.	10.02.01	Русский язык*	Филологические
10.	10.02.21	Прикладная и математическая лингвистика	Филологические

* Русский язык рассматривается как иностранный. Имеется в виду филологический анализ как предпосылка для сопоставительного исследования или для целей методики преподавания русского языка как иностранного.

Требования к оформлению статей

Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@rsu.edu.ru (с копией по адресам e.ustinova.rsu@gmail.com и ya.kolker@rsu.edu.ru). Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение, в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Средний рекомендуемый объем статьи – 0,5 п. л. (что соответствует 12 страницам текста в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

Статья сопровождается аннотацией (примерно 100–110 слов) и списком ключевых слов на русском языке, а также **заголовком, аннотацией и списком ключевых слов на английском языке (независимо от языка статьи)**.

Ссылки в тексте оформляются в виде сносок под страницей (выполненных автоматически, а не вручную), со сплошной, то есть продолжающейся нумерацией. Маркер сноски – арабская цифра. Алгоритм: *вставка – ссылка – сноска – продолжить – применить ко всему документу – вставить*.

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ.

Шрифт – Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал (кегль подстрочной сноски 10, Times New Roman). Не допускаются ручные переносы.

Указывается развернутый шифр **УДК** статьи.

Сведения об авторах

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- количество научных публикаций (книг, монографий, учебно-методических пособий, статей);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e-mail); (отдельно уточните, какой адрес и телефон можно публиковать, а какой дается только для связи и отсылки авторского экземпляра)
- название и шифр специальности (предполагаемой) защиты;
- основные направления научных исследований.

Электронные адреса и контактный телефон

e.ustinova@rsu.edu.ru; ya.kolker@rsu.edu.ru

Тел.: (4912) 21-57-23

ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ МОЖНО В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ.
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС ИЗДАНИЯ № 36852 В КАТАЛОГЕ «РОСПЕЧАТЬ»

Иностранные языки в высшей школе

**Научный журнал
Выпуск 2 (29)**

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:

Е.С. Устинова (английский язык)
Е.В. Игнатова (немецкий язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)

Редактор Н.В. Смурова
Технический редактор
Ответственный за выпуск

Подписано в печать 15.07.2014. Поз. № 40
Бумага офсетная. Формат 60×84/8. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14. Тираж 350 экз. Заказ № 541.
Дата выхода в свет 31.03.2014. Цена договорная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано ООО Агентство «ЛИТЕРА»
150000, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 2.